

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

2 6

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

05
954
2-11-17
1889

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ
вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по срав-
нительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

16561 20
Изд. А. Хованскимъ.

— ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ —

ВЫПУСКЪ III—IV.

Воронежская областная
публичная библиотека
имени И. С. Никитина

— 0578683 —

Воронежъ.

Въ Типографіи В. И. Исаева.

1889.

СОДЕРЖАНІЕ III—IV ВЫПУСКОВЪ.

Дополненіе къ чествованію 50-лѣтней ученой дѣятельности академика и заслуженнаго профессора Ѳеодора Ивановича Буслаева.

О. Н.

Изъ лекцій по латинской фонетикѣ. (Продолженіе).
Проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенѣ.

Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности. (Оконч.)

В. Плотникова.

Зачатки прикладнаго языкознанія, какъ науки о націонализмѣ. Прозѣктъ. Введеніе.

В. М. Добровскаго.

Замѣтка къ вопросу объ улучшеніи преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ въ связи съ письменными упражненіями.

Ю. Н. Верещагина.

Методика русскаго языка *).

А. В. Барсова.

Опытъ объясненія звуковыхъ измѣненій рѣчи измѣненіемъ работъ органовъ. (Продолженіе).

А. Камскаго.

Замѣтки объ языкѣ Новгородской служебной Миней. 1095 г.

М. Г. Попруженко.

Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

Сераніонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в. Изслѣдованіе В. Пѣтухова. С.-Петербург. 1888.

А. Н. Пыпина: «Для любителей русской старины». Библиографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ изъ половины XVIII в. Москва 1888.

Е. Шмурло: Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе его годы. С.-Пб. 1888.

Сергѣя Ольгина.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

*) Въ отдѣльныхъ оттискахъ «Методика» эта выйдетъ подъ болѣе полнымъ заглавіемъ.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ ЧЕСТВОВАНІЮ 50-ЛѢТНЕЙ УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА И ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА ОЕДОРА ИВАНОВИЧА БУСЛЕВА

Удостоенный Царской милости и Высочайшаго Рескрипта и привѣтствованный прежде прочихъ ученыхъ учреждений и обществъ — С.-Петербургомъ, въ лицѣ Академіи Наукъ и С.-Петербургскаго Университета, — Оедоръ Ивановичъ, въ январѣ нынѣшняго года, почти полгода спустя отъ начала юбилейнаго чествованія (въ Москвѣ), отправился въ С.-Петербургъ.

Здѣсь онъ имѣлъ счастье представляться Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ.

Пріездъ Оедора Ивановича въ Петербургъ, подобно тому, какъ возвращеніе его съ дачи въ Москву, усилилъ притокъ личныхъ поздравленій и пожеланій ему со стороны ученыхъ обществъ и учреждений С.-Петербурга.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Деляновъ удостоилъ у себя за обѣдомъ привѣтствовать Оедора Ивановича, какъ юбиляра.

Затѣмъ представители разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений С.-Петербурга устроили въ честь Оедора Ивановича дружескій обѣдъ у Донона. Здѣсь собралось всё выдающееся въ ученой сферѣ дѣятельности по отдѣлу словесности, языка и искусства. Здѣсь были представители Императорской Академіи Наукъ, С.-Петербургскаго Университета, Академіи Главнаго Штаба, Императорской Публичной Библиотеки, Эрмитажа, Археологической Коммисіи, Духовной

*) Продолжаемъ печатаніе специально нами собранныхъ свѣдѣній о чествованіи 50-лѣтней ученой дѣятельности О. И. Буслеева.

Академіи, Археологическаго Общества и Военно-Учебныхъ Заведеній. — Вотъ списокъ лицъ участвовавшихъ въ привѣтственномъ обѣдѣ, 28 января 1889 года у Донона.

1) Гротъ, Яковъ Карловичъ, предсѣдательствующій
II Отдѣленія Академіи Наукъ.

2) Веселовскій, Александръ Николаевичъ, Академикъ и профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

3) Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, Академикъ II Отд. Академіи Наукъ.

4) Бычковъ, Аонасій Ѳеодоровичъ, Директоръ Императорской Публичной Библіотеки.

5) Бычковъ, Иванъ Аонасѣевичъ, хранитель рукописей Импер. Публич. Библіотеки.

6) Васильевскій, Василій Григорьевичъ, профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

7) Галаховъ, Алексѣй Дмитріевичъ, проф. Военной Академіи Главнаго Штаба.

8) Карѣвъ, Николай Ивановичъ, проф. С.-Петерб. Университета и Александровскаго Лицея.

9) Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ, проф. Петерб. Университета и завѣдующій древностями новаго отдѣла Эрмитажа.

10) Даманскій, Владиміръ Ивановичъ, профессоръ С.-Петербургскаго Университета и предсѣдатель Славянскаго общества.

11) Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, помощникъ Директора Император. Публич. Библіотеки и Редакторъ Журнал. Мин. Нар. Просвѣщенія.

12) Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, бывшій профессоръ Сиб. Университета.

13) Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, профес. С.-Петерб. Университета.

14) Стасовъ, Владиміръ Васильевичъ, завѣдующій художественнымъ отдѣломъ Импер. Академіи Наукъ.

15) Толстой, графъ Иванъ Ивановичъ, секретарь Императ. С.-Петерб. Археол. общества.

16) Шляпкинъ, Илья Александровичъ, одинъ изъ преподавателей военно-учебныхъ заведеній, доцентъ.

Отсутствовали по болѣзни:

17) Бестужевъ-Рюминъ, Константинъ Николаевичъ, проф. С.-Петербург. Университета.

18) Миллеръ, Орестъ Ѳеодоровичъ, бывший проф. С.-Петербург. Университета (нынѣ уже покойный).

19) Покровский, Николаѣй Васильевичъ, профес. исторіи христіанскаго искусства и церковной археологіи въ С.-Петербург. Духовной Академіи *).

и 20) Сенаторъ Дмитрій Александровичъ Ровинскій.

Такимъ образомъ всѣ выдающіеся представители словесныхъ и историческихъ наукъ С.-Петербурга собрались въ лицѣ Ѳеодора Ивановича отдать должную справедливость Московскому университету и наукѣ въ лицѣ одного изъ высокихъ и лучшихъ ея представителей. Все это были или товарищи, или ученики, или почитатели Ѳеодора Ивановича и началъ, введенныхъ имъ въ разработку народной словесности.

Распорядителемъ обѣда былъ Л. Н. Майковъ. По одну сторону Ѳеодора Ивановича сидѣлъ А. Д. Галаховъ, по другую Я. К. Гротъ, насупротивъ А. Ѳ. Бычковъ. Первый привѣтственный тостъ былъ произнесенъ Я. К. Гротомъ. Затѣмъ слѣдовала обширная рѣчь распорядителя обѣда Л. Н. Майкова. Какъ товарищъ Ѳеодора Ивановича по Московскому университету, произнесъ рѣчь А. Ѳ. Бычковъ.

Проф. Кондаковъ Н. П., наиболѣе авторитетный представитель изученія исторіи искусства, въ рѣчи своей не одинъ разъ призналъ себя ученикомъ Ѳеодора Ивановича; затѣмъ отъ военно-учебныхъ заведеній говорилъ приватъ-доцентъ И. А. Шляпкинъ. Въ заключеніе А. Д. Галаховъ говорилъ, какъ старый товарищъ по старымъ связямъ въ общихъ трудахъ, по критикѣ въ журналахъ, по литературнымъ обзорѣніямъ, по трудамъ для военно-учебныхъ заведеній.

Рѣчей этихъ намъ не удалось добыть.

*) Онъ составлялъ отчетъ объ «Апокалипсисѣ» лицевомъ, капитальной работѣ **Ө. И. Буслаева**.

Представляемъ здѣсь два привѣтствія, доставленныя намъ. Вотъ что сказалъ А—ръ Н. Веселовскій среди другихъ произнесенныхъ рѣчей:

Глубокоуважаемый Ѳеодоръ Ивановичъ!

„Какъ старѣйшій изъ присутствующихъ здѣсь учениковъ Вашихъ, я позволю себѣ предложить тостъ за Васъ, какъ за учителя; полагаю, онъ стоить многихъ другихъ. Намъ здѣсь нѣсколько человекъ, вышедшихъ изъ Вашей школы, разошедшихся въ разныхъ направленіяхъ: одна и та же инициатива возбудила интересъ къ разнымъ областямъ науки,—къ славянскому и романо-германскому міру, языкознанію и археологіи, искусству и folk-lore' y; но все мы ощущаемъ единство своего почина въ той научной программѣ, которая такъ рѣдко осуществляется однимъ лицомъ, осуществилась для насъ—чрезъ Васъ, Ѳеодоръ Ивановичъ. И вотъ мой второй тостъ: за представителя широкихъ симпатій въ области гуманистическаго знанія. Но знаніе бываетъ разное: одно эгоистическое, знаніе—книга, дѣйствующее вѣрно, но на разстояніи поколѣній, какъ далеко-стрѣльное орудіе, безучастно бьющее въ цѣль, не заботясь о томъ, когда попадетъ ядро. Другое знаніе—встрѣчное, радушное, привѣтливо идущее на встрѣчу людямъ, ищущее слушателей и учениковъ, будащее въ нихъ разнообразныя интересы—точно большая рѣка разбилась на мелкія водныя сѣти и сама ищетъ себѣ оазисовъ. Такимъ радушіемъ знанія отличалась Ваша дѣятельность, Ѳеодоръ Ивановичъ! Пусть эта дѣятельность продлится: это наше общее пожеланіе и мой послѣдній тостъ“.

Отсутствующій К. Н. Бестужевъ-Рюминъ прислалъ слѣдующее привѣтствіе Ѳеодору Ивановичу:

Глубокоуважаемый Ѳеодоръ Ивановичъ!

„Досадная болѣзнь помѣшала мнѣ принять участіе въ чествованіи, устроенномъ Вашими почитателями. Я слишкомъ много обязанъ и Вашимъ сочиненіямъ, и Вашимъ бесѣдамъ, чтобы промолчать въ этотъ день.“

Мнѣ припомнилось то давнее время, когда тѣсный кружокъ Вашихъ почитателей праздновалъ въ одной изъ московскихъ гостинницъ появленіе „Исторической грамматики“. Съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ; Вы продолжали не утомимо трудиться, и еще недавно появился Вашъ громадный трудъ надъ лицевымъ Апокалипсисомъ. Труды Ваши составляютъ эпоху въ развитіи русской мысли въ XIX вѣкѣ, многосторонность Вашихъ знаній и Вашихъ умственныхъ интересовъ позволили Вамъ заразъ заглянуть въ разныя области русской старины и народности и всюду внести свѣточъ критики, унаслѣдованной Вами отъ великихъ основателей германской филологіи: трудами Вашими положено прочное основаніе и исторіи русскаго языка, и изученію старой литературы, и устной, и письменной, и старорусскаго искусства; лишь только въ изученіи языка Вы встрѣтили у предшественниковъ Вашихъ свѣтлыя мысли, но, тѣмъ не менѣе, и здѣсь лишь Вы привели всё въ систему и внесли новый свѣтъ; сравнительное изученіе литературы русской съ другими литературами, и въ особенности съ искусствомъ — Ваша исключительная заслуга. И печатные труды Ваши, и лекціи раздвинули кругъ людей, интересующихся дѣломъ и создали Вамъ новыхъ и новыхъ почитателей. Отнынѣ невозможенъ трудъ по исторіи русской культуры, который не принималъ бы во вниманіе Вашихъ результатовъ. Многочисленные ученики Ваши продолжаютъ начатое Вами дѣло, и, конечно, каждый изъ нихъ знаетъ, что лишь только послѣ Вашихъ трудовъ стало ему возможнымъ сдѣлать новый шагъ по пути научнаго развитія, — и это-то обстоятельство и придаетъ особое значеніе сегодняшнему празднику.

Вамъ досталась рѣдкая участь начинателя, и успѣхъ Вашихъ послѣдователей — только новое доказательство высокаго значенія Вашихъ многолѣтнихъ трудовъ. Да пошлетъ Вамъ Господь еще много лѣтъ жизни на славу и честь родной страны.

Высокопочитающій Васъ и сердечно преданный Вамъ

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Застольныя рѣчи перешли въ дружескую бесѣду и воспоминанія. Ѳеодоръ Ивановичъ всѣхъ благодарилъ и невольно растрогался отъ мысли, что его начала и идеи живутъ и признаются такими выдающимися представителями науки, какъ собравшіеся ученые, частью его ученики. Но особенно тронули всѣхъ слова Ѳеодора Ивановича, что онъ настоящій питомецъ Московскаго университета; здѣсь онъ воспитывался въ качествѣ казенно-коштнаго студента; здѣсь потомъ сталъ извѣстенъ попечителю Строганову; здѣсь сталъ профессоромъ; и всё это, чѣмъ чествуютъ и за что чтутъ Ѳеодора Ивановича — всё это онъ отнесъ къ Московскому Университету за прошлое, настоящее и за будущее котораго онъ и предложилъ тостъ.

Такъ появленіе и пребываніе Ѳеодора Ивановича въ Петербургѣ отозвалось въ высшей сферѣ ученаго представительства Петербурга. Такіе представители Москвы, какъ Ѳеодоръ Ивановичъ и поддерживаютъ старое значеніе университетской Москвы — лучшей ея поры при гр. Строгановѣ. Пусть же долгіе годы пользуется Ѳеодоръ Ивановичъ здоровьемъ и силами на украшеніе и славу Москвы и Московскаго университета. Согласно съ нами высказался и самъ Московскій Университетъ въ лицѣ его представителей, какъ сейчасъ увидимъ ниже.

Возвратившагося въ Москву Ѳеодора Ивановича ждали одна овація за другою.

Въ его отсутствіе исполнилось 30-лѣтіе со дня избранія его въ Члены Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности. Этого дня ждало Общество для выраженія Ѳеодору Ивановичу своихъ чувствъ и пожеланій по поводу чествованія его 50-лѣтней ученой дѣятельности. Вотъ самый адресъ Общества Любителей Россійской Словесности:

„Глубокоуважаемый Ѳеодоръ Ивановичъ!

Со всѣхъ концовъ русской земли стеклись къ Вамъ привѣтствія и поздравленія съ полувѣковымъ юбилеемъ Вашей славной дѣятельности. Отдѣльно отъ этого хора голо-

совѣ обращается къ Вамъ сегодня старѣйшее русское Литературное Общество; ему думается, что обособленный и самостоятельный привѣтъ его прозвучитъ еще искреннѣе и теплѣе. Трудно только одно, — найти достойныя выраженія для оцѣнки многообразныхъ заслугъ Вашихъ на пользу русскаго просвѣщенія. Все, что краситъ жизнь народа, — богатый и выразительный языкъ, народная пѣсня, сказка и поэтический мѣлъ, новѣйшая словесность, искусство, — все озарилось новымъ свѣтомъ, благодаря Вамъ. Вы застали науку о народной старинѣ въ младенческомъ состояніи, затемненной досужими выдумками и узко-патріотическимъ самовосхваленіемъ, располагающею скудными данными. Вы внесли въ нее свою энергію, увлеченіе, всестороннее знаніе, и она преобразилась. Ученыя и вмѣстѣ съ тѣмъ художественно написанныя статьи, блестящія лекціи Ваши вызвали на свѣтъ плодотворное направленіе науки. Десятки учениковъ и послѣдователей примкнули къ Вамъ, собирая и научно объясняя памятники прошлаго, и историкъ словесности отвелъ важное мѣсто „буслаевской школѣ“. Цѣнные въ научномъ отношеніи труды Ваши въ тоже время проникнуты искреннимъ уваженіемъ къ народности, стремленіемъ разгадать по памятникамъ старины духъ и міросозерцаніе народа, гуманнымъ сочувствіемъ мысли и творчеству массы. Этимъ Вы увлекли за собой и непосвященную публику, научившуюся высоко ставить изслѣдованія по старинѣ и народности. То было на зарѣ великаго акта освобожденія крестьянъ, и въ своей замѣчательной университетской рѣчи 1859 года Вы во всеуслышаніе подтвердили связь научнаго и общественнаго движенія.

Но русское народное творчество вводили Вы въ широкую рамку общечеловѣческаго развитія, при помощи сравнительнаго метода, доискивались рѣшенія сложныхъ вопросовъ нашей литературной исторіи и результаты западной науки шли на пользу русскаго самосознанія. Идя тѣмъ же путемъ, Вы положили прочное начало историческому изученію нашего языка, этого (говоря словами поэта) „великаго, могучаго, правдиваго и свободнаго языка“. Исторія русскаго искусства въ связи съ художествомъ Византіи и Запада

также будет вести свою летопись отъ появленія Вашихъ знаменитыхъ „Очерковъ“. Но и сама западная жизнь и творчество нашли въ Васъ превосходнаго истолкователя; скандинавскій и романскій эпосъ, странствующія сказанія, итальянское искусство среднихъ вѣковъ и поры Возрожденія, судьбы новаго европейскаго романа стали доступны и близки русскому человѣку.

Разгадывая въ давно минувшемъ корень и объясненіе новой жизни, Вы съ теплымъ участіемъ слѣдили и за современной литературой, привѣтствуя дѣятельность ея лучшихъ представителей: Тургенева, Гончарова, Л. Толстаго, предрекая ей великую будущность, содѣйствуя ея успѣхамъ. Однимъ изъ видовъ этого драгоцѣннаго содѣйствія Общество Любителей Россійской Словесности въ правѣ гордиться: оно съ глубокою признательностью вспоминаетъ о неутомимой дѣятельномъ своемъ президентѣ, стремившемся оживлять его работы, устраивая частыя публичныя засѣданія, выступая на нихъ съ блестящими рѣчами, направляя художественный вкусъ публики.

Высоко цѣня Ваши важныя, неизгладимыя заслуги всей русской землѣ, русской наукѣ, словесности, искусству, и движимое благодарностью за живое содѣйствіе и симпатіи, Общество Любителей Россійской Словесности въ день исполнившагося 30-лѣтія со времени избранія Васъ въ Члены, единодушно возглашаетъ Вамъ честь и славу“. Предсѣдатель Общества *Н. Тихонравовъ*; Временный предсѣдатель *Н. Стороженко* и 32 члена Общества.

Гимназіи одна за другой привѣтствовали Ѳеодора Ивановича послѣ его возвращенія слѣдующими адресами:

Отъ 5-й Московской гимназіи.

Глубокоуважаемый Ѳеодоръ Ивановичъ!

„Соединяя съ высокимъ талантомъ ученаго искреннюю любовь къ наукѣ и глубокое патріотическое одушевленіе, Вы съ неустанною и непоколебимою энергіей въ теченіе

полувѣка подвизаетесь на поприщѣ педагогической и ученой дѣятельности. Всѣ труды, предпринятые и исполненные Вами на этомъ поприщѣ, имѣютъ высокое и трудно оцѣнимое значеніе. Вы первый указали путь живого, разумнаго преподаванія родного слова, и тѣмъ навсегда положили конецъ схоластикѣ и мертвенности, господствовавшимъ въ этой области. Практическія руководства, составленные Вами для учащихся, сдѣлали эпоху въ исторіи нашей педагогической литературы. Они облегчили учителю трудное дѣло систематической передачи ученикамъ выводовъ филологической науки; они дали ученикамъ возможность сознательно усвоить родную рѣчь; они, вмѣстѣ съ другими учеными трудами Вашими, содѣйствовали тому, чтобы молодая, подрастающая поколѣнія понимали, цѣнили и любили „великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“. Но не этимъ только Вы заслужили громкую славу у современниковъ и въ потомствѣ, Вы раскрыли и освѣтили передъ нами драгоцѣнное содержаніе памятниковъ родной старины; Вы первый положили основаніе глубокому изслѣдованію русскаго народнаго творчества, сравнительному изученію русской литературы; Вы возбудили въ своихъ многочисленныхъ слушателяхъ и читателей глубокой интересъ и любовь къ серьезному изученію родной старины. Въ этихъ трудахъ, которые несомнѣнно занимаютъ почетное мѣсто въ русской наукѣ, Вы сказались истинно русскимъ человѣкомъ, глубоко любящимъ и понимающимъ родную старину, основныя начала русской народности, и въ тоже время истымъ ученымъ, примѣнившимъ въ своихъ изслѣдованіяхъ строго-научные методы, выработанные европейской наукой.

Глубоко почитая Ваши заслуги, мы счастливы, что можемъ теперь, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія Вашей дѣятельности, высказать Вамъ слово глубокаго уваженія, сочувствія и привѣта и пожелать Вамъ еще много лѣтъ плодотворныхъ трудовъ на пользу русскаго слова, на благо родной земли“.

Директоръ Московской 5-й гимназіи *А. Шварцъ* и
12 подписей.

Отъ 6-й Московской гимназіи.

Педагогическій Совѣтъ Московской 6-й гимназіи, вспоминая великія заслуги Ваши на пользу отечественной филологіи и словесности, считаетъ своею нравственною обязанностью привѣтствовать Васъ, многоуважаемый Ѳеодоръ Ивановичъ, съ исполненнымъ полустолѣтіемъ Вашей учено-литературной дѣятельности.

Ваши ученые труды по языковѣдѣнію, словесности, педагогикѣ воспитали нѣсколько поколѣній россійскаго юношества, открыли новыя, дотолѣ неизвѣстныя богатства въ сокровищницѣ русскаго языка и народной поэзіи, направили изслѣдователей на новый путь филологическихъ разысканій и тѣмъ поставили Васъ во главѣ современной русской филологіи. Исполненные чувства глубокаго къ Вамъ уваженія, члены Педагогическаго Совѣта Московской 6-й гимназіи, просятъ Васъ, Многоуважаемый Ѳеодоръ Ивановичъ, принять вмѣстѣ съ тѣмъ благодарность и отъ руководимыхъ ими питомцевъ, которыхъ дѣйствительнымъ наставникомъ и руководителемъ въ дѣлѣ изученія отечественнаго языка и словесности являетесь Вы своими учеными трудами“.

Предсѣдатель Педагогическаго Совѣта Директоръ В. Рязановъ и 9 подписей.

Отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея былъ поднесенъ слѣдующій адресъ:

Милостивый Государь Ѳеодоръ Ивановичъ!

Императорскій Россійскій Историческій Музей, какъ Государственное Хранилище памятниковъ древне-русскаго искусства, почитаетъ своимъ долгомъ присоединить къ неумолкаемымъ голосамъ во славу Вашей неутомимой многолѣтней и столь плодотворной ученой дѣятельности свое глубокое, задушевное привѣтствіе Вамъ, какъ основателю и первому устроителю въ высокой степени строго-научнаго и всесторонняго изученія и изслѣдованія древне-Русскаго Искусства.

Въ соотношеніи и сравненіи памятниковъ древне-Русскаго искусства съ таковыми же памятниками искусства Западныхъ народовъ, Вы достославными и высокочтимыми Вашими трудами открыли и указали и самобытныя черты Русскаго замышленія и творчества.

Русскому Историческому Музею, въ дальнѣйшемъ развитіи его спеціальной дѣятельности по собранію памятниковъ Русской древности, таковыя Ваши открытія и указанія и критически-строгій методъ Вашихъ изслѣдованій послужать путеводными свѣточами для выясненія самыхъ основъ историческаго, бытоваго и художческаго Русскаго народнаго творчества, памятники котораго во всѣхъ видахъ и подробностяхъ должны сосредоточиться въ этомъ Всероссійскомъ Хранилищѣ, чтобы во всѣхъ подробностяхъ изобразить, такъ сказать, вещество нашего Русскаго историческаго и художческаго развитія.

Это разнородное и многообразное вещество пріобрѣтаетъ должное значеніе и свой истинный смыслъ благодаря Вашимъ многосодержательнымъ изслѣдованіямъ, почему ихъ изученіе для Историческаго Музея, является необходимостью и всегда будетъ составлять пріятнѣйшую для него обязанность.

Примите, Милостивый государь, эти мысли о высокомъ значеніи Вашихъ достославныхъ трудовъ для предстоящей дѣятельности Историческаго Музея, какъ выраженіе его глубочайшаго почтенія передъ заслугами, оказанными Вами — Русской Наукѣ, Русскому Самопознанію и Русскому Самосознанію“.

Товарищъ Предсѣдателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея *Ив. Забѣлинъ*. Чиновникъ особыхъ порученій *кн. Щербатовъ*. Хранитель Музея *А. Оршниковъ*. Библіотекаръ Музея *А. Станкевичъ*. И. д. ученаго Секретаря *В. Сизовъ*.

7 февраля 1889 года.

Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ почтило Ѳедора Ивановича слѣдующимъ адресомъ:

„Полувѣковой подвижъ Вашего неустаннаго и непрерыв-

наго служенія Русской наукѣ, посвященный изученію „Родного языка“, представляющій собою цѣлую эпоху народнаго самосознанія, ибо языкъ есть самъ народъ—по истинѣ достойно сосредоточилъ на себѣ благодарное общественное вниманіе.

Со всѣхъ концовъ Россіи, отъ учащихъ и учащихся, отъ ученыхъ лицъ и ученыхъ Обществъ, несутся къ Вамъ горячія привѣтствія съ столь достославнымъ служеніемъ Вашимъ Русской наукѣ, а вмѣстѣ съ нею Русскому народу и Государству.

Съ своей стороны и Общество Ист. и Древ. Россійскихъ съ благоговѣйною признательностію останавливается на тѣхъ неисчислимыхъ заслугахъ Вашихъ, кои оказаны исторической наукѣ Вашими изысканіями и изслѣдованіями въ области народныхъ преданій и народной пѣсни, древне-русской письменности и древне-русскаго искусства. Эти изысканія, равно какъ и выводы, настолько драгоценны, что служатъ ключомъ къ тайникамъ народнаго историческаго духа.

Значеніе ученыхъ трудовъ Вашихъ не исчерпывается только озареніями отечественной исторіи. Строго держась въ историко-сравнительномъ методѣ чисто-научнаго направленія, Вы успѣли тѣмъ точнѣе и глубже не только отыскать путь сближенія памятниковъ древне-русской письменности и искусства съ западно-европейскими, но указали на ихъ значеніе для всемірно-исторической науки.

Выражая сіе привѣтствіе, Общество единодушно и искренно желаетъ, да умножатся дни Ваши и да не ослабѣваютъ силы Ваши на многіе годы для новыхъ трудовъ на благо родины святой, и честь, и славу Русской науки“.

Предсѣдательствующій *Георгій Филимоновъ*.

Секретарь *Емидифоръ Барсовъ*.

1889. Марта 23-го.

Марта 30 го Оедору Ивановичу былъ поднесенъ „Дипломъ на степень Доктора теоріи и исторіи искусствъ“, во исполненіе постановленія Совѣта Московскаго Университета отъ 17 декабря 1888 года.

Изъ всѣхъ дипломовъ, поднесенныхъ Ѳедору Ивановичу, наиболѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе дипломъ Казанской Духовной Академіи, восходившій для своего утвержденія до Святѣйшаго Синода.

Вотъ онъ дословно:

„Совѣтъ Казанской Духовной Академіи въ уваженіе 50-лѣтняго многоплоднаго служенія отечественной наукѣ и многочисленныхъ ученыхъ трудовъ по Исторіи русскаго языка, русской Словесности и древне-русскаго искусства Его Превосходительства ординарнаго Академика Императорской Академіи Наукъ, Тайнаго Совѣтника Ѳедора Ивановича Буслаева, въ засѣданіи своемъ 24 октября 1888 года, избралъ его въ званіе Почетнаго Члена Казанской Духовной Академіи, въ каковомъ званіи онъ и утвержденъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ указомъ отъ 30 декабря 1888 года за № 5992“.

Подписи: *Павелъ*, архіепископъ Казанскій и Свіяжскій
Ректоръ Академіи Протоіерей *Александръ Владиміръскій*.
Инспекторъ Академіи Протоіерей *Николай Бѣляевъ*.

Ординарные профессора: *Илья Бердниковъ*

Ник. Ивановскій

Як. Богородскій.

Выше мы упомянули, что С.-Петербургъ привѣтствовалъ Ѳедора Ивановича, какъ „питомца Московскаго университета“ и что самъ Московскій университетъ такъ смотритъ на это и гордится этимъ

Какъ извѣстно, весною прошлаго 1888 года исполнилось 50 лѣтъ со времени полученія Ѳ. И. Буслаевымъ первой ученой степени—кандидата университета, а осенью же 50 лѣтъ его служебной и педагогической дѣятельности. Въ Московскомъ университетѣ и въ Обществѣ Любителей Россійской словесности еще въ началѣ 1888 года возникла мысль о чествованіи Ѳ. И., бывшаго столь долго профессоромъ университета, а также предсѣдателемъ Общества, состоящаго почетнымъ членомъ и Университета, и Об-

щества. Но когда Θ . И., узнавъ о сдѣланныхъ предположеніяхъ, рѣшительно воспротивился устройству какого бы то ни было юбилея, такъ что, въ виду его настояній, проектированное чествованіе не могло состояться въ свое время. Между тѣмъ служебный юбилей Θ . И. въ августѣ 1888 г. былъ ознаменованъ Высочайшимъ Рескриптомъ и затѣмъ многочисленными адресами и поздравленіями съ разныхъ концовъ Россіи. Московскому университету и другимъ ученымъ учрежденіямъ Москвы, въ виду отказа самого Θ . И., не удалось такимъ образомъ участвовать своевременно въ чествованіи его юбилея. Поэтому ученымъ и учебнымъ учрежденіямъ въ Москвѣ пришлось привѣтствовать юбиляра уже въ теченіе осени и зимы. Всѣхъ позднѣе могъ обратиться къ нему Московскій университетъ, такъ какъ онъ рѣшилъ поднести Θ . И. Буслаеву степень доктора исторіи искусствъ и долженъ былъ ждать, пока получится изъ Петербурга официальное утвержденіе. Наконецъ 23 го апрѣля, въ часть дня, состоялось поднесеніе Θ одору Ивановичу университетскаго адреса. Депутація университета состояла изъ ректора Г. А. Иванова, декана историко-филологическаго факультета В. О. Ключевскаго и представителей каѳедры исторіи русскаго языка и литературы, проф. Н. С. Тихонравова, и каѳедры теоріи и исторіи искусствъ, проф. А. Н. Шварца. Вотъ полный текстъ адреса, который перепечатаваемъ дословно изъ Русскихъ Вѣдомостей:

„Съ чувствомъ искренней радости и справедливой гордости слѣдилъ Московскій университетъ за тѣми выраженіями уваженія и признательности, которыя неслись къ Вамъ отъ представителей русскаго ученаго и педагогическаго сословія по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія Вашего служенія наукѣ: ибо Ваша слава есть вмѣстѣ съ тѣмъ и слава университета, въ которомъ вы учились и учили. Обязанные въ воспитаніи и образованіи умственныхъ и нравственныхъ убѣжденій Вашихъ графу Сергію Григорьевичу Строганову, просвѣщенныя попеченія котораго о Московскомъ университетѣ занимаютъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ его исторіи, Вы начали свое служеніе русскому слову ко-

ренною реформою преподаванія отечественнаго языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Научныя и педагогическія начала, положенныя въ основу этой реформы, быстро вытѣснили схоластику и рутину, и дотолѣ господствовавшія въ преподаваніи этого первенствующаго въ народномъ образованіи предмета, и Вамъ дано было видѣть благіе плоды посѣянныхъ Вами сѣмянъ. Занявши въ Московскомъ университетѣ кафедру русстой словесности, Вы положили начало новой школѣ въ изученіи русскаго языка и русской народной словесности, и, благодаря внесенному и упроченному Вами сравнительно-историческому методу изслѣдованія, изученіе русской старины и народности широко развилось на твердыхъ научныхъ основаніяхъ. Вашимъ слушателямъ въ Московскомъ университетѣ въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, Вы, кромѣ строго научнаго метода изслѣдованія, кромѣ богатства добытыхъ Вами научныхъ данныхъ, передавали и то горячее одушевленіе къ изученію родной старины и народности, которымъ сами были глубоко проникнуты и которое никогда въ Васъ не ослабѣвало. Изъ вашей аудиторіи вышли не только ученые специалисты-изслѣдователи судебъ русскаго языка и русской литературы, но и тѣ собиратели русскихъ народныхъ былинъ и пѣсень, которые обогатили литературу классическими сборниками поэтическихъ сокровищъ русскаго народнаго творчества. Вамъ, наставнику-вдохновителю этихъ тружениковъ, выпала судьба прежде другихъ дать научную оцѣнку этому драгоцѣнному матеріалу и тѣмъ положить начало научному изученію русскаго богатырскаго эпоса. Полагая самую широкую основу изученію русской старины и народности, Вы раздвинули область преподаванія исторіи русской словесности въ Московскомъ университетѣ внесеніемъ въ оную фактовъ изъ исторіи древнерусскаго искусства, которая также была съ давняго времени излюбленнымъ предметомъ Вашихъ изученій. Вдохновляемые и поддерживаемые на трудномъ пути изслѣдованія христіанскаго и древне-русскаго искусства просвѣщеннымъ авторомъ „Дмитріевскаго собора“, Вы своими неустанными трудами дали научную постановку и обработку исторіи русскаго иконописнаго художества. Вѣрные своему основному, сравнительно-

историческому методу изслѣдованія, Вы чувствовали въ то же время необходимость расширить университетское преподаваніе словесности введеніемъ въ его кругъ курсовъ по исторіи европейской литературы и приняли на себя чтеніе лекцій о скандинавской Эддѣ, о Дантѣ, бывшихъ предметомъ Вашего глубокаго спеціальнаго изученія. И когда Уставъ, дарованный русскимъ университетамъ Императоромъ Александромъ II-мъ, создалъ въ нихъ двѣ новыя кафедры на историко-филологическомъ факультетѣ: исторіи всеобщей литературы и теоріи и исторіи искусствъ, — эти новыя кафедры въ нѣсколькихъ университетахъ быстро нашли себѣ достойныхъ представителей въ специалистахъ, подготовленныхъ вашими лекціями и частными занятіями съ ними.

Многочѣнее преподаваніе Ваше въ Московскомъ университетѣ, вводившее слушателей въ уразумѣніе началъ, на коихъ зиждется народность, освѣщавшее историческія судьбы русскаго языка, міѳологіи, поэзіи, искусства, проникнуто было глубокимъ сочувствіемъ къ началамъ европейскаго просвѣщенія и воспитывало въ студентахъ уваженіе и любовь къ своей народности, широкую гуманность и сознательную преданность принципамъ общечеловѣческаго просвѣщенія. На рубежѣ совершившагося пятидесятилѣтія Вашего служенія наукѣ, оставившаго прочный слѣдъ въ развитіи русскаго общественнаго самосознанія, благодарный Вамъ Московскій университетъ горячо привѣтствуетъ Васъ, «Высокоуважаемый Ѳеодоръ Ивановичъ, и сердечно желаетъ, чтобы еще на долгіе и долгіе годы продолжалась Ваша дѣятельность на благо нашего отечества, къ славѣ Вашей и Московскаго университета».

По прочтеніи адреса Ѳ. И. Буслаевъ горячо благодарилъ представителей университета и между прочимъ сказалъ, что „прекрасный документъ“ университета переноситъ его въ прошедшее, когда онъ былъ окруженъ своими университетскими товарищами; онъ особенно благодаренъ университету за помѣщеніе въ адресѣ воспоминаній о гр. С. Г. Строгановѣ, память котораго для него драгоценна. Ѳеодоръ Ивановичъ въ'сказалъ, что покойный попечитель гр. С. Г. Строгановъ

относился къ нему отечески и что онъ всѣмъ обязанъ попеченіямъ и совѣтамъ этого „высоко-просвѣщеннаго государственнаго человѣка“. Въ бесѣдѣ съ депутатами университета Ѳедоръ Ивановичъ припомнилъ нѣсколько фактовъ, характеризовавшихъ гуманную и свѣтлую личность гр. С. Г. Строганова и время его попечительства. Такъ, между прочимъ Ѳедоръ Ивановичъ указалъ, что „Соловьева (С. М.) Строгановъ замѣтилъ съ 4-го или 5-го класса 1-й гимназін, не упуская его изъ вида и довелъ до каѳедры“.

Зная, какъ русскій человѣкъ дорожить и гордится своимъ языкомъ, помня слова Ломоносова, Пушкина, Гоголя и Тургенева о русскомъ языкѣ и мысленно представляя полную дѣятельность Ѳедора Ивановича на этомъ поприщѣ, невольно сознаешь, что все, высказанное лучшими представителями науки, при чествованіи Ѳедора Ивановича, — есть только достойная дань великимъ способностямъ, великой эрудиціи и великому трудолюбію этого достойнаго дѣятеля.

Списокъ трудовъ Ѳедора Ивановича Буслаева.

Полный библиографическій указатель всѣхъ произведеній Ѳ. Ив. Буслаева готовится къ изданію и будетъ выпущенъ отдѣльною книжкою Московскимъ Обществомъ любителей Россійской словесности. Мы назовемъ только главнѣйшія изъ отдѣльныхъ ученыхъ произведеній Буслаева и перечислимъ всѣ тѣ журналы и періодическія изданія, въ которыхъ онъ помѣщалъ свои изслѣдованія.

1. О преподаваніи отечественнаго языка. — М. 1844 г. второе изданіе въ Москвѣ въ 1867 году.
2. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію, написанный на степень магистра кандидатомъ Ѳ. Буслаевымъ. — М. 1848 года.

Воронежская областная
научная библиот.ка
имени И. С. Никитина

БИБЛИОТЕКА
И. А. С. БУСЛАЕВА
№

-0578683-

3. Опыт исторической грамматики русскаго языка. Учебное пособие для преподавателей, ч. I Этимологія, ч. II Синтаксисъ. М. 1858 г.

Всѣ послѣдующія изданія этой книги вышли подъ названіемъ: „Историческая грамматика Русскаго языка“, каждый разъ въ двухъ томахъ съ новыми передѣлками и дополненіями, въ Москвѣ, въ слѣдующіе годы: 2-ое изданіе—въ 1863. 3-е—въ 1868, 4-ое—въ 1875 г., 5-ое—въ 1881 г.

4. Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Учебное руководство для Военно-Учебныхъ заведеній.—М. 1861 г. (нынѣ библиографическая рѣдкость).

5. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Т. I, Русская народная поэзія. Т. II, Древне-русская научная литература и искусство.—Спб. 1861 года.

Въ обоихъ томахъ помѣщено 212 рисунковъ, калькированныхъ изъ рукописей въ натуральную величину, вышедшихъ и отдѣльно.

Содержаніе I тома.

- I. Эпическая поэзія.
- II. Русскій бытъ и пословицы.
- III. Миѳическія преданія о человѣкѣ и природѣ, сохранившіяся въ языкѣ и поэзіи.
- IV. Областные видоизмѣненія русской народности.
- V. Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи.
- VI. О сродствѣ славянскихъ Виль, Русалокъ и Полудницъ съ нѣмецкими Эльфами и Валькиріями.
- VII. Языческія преданія села Верхотишанки.
- VIII. О сродствѣ одного русскаго закліянія съ нѣмецкимъ, относящимся къ эпохѣ языческой жизни.
- IX. Древне-сѣверная жизнь.
- X. Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и Муромская легенда.

Русское Слово и Русская Рѣчь.

- XI. Сказаніе новой Эдды о сооруженіи стѣнъ Мадгарда и Сербская пѣсня о построеніи Скарда.
 - XII. Славянскія сказки.
 - XIII. Древнѣйшія эпическія сказанія славянскихъ племенъ.
 - XIV. Русская поэзія XI и начала XII вѣка.
 - XV. Русский народный эпосъ.
 - XVI. Волоть Волотовичъ.
 - XVII. Замѣчательное сходство Псковскаго преданія о горѣ Судомѣ съ однимъ эпизодомъ Сервантесова Донъ-Кихота.
 - XVIII. Русская поэзія XVII вѣка.
 - XIX. Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи.
- Содержаніе Потома.
- I. О народной поэзіи въ древней русской литературѣ.
 - II. О народности въ древней русской литературѣ и искусствѣ.
 - III. Памятники древне-русской духовной письменности.
 - IV. Изображеніе страшнаго суда по русскимъ подлинникамъ.
 - V. Смоленская легенда о Св. Меркуріи и Ростовская о Св. Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ.
 - VI. Византійская и древне-русская символика по рукописямъ отъ конца XV до конца XVI вѣка.
 - VII. Древне-русская борода.
 - VIII. Идеальные женскіе характеры древней Руси.
 - IX. Для исторіи русской живописи XVI вѣка.
 - X. Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ.
 - XI. Видѣніе Мартирія, основателя Зеленой пустыни.
 - XII. Для біографіи царскаго иконописца Симона Федоровича Ушакова.
 - XIII. Русская эстетика XVII вѣка.
 - XIV. Подлинникъ по редакціи XVIII вѣка.
6. Учебникъ рус. грамматики, сближенный съ церковно-славянскою, съ приложеніемъ образцовъ грамматическаго разбора, для сред. учеб. заведеній. М. 1869 г.

Слѣдующія изданія грамматики вышли: въ 1870 г. второе, въ 1873 г. — третье, въ 1874 г. — четвертое, въ 1878 г. — пятое, въ 1882 г. — шестое, и въ 1888 г. седьмое — юбилейное.

7. Русская христоматія. Памятники древне-русской литературы и народной словесности, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями, съ словаремъ и указателемъ. Для среднихъ учебныхъ заведеній. — М. 1870 г.
- Всѣ послѣдующія изданія въ Москвѣ: 2-е въ 1877 г., 3-е въ 1881 г. и 4-е въ 1888 г. — юбилейное.
8. Образцы письма и украшенія изъ Псалтири съ возслѣдованіемъ по рукописи XV вѣка, хранящейся въ библиотекѣ Троицкой-Сергіевой Лавры подъ № 308 — Спб. 1881 г.
9. Русскій лицевой Апокалипсисъ. Сводъ изображеній изъ лицевыхъ апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX. — М. 1884 г.
10. Атласъ къ этому изслѣдованію. 308 таблицъ, содержащихъ болѣе 400 рисунковъ, изъ которыхъ 23 воспроизведены золотомъ и красками, остальные въ очеркахъ, всѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ О. Ив. Буслаева.
11. Мои досуги. Собранныя изъ періодическихъ изданій мелкія сочиненія Ѳедора Буслаева. Въ двухъ частяхъ. Москва 1886 г.
12. Народная поэзія. Историческіе очерки. — Спб., 1887 г.

Списокъ журналовъ и періодическихъ изданій, въ которыхъ помѣщались произведенія О. И. Буслаева.

Москвитянинъ.

Отечественныя Записки.

Современникъ.

Московскія Вѣдомости и издаваемая при нихъ Современная Лѣтопись.

Русскій Вѣстникъ.

Атеней.

Русское Слово и Русская Рѣчь.

Полярная Звѣзда.

Лѣтописи русской литературы и древностей.

Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи.

Библиографическія Записки.

Филологическія Записки.

Библиотека для чтенія.

Записки и другія изданія Императорской Академіи Наукъ.

Московскія Университетскія Извѣстія.

Рѣчи и отчеты Императорскаго Московскаго Университета.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Сборникъ Общества древне русскаго искусства.

Вѣстникъ того же общества.

Кирилло-Менодіевскій Сборникъ.

Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи.

Учебно-воспитательная библіотека.

Газета Гатцука.

Критическое Обзорѣніе.

Изданія Общества Любителей Древней Письменности.

Общее количество всѣхъ изслѣдованій О. И. Буслаева, помѣщенныхъ въ исчисленныхъ изданіяхъ, доходитъ почти до полутора ста; большинство изъ нихъ вышло отдѣльными оттисками.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ЛАТИНСКОЙ ФОНЕТИКѢ.

(Продолженіе).

VIII. Уклоненія отъ выше представленныхъ отношеній, пока не вполне ясныя и трудно опредѣлимые въ своей причинной связи.

quadrupedis, quadrupedum ..., impetus ..., terētis, teretem, teretes ..., sēgētis, segetem ..., tegetes, hebetes, interpretes ..., cēlēber, concēlēbro ..., vēgētus, vēgēto ..., vehemens ..., Seneca

съ -ar-: nectaris, barbarus — ср. греч. véχтар, βάρ-барос,

hilaris ..., baccaris, salarem, farfarus, supparo, jūbarem, Caesarem, caesāries

съ -as-: cērāsus, petāsus, Pēgāsus ..., anatem ..., ālāpa ..., alacer, Falacer ..., ebriacus ..., miliaceus ..., miliacus

IX. Подходящія сюда измѣненія въ дитонгахъ.

Точно такому же измѣненію, какъ между двумя согласными, подверглось въ извѣстный періодъ развитія латинскаго языка краткое *ā* и какъ первый членъ древняго дитонга *ai* ⇒ *ae*, при чемъ изъ *ii* должно было развиваться *i*, напр.

collido, occido ..., existimat ..., iniquus ..., distisum, pertisum ..., inquirō, requirō ..., parricida ..., Perf. redupl. cēcidi

|| laedo, caedo ..., aestimat ..., aequus ..., taedet ..., quaero ..., caedo

Здѣсь все равно, предположить ли развитіе *ai* прямо въ *ii*, или же—такъ какъ здѣсь, собственно говоря, былъ закрытый слогъ—черезъ *ei*, ибо *ei* измѣнилось въ послѣдствіи въ латин. языкѣ въ *i*. Въ *inquirō* же, *requirō* ..., не смотря на слѣдованіе *g*, *i* остается, такъ какъ долгое *i* не подвержено вліянію *g*, а въ дитонгѣ *ei* или *ai* его первый, слогообразующій элементъ былъ отдѣленъ отъ *g* другимъ элементомъ, исконнымъ *i*.

Вѣроятно сюда же слѣдуетъ отнести чередованіе дифтонга *au* съ долгимъ *ū*,

au || *ū*, напр.

inclūdo, *exclūdo* || *claudio*

Но это нѣсколько сомнительно, такъ какъ встрѣчаются тоже, во-первыхъ, простыя, не сложныя формы съ долгимъ *ū* вм. или же рядомъ съ *au*, во-вторыхъ же, чередованіе *au* съ *ō*, напр.

1) *clūdere*, *frūdare*, какъ *defrūdare* || *fraudare*,
rudus || *roudus*

2) *explōdere* || *plaudere*

3) *clodo*, *Clodius*, *clostrum*

|| *claudio*, *Claudius*, *claustrum*

Слова въ родѣ *ex-audire* представляютъ новообразованіе, продуктъ новаго слоя въ развитіи латинскаго словообразованія (ср. стр. 229).

Если чередованіе *au* || *ū* подвести подъ разбираемую въ этой главѣ категорію, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ предположить слѣдующій ходъ развитія:

au (закрытый слогъ) \Rightarrow *eu* \Rightarrow *ou* (ср. стр. 138, 156) \Rightarrow *ū*.

Х. Окончательные выводы и сравнительныя соображенія.

1. Разсмотрѣвъ множество примѣровъ чередованія гласнаго *i* съ другими гласными, Leo Meyer въ разсужденіи, названномъ въ самомъ началѣ этой главы (стр. 213), приходитъ къ заключенію, что

„каждый краткій гласный превращается въ *i* въ серединѣ словъ и въ особенности въ предпоследнемъ слогѣ“.

Этотъ выводъ L. Meyer'а нельзя считать точнымъ.

Почему L. Meyer полагаетъ, что это случается въ особенности въ предпоследнемъ слогѣ? Потому только, что словъ трехсложныхъ гораздо болѣе, нежели словъ съ большимъ числомъ слоговъ. Стало-быть, это простая случайность, а не связь причинная.

Что не каждый гласный измѣняется въ *i*, а только *ё* и *я*, достаточно доказано выше.

2. Индуктивныя обобщенія и выводы, къ которымъ мы пришли на основаніи нашихъ сопоставленій, я свожу здѣсь въ одно въ видѣ слѣдующихъ формулъ:

$\begin{matrix} \acute{e}\text{-C} \\ \grave{a}\text{-C} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} ' \\ ' \end{matrix} \begin{matrix} \text{I-C} \\ \text{I-C} \end{matrix}$ (главнымъ образомъ передъ *t, d, s, n, l, k*, Labiales);

но: $\begin{matrix} \acute{e}\text{-h}, \acute{a}\text{-h} \\ \acute{e}\text{-v}, \acute{a}\text{-v} \\ \acute{e}\text{-r}, \acute{a}\text{-r} \\ \acute{e}\text{-l}, \acute{a}\text{-l} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} ' \\ ' \\ ' \\ ' \end{matrix} \begin{matrix} \text{e-h}, \text{a-h}, \\ \text{e-v}, \text{a-v} \\ \text{e-r} \\ \text{u-l} \end{matrix}$
 $\text{qu}\acute{a}\text{-C} \parallel \text{qu-C (cu-C);}$

$\begin{matrix} \acute{e}\text{-C} \\ \acute{a}\text{-C} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} ' \\ ' \end{matrix} \acute{e}\text{-C} \Rightarrow \acute{e}\text{-C};$

но: $\begin{matrix} \acute{a}\grave{n}\text{-} \\ \acute{e}\text{-l}, \acute{a}\text{-l} \\ \text{qu}\acute{a}\text{-C} \end{matrix} \parallel \begin{matrix} ' \\ ' \\ ' \end{matrix} \begin{matrix} \text{i}\grave{n}\text{-} \\ \text{ul}\text{-} \\ \text{quC- (cuC-).} \end{matrix}$

Этому измѣненію въ *i* (respective въ *e*) были подвержены только *я* и *ё*, а не *й*, *о*, *ї*, не долгіе гласные и не дифтонги. Слѣдовательно, въ этой области возможно допустить только чередованія

$\begin{matrix} \text{e} \parallel \text{i}, \\ \text{a} \parallel \text{i}, \quad \text{a} \parallel \text{e} \end{matrix}$
 но ничуть не $\begin{matrix} \text{u} \parallel \text{i}, \\ \text{o} \parallel \text{i}, \end{matrix} \quad \begin{matrix} \text{u} \parallel \text{e}, \\ \text{o} \parallel \text{e} \\ \text{i} \parallel \text{e}. \end{matrix}$

Если же имѣются чередованія

$\begin{matrix} \text{ae} \parallel \text{i}, \\ \text{au} \parallel \text{i}, \end{matrix}$

такъ это только потому, что $\text{ae} \Leftarrow \text{ai}$, и что составною частью обоихъ дифтонговъ, *ai* и *au*, является *a*, чередующееся съ *i* и съ *e*.

3. По мнѣнію Corssen'a, латинское *i* проявляетъ сродство съ согласными, *t, d, n, s*, особенно же съ *n* и *s*, и этимъ онъ объясняетъ переходъ *a* и *e* между двумя согласными и въ слогѣ послѣ ударенія въ *i*. Въ такомъ слу-

чаѣ этотъ переходъ былъ бы слѣдствіемъ уподобленія гласныхъ согласнымъ.—Это мнѣніе Корсена я только привожу, не вдаваясь въ его оцѣнку.

4. Ы появляется вм. ё, ѣ только послѣ ударенія, никогда передъ удареніемъ. И это понятно: удареніе вѣдь въ такихъ случаяхъ всегда предшествовало, сопровождая или предлогъ (praepositio), или же первую часть сложенія. За то передъ удареніемъ произошли количественныя измѣненія, т. е. просто сокращенія. См. стр. 235—236.

5. Вліяніе ударенія и его отсутствія, равно какъ и вліяніе другихъ условий, проявляетъ свою силу только на краткихъ гласныхъ.

Только при удареніи сохранилось вполне древнее различіе и древнее качество гласныхъ е и а,
е, происшедшаго изъ ар.-евр. е (а₁),
а, " " " а (А).

Подобнымъ образомъ, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ а) только древній долгій гласный, ё (ѣ), сохранился въ своемъ качествѣ небнаго гласнаго е (дѣдъ, мѣлъ, сѣно...), тогда какъ краткій, ѣ (е), замѣнился при извѣстныхъ условіяхъ гласнымъ губнымъ, о (ледъ, велъ, жѣны...);

б) только при удареніи сохраняется древнее различіе гласныхъ ѣ и о и отчасти тоже гласныхъ ё (ѣ) и ѳ (е).

6. Измѣненіе латинское а и е въ і можно сравнить съ санскритскимъ измѣненіемъ а (А) въ і. Только въ санскритѣ всѣ подобныя измѣненія, въ противоположность языку латинскому, имѣютъ мѣсто передъ удареніемъ.

Ср. санскр. pitá, sthitá-, hitá-

съ лат. Jūpiter, constitit, perdidit

7. Измѣненіе е, а въ і составляетъ характеристическую черту латинскаго вокализма и вообще языка, въ противоположность всѣмъ прочимъ языкамъ аріоевропейскимъ. Извѣстную аналогію съ этимъ явленіемъ представляетъ рус-

ское измѣненіе разныхъ гласныхъ на низшемъ уровнѣ произношенія въ слабый, несамостоятельный гласный, ближе всего, въ качественномъ отношеніи, смахивающій на *ы*, *resp. и* (*i*) *). Однакоже между этими двумя явленіями, латинскимъ и русскимъ, можно отмѣтить, между прочимъ, слѣдующія различія:

а) Мѣстомъ, благопріятствующимъ измѣненію *а* и *е* въ *і*, является въ латинскомъ языкѣ по преимуществу слогъ, непосредственно слѣдующій за слогомъ удареннымъ. Затѣмъ, измѣненіе это не одинаково въ открытыхъ и закрытыхъ слогахъ: только въ открытыхъ оно доходитъ до *і*, между тѣмъ какъ въ закрытыхъ только до *е*. Въ русскомъ же языкѣ почвою, благопріятною для измѣненія гласныхъ въ слабое *ы* или *ї*, являются, съ одной стороны, всѣ слоги, слѣдующіе за удареніемъ, за исключеніемъ только послѣдняго открытаго, съ другой же стороны, слоги передъ удареніемъ, за исключеніемъ послѣдняго, соприкасающагося непосредственно со слогомъ ударяемымъ.

б) Въ латинскомъ языкѣ подвергаются этому измѣненію только *а* и *е*, въ русскомъ же всѣ гласные, кромѣ *у* (*и*).

в) Въ русскомъ этотъ ослабленный гласный, относительно своего качественного оттѣнка, вполнѣ зависитъ отъ „твердости“ или „мягкости“ предшествующаго ему согласнаго. Въ латинскомъ нѣтъ ничего подобнаго, но за то проявленію названнаго процесса измѣненія *а* и *е* въ *і*, *е* мѣшали и вообще скрещивали его слѣдовавшіе за даннымъ гласнымъ согласные *h*, *v*, *g*, *l* и губные, а изъ предшествовавшихъ *q* (*k^u*).

*) Ср.: мои «Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологій русскаго языка». Отд. отт. изъ «Филол. Зап.» Воронежъ. 1882, глава 9, стр. 59—87; В. А. Богородицкій: «Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ. (Отд. отт. изъ Р. Ф. Вѣстника). Варшава. 1880». «Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань, 1884». Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи г. Богородицкій сравниваетъ тоже указанные явленія латинскаго и русскаго языковъ, ссылаясь при этомъ на мои лекціи 1879—1880 г., которыя «облегчили ему изложеніе явленій латинскаго языка» (стр. 133).

г) Различіе хронологическое этихъ двухъ явленій, латинскаго и русскаго—т. е. хронологическое не въ смыслѣ лѣтосчисленія по годамъ или хотя бы даже по столѣтіямъ, но въ смыслѣ большаго или меньшаго ряда измѣненій, продѣланныхъ основнымъ первоначальнымъ матеріаломъ аріевропейскаго праязыка или аріевропейскаго первобытнаго состоянія въ каждомъ языкѣ порознь—это различіе хронологическое состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ латинскомъ языкѣ измѣнились а и е, унаслѣдованныя почти безъ исключенія прямо, безъ посредствующихъ звеньевъ, отъ аріевропейскаго состоянія.

Въ русскихъ же гласныхъ смѣшались прежде всего разные общесловянскіе, которые опять, съ своей стороны, являются не столь чистымъ отраженіемъ аріевропейскаго состоянія, какъ латинскіе. Итакъ, изъ гласныхъ, подвергающихся въ русскомъ ослабленію въ $y || i$, гласный а восходитъ къ общесловянскимъ а и е (а), которые оба не развились по прямой линіи изъ одинаковыхъ всегда фонемъ или сочетаній фонемъ аріевропейскихъ, но каждый изъ нихъ представляетъ смѣшеніе двухъ или болѣе фонемъ или сочетаній фонемъ аріевропейскаго періода. То же самое относится къ русскимъ

е \Leftarrow общеслав. ē (ѣ)

” ē (ѣ)

” ĭ (ѣ),

о \Leftarrow общеслав. o

” u (ѣ)

” o (нуль) въ г (ръ, рь), ĭ (лъ),

i
y (ы) } \Leftarrow ” { ĭ (н)
y (ы)....

8. Передъ слогомъ ударяемымъ замѣчаемъ въ латинскомъ другаго рода ослабленіе гласныхъ, именно сокращеніе долгихъ гласныхъ, напр.

ācērbus, mōlēstus, pūsillus, consrībīllent

|| ācer, mōles, pūsio, pūsus, scrībēre

Этотъ процессъ сокращенія долгихъ гласныхъ передъ слогомъ ударяемымъ новѣе ослабленія а и е въ ĭ, такъ какъ

онъ совпадаетъ съ удареніемъ новымъ, удареніемъ трехъ слоговъ. Можетъ быть, онъ находится въ связи съ увеличеніемъ числа слоговъ и произошелъ ради сохраненія равновѣсія въ количествѣ слова: при двухъ слогахъ первый слогъ является долгимъ, при трехъ же онъ является краткимъ, а $2 + 1 = 1 + 1 + 1$. Ср. сербское душица \rightarrow дѹшица || дѹша \rightarrow дѹша

Исключенія въ родѣ

irascor, irātus ..., amātūrus, dēlētūrus, audītūrus ..., lēctūrus ...

произошли вѣроятно подъ вліяніемъ морфологической ассимиляціи или „аналогіи“.

9. Если строеніе латинскаго слова обозначить схематически съ помощью

гдѣ отдѣльныя черточки изображаютъ отдѣльные слоги, а черточка по серединѣ, снабженная знакомъ ударенія,— слогъ ударенный, то, на основаніи всего выше изложеннаго, мы должны будемъ это графическое изображеніе дополнить, по отношенію къ латинскому вокализму, слѣдующею характеристикой:

ГЛАВА 19. Чередованія гласныхъ, унаслѣдованныя отъ АРІОЕВРОПЕЙСКАГО СОСТОЯНІЯ.

Это будутъ развѣтвленія или чередованія гласныхъ, не объяснимыя условіями, имѣющимися и имѣвшимися въ латинскомъ яз., и возводимыя къ обще-аріоевропейскимъ развѣтвленіямъ.

Сюда относятся, прежде всего, тождественные этимологически, но фонетически искони различные гласные корни.

Въ области согласныхъ подобныхъ чередованій быть не могло.

Вотъ относящіяся сюда чередованія гласныхъ.

1. ё || ѳ,

т. е. качественное чередованіе двухъ краткихъ гласныхъ, е и о.

mēdīus	mōdus, modulus, modestus ...,
mens, meminī ... (ср. стр. 214-216)	moneo, monumentum ...,
nec-s, nec-o ...	noceo ...,
pendeo, pendo, pependi	pondus, pondo ... *),
rego ..., ērigo (ср. стр. 214)	rogus,
sequi ..., assecla	socius,
tego	toga
.....
Voc. : popule	основа: populo-....
sequeris, sequitur	secundus ← secundus
generis, ponderis	genus, pondus ← genos

2. \tilde{V} || \check{V} ,

т. е. количественное чередованіе долгаго гласнаго съ краткимъ. Подобное чередованіе можетъ быть обусловлено:

а) замѣнительнымъ растяженіемъ (productio supplementoria, Ersatzdehnung) (см. глава 16, стр. 206—210),

б) сокращеніемъ новымъ, спеціально латинскимъ, напр., ācerbus, mōlestus (см. глава 18, стр. 235),

в) древнимъ, обще-аріевропейскимъ сокращеніемъ или же исчезновеніемъ главной, вокальной части тогдашняго дифтонга въ родѣ ei, или oi, eu или ou.

Здѣсь займемся, конечно, только этимъ послѣднимъ случаемъ.

*) Относительно связи значеній ср. русск. висѣть, вѣшать и вѣсы.

ā || ă.

ac-er

fāris, fātum

lābi

pacis

ăc-uo

făteor

lăbāre

păciscor

ē || ĕ:

rex, rēgis, rēgina,

rēgius, regnum,

rēgūla

rēg-o, rexi ..., rēgī-

men, rēgio

ō || ō:

nōtus

sōpio

nōta

sōpor, somnus

i || ī (← ei || i):

(древнее) deico ..., dīco,

dixi, dicēre

dīco, āvi, -āre [cp. dis-

co...], in-dīc-o, ju-dīc-o...

indīcis, -dīcus, dīcis cau-
sa

fid-o

fid-es

visit

vidēo

(др.-лат.) ei-tur, ad-ei-

tur, ab-ei

-i, -i- tum

Gen. s. : *avis → avis *)....

Nom. s. : avis

ū || u (← eu || u):

dūco, др. - лат. douc-o ...,

ēdūco, -ēre

dūc-is, dūc-es ..., dūc e,

ēdūc-o, -āre

lūce

lūcerna (cp. стр. 235).

ae || ī:

maestus

mīs-er

*) Окончаніе -is въ Gen. s. сократилось въ -īs по двумъ причинамъ: 1) фонетически, вслѣдствіе положенія послѣ слога ударяемаго; 2) по аналогіи къ «imparisyllaba» въ родѣ hominis, generis и т. п.

oi → oe || ŷ:

foed-us

fid-es

Сюда же относится perfectum, отличающееся долгимъ кореннымъ гласнымъ, въ противоположность praesenti, которому свойственъ коренной гласный краткій. Таковы напр. perfecta ēgi, fūdi, fūgi, jūvi, rūpi

Въ Perfectum имѣлись раньше, по крайней мѣрѣ, двѣ различныя основы, т. е. этому времени была свойственна такъ назыв. „градація основъ“ (Stammabstufung), или говоря точнѣе, чередованіе (альтернація) основъ.

Морфологическое, флексійное чередованіе основъ есть явленіе вторичное, вызванное первичными чисто фонетическими причинами. Чередованіе основъ, какъ и всякое вообще фонетическое чередованіе морфологическихъ единицъ или морфемъ, разлагается на чередованіе фонемъ, входящихъ въ составъ этихъ морфемъ.

Къ общеаріевропейскимъ чередованіямъ гласныхъ восходятъ въ латинскомъ языкѣ чередованія гласныхъ въ такихъ основахъ, какъ

1) -i- || -u- ← -e- || -o-: capit-is || caput ...,

-e- *) || -u-: oper-is ..., glomer-, later-, foeder-, ponder-, sider-, holer-, sceler-, veller-, funer-, gener-, muner-, oner-, vulner-, acer-, ulcer-, Vener-, veter-.... || opus, glomus, latus, foedus, pondus, sidus, holus, scelus, vellus, fūnus, gēnus, mūnus, onus, vulnus, acus, ulcus, Venus, vetus

-e- || -o- || -u-: temper-o ..., fener-, pigner-, friger-.... || tempor-is ..., fenor-, pignor-, frigor-.... (изъ *tempos-is ..., *pignos- ..., вм. прежнихъ *tempes-

*) См. глава 12, стр. 182 сл.

-is ..., *pignes- ..., вслѣдствіе аналогіи къ прежнимъ
Acc.-Nom. tempos, pignos) || tempus, fenus,
pignus, frigus

-e- || -o- : hones-tus || honōr-is || honos ...;

тогда какъ чередованіе

-o- || -u-

въ такихъ словахъ, какъ

corpor-is ..., lepor-, nemor-, litor-, pector-, faci-
nor-, decor-, pecor-, stercor-, tergor || corpus,
lepus, nemus, litus, pectus, facinus, decus, pe-
cus, stercus, tergus

rōbor-is ..., ebor-, femor-, jecor-.... || rōbur, ebur,
femur, jecur

объясняется на почвѣ одного только латинскаго языка.

2) \bar{V} || \check{V} :

-ōr- || -ūr- : creatōr-em ..., datōr-, genitōr-, prae-tōr-,
quaestōr ..., || creatūr-us ..., datūr-, genitūr-...,
praetūr-a, quaestūr-a

3) -in- || -ō- : homin-is ..., cardin-, margin-, imāgin-,
Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ori-
gin-, cupidin-, libidin-..., magnitūdin-.... || homō,
cardō, margō, imāgō, Apollō, grandō, ordō, turbō,
virgō, origō, cupidō, libidō ..., magnitūdō

4) \bar{V} || \check{V} || \circ

ō || ō || \circ : doctōr-em ..., || doctor, tonsor || doctr-ina,
tonstr-ix, tonstr-ina

ě || \circ : pāter || patr-is, patr-ius

Cr. es, es-t || s-um

И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

is ... *pignes-... , действіе аналогии къ прежнимъ
Acc-Nom. tempus, pignus) || tempus, pignus,

pignus, pignus

-e- || -o- : honer-is ... || honer-is ... || honer ...;

тогда какъ перелоганіе

-o- || -u- .

въ такихъ словахъ, какъ

corpor-is ... , jecor-, nemor-, ilor-, pector-, laci-

nor-, decor-, pector-, stercor-, lercor- ... || corpus,

sepia, nemus, ilus, pectus, lacinus, decus, pe-

cus, stercus, lercus

loror-is ... , ebor-, lemor-, jecor- ... || lōbur, ebur,

lemur, jecur

однакоже на новъ одного только латинскаго языка.

3) V || V̄ : creator-em ... , creator-, creator-, creator-

creator-em ... || creator-na ... , creator-, creator- ...

creator-a, creator-a ...

4) V || V̄ : homin-is ... , curia-, margin-, imagin-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

Apollin-, grandin-, ordin-, turbin-, virgin-, ord-

ОБЪ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВООБЩЕ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Въ нашемъ образованномъ обществѣ есть не мало лицъ, которыя положительными науками считаютъ только науки естественныя, о наукахъ же, обыкновенно называемыхъ гуманитарными, думаютъ, что предметъ ихъ не допускаетъ строго-научнаго изслѣдованія. Руководствуясь такимъ воззрѣніемъ, многіе ставятъ гуманитарныя знанія, по ихъ научному достоинству, не говоря уже объ ихъ практическомъ значеніи, ниже познаній въ естественныхъ наукахъ. Въ настоящемъ этюдѣ будетъ сдѣлана попытка разсмотрѣть, насколько этотъ взглядъ справедливъ по отношенію къ исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности.

Чтобы легче было разобраться въ занимающемъ насъ вопросѣ, не бесполезно сначала опредѣлить мѣсто названныхъ наукъ въ общей системѣ человѣческихъ знаній.

Все человѣческое знаніе развивается изъ особаго рода отношенія субъекта къ объекту. Субъектъ, т. е. человѣческій духъ, извѣстнымъ образомъ воспринимаетъ и отражаетъ въ себѣ дѣйствительность. Но познавая ви́шній міръ, человѣкъ относится и къ самому себѣ, какъ къ объекту познанія. Первое отношеніе даетъ начало наукамъ о природѣ, второе—наукамъ о человѣкѣ. Первые называютъ обыкновенно науками естественными, а вторыя—гуманными или гуманитарными *). Гуманныя науки разсматриваютъ человѣка въ совокупности его физической и психической природы. Однѣ изъ наукъ о человѣкѣ имѣютъ предметомъ его настоящее состояніе (этнографія, политическая географія, статистика, политическая экономія и др.); другія же

*) Такъ называемыя соматологическія науки о человѣкѣ относятся къ первой группѣ, такъ какъ онѣ имѣютъ съ нею гораздо болѣе тѣсную связь, чѣмъ съ науками гуманитарными.

разсматриваютъ его прошедшую жизнь (историческія науки). Но въ основѣ тѣхъ и другихъ лежитъ наука, изучающая самую природу человѣка, какъ разумнаго существа (психологія). Психологія имѣетъ такое же значеніе въ области гуманитарныхъ наукъ, какое принадлежитъ физикѣ и химіи въ области наукъ о природѣ. Какъ безъ знанія физики и химіи нельзя понимать біологическихъ явленій, такъ безъ знанія психологіи нельзя понимать разумной жизни человѣка. Историческія науки, по разнымъ проявленіямъ человѣческой природы, которыя онѣ разсматриваютъ, раздѣляются на нѣсколько отраслей, каковы: исторія соціально-политической жизни, исторія просвѣщенія (или умственного развитія), исторія искусства, исторія религіозныхъ проявленій и пр. Исторія просвѣщенія, въ свою очередь, распадается на исторію философіи, науки, литературы, общественнаго образованія и проч. Исторія литературы, такимъ образомъ, входитъ, какъ часть, въ исторію просвѣщенія, или умственного развитія вообще. Впрочемъ, исторія литературы имѣетъ тѣсную связь съ исторіею искусства, морали, религіи и соціальной жизни. Поэтому, литература отчасти выходитъ изъ области исторіи чисто-умственного развитія. Но такъ какъ интеллектуальный элементъ есть господствующій какъ въ ней, такъ и въ другихъ проявленіяхъ разумной жизни человѣка, то исторію литературы можно относить, въ качествѣ составной части, къ исторіи умственного развитія человѣчества или къ исторіи просвѣщенія вообще.

Теперь спрашивается, въ какомъ отношеніи исторія просвѣщенія и, въ частности, исторія литературы находятся къ такъ называемымъ естественнымъ наукамъ? Прежде всего нужно замѣтить, что терминъ «естественная наука» не тождественъ съ выраженіемъ наука о природѣ (внѣшней). Мыслители Шотландской школы (Томасъ Ридъ, Дюгальдъ Стюартъ, Броунъ и др.), идя по слѣдамъ Бэкона и Локка, начали разрабатывать психологію, какъ науку естественную. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Огюстъ Контъ въ своемъ «Курсѣ

положительной философіи» помѣстилъ соціологію или, по его терминологіи, соціальную физику, какъ положительную науку, завершающую собою іерархію главныхъ наукъ. Бокль въ своемъ «Введеніи въ исторію цивилизаціи въ Англіи», при всѣхъ преувеличеніяхъ и поспѣшныхъ обобщеніяхъ, не выдерживающихъ строгой критики, все-таки указалъ нѣкоторыя новыя плодотворныя начала для разработки исторіи культуры, какъ положительной науки. Наконецъ, въ послѣднее время, филологи провозгласили науку о языкѣ естественной наукой *). Вслѣдъ за тѣмъ тоже титуло должны были получить и другія науки, тѣсно связанныя съ наукой о языкѣ, напр. сравнительная міеологія. Изъ этихъ примѣровъ видно, что названіе естественной науки усваивается не однимъ только наукамъ о природѣ, но и нѣкоторымъ изъ гуманитарныхъ наукъ. При такомъ употребленіи слова, этимъ названіемъ обозначается, очевидно, каждая положительная наука. Для того, чтобы какая-нибудь наука могла быть положительною, требуются два условія: во-первыхъ, чтобы явленія, разсматриваемыя въ ней были дѣйствительными, реальными фактами и, во-вторыхъ, чтобы въ ходѣ ихъ замѣчались извѣстный порядокъ и правильность, или законосообразность, на чемъ, какъ извѣстно, основывается примѣненіе индуктивнаго метода. Представляютъ ли эти два условія исторія просвѣщенія и, въ частности, исторія литературы?

Явленія, изслѣдуемыя въ этихъ наукахъ, суть явленія психическія, извѣстнымъ образомъ выраженные во-внѣ. Явленія эти въ своемъ генезисѣ субъективны, потому что они возникаютъ въ субъектѣ, или человеческомъ духѣ, а въ своемъ внѣшнемъ выраженіи объективны, потому что получаютъ существованіе отдѣльное отъ субъекта, въ которомъ они возникли; но въ томъ и другомъ случаѣ они такъ же реальны, какъ и любое изъ явленій, изслѣдуемыхъ физикомъ, химикомъ или физиологомъ. Впрочемъ, и въ самомъ генезисѣ своемъ интел-

*) См. «Лекціи по наукѣ о языкѣ» Макса Мюллера.

лектуальныя и вообще психическія явленія имѣютъ объективную сторону, именно каждому психическому явленію съ внѣшней, физической стороны соотвѣтствуетъ извѣстное молекулярное движеніе въ массѣ мозговой субстанции. Эти движенія мозгового вещества совершаются по законамъ механическаго движенія и имѣютъ совершенно объективный характеръ. Что же касается до внѣшняго выраженія умственной жизни человѣка, то имъ служить мускульная дѣятельность, въ частности: во-первыхъ, дѣйствія и поступки людей, во-вторыхъ, членораздѣльные звуки, или слова и, въ-третьихъ, обозначеніе словъ условными знаками на письмѣ. Процессъ рѣчи и обозначенія ея письменными знаками представляетъ одинъ изъ видовъ мускульной дѣятельности человѣка, но продукты этой дѣятельности, т. е. членораздѣльные звуковыя сочетанія и письменныя ихъ обозначенія, получаютъ существованіе отдѣльное отъ человѣка, которымъ они произведены. Въ той и другой своей формѣ, т. е. въ формѣ мускульной дѣятельности и въ формѣ звуковъ и письменъ, внѣшнее выраженіе душевной жизни человѣка вполнѣ объективно, потому что оно осуществляется посредствомъ матеріи и по законамъ механическаго движенія. Правда, прошлыя дѣйствія и слова людей теперь уже не существуютъ, но поэтому еще нельзя отвергать ихъ реальности. Они сохраняются въ памяти человѣчества посредствомъ устнаго преданія и письменнаго обозначенія. Кромѣ того, дѣйствія, мысли и слова прежнихъ людей имѣли такое или иное вліяніе на жизнь послѣдующихъ поколѣній, подобно тому, какъ прежнія растенія и животныя хотя исчезли, разложились на свои составные элементы, но произвели прямое вліяніе на послѣдующія органическія образованія, которыя унаслѣдовали отъ нихъ родовые типы, видовыя разницы и часто даже индивидуальныя особенности. Законъ сохраненія силы, господствующій въ физическомъ мірѣ, имѣетъ мѣсто и въ средѣ интеллектуальной жизни. Какъ ни одинъ атомъ вещества не уничтожается, и ни одно движеніе не пропадаетъ безъ слѣда, во въ той или

другой формѣ продолжаетъ существовать и при томъ всегда въ эквивалентныхъ отношеніяхъ, такъ ни одно интеллектуальное и вообще психическое явленіе не исчезаетъ совершенно, но въ той или иной формѣ, въ той или иной ассоціаціи продолжаетъ существовать и имѣть извѣстное значеніе въ общемъ умственномъ прогрессѣ человѣчества, сообразно съ своимъ специальнымъ содержаніемъ и характеромъ. Такимъ образомъ, явленія умственной жизни человѣка, по своему происхожденію и характеру существенно отличающіяся отъ механическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ явленій, имѣютъ такое же, какъ и они, объективно-реальное значеніе.

Относительно гуманитарныхъ наукъ существуетъ мнѣніе, что явленія, изучаемыя ими, не могутъ быть подведены подъ опредѣленные законы и что поэтому они не могутъ быть предметомъ положительнаго изслѣдованія. Мнѣніе это основывается на наблюденіяхъ надъ даннымъ эмпирическимъ состояніемъ названныхъ наукъ, но оно не оправдывается самою природою изслѣдуемыхъ ими фактовъ. Правда, факты, изслѣдуемые въ этихъ наукахъ, чрезвычайно сложны, и открытіе законовъ, по которымъ они совершаются, представляетъ большія трудности, но все-таки эти трудности не непреодолимы. Явленія умственной жизни представляютъ такія же постоянныя и опредѣленные отношенія причинной связи, какія усматриваются и въ другихъ сферахъ жизни.

Умственная жизнь и дѣятельность каждаго народа въ ходѣ своего развитія подчинена общимъ психологическимъ законамъ, какіе обнаруживаются въ умственной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка. Дѣятельность эта слагается изъ двухъ главныхъ моментовъ: во-первыхъ, изъ воздѣйствія объекта, или внѣшняго міра, на субъектъ, или человѣческой духъ и, во-вторыхъ, изъ реакціи субъекта на воспринятое имъ впечатлѣніе отъ внѣшняго міра. Первый моментъ доставляетъ матеріалъ для умственныхъ операцій; второй представляетъ самостоятельную переработку этого матеріала со стороны духа, рефлектирующаго на свои внутреннія состоянія,

возбужденіе въ немъ по поводу внѣшнихъ явленій. Отсюда ясно, что умственная и вообще душевная дѣятельность человѣка весьма много зависитъ отъ той среды, которая служитъ для него предметомъ наблюденія и которая, слѣдовательно, доставляетъ ему матеріалъ для умственныхъ операций. Общую основу этой зависимости можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Какъ сказано выше, познавательная дѣятельность человѣка состоитъ изъ взаимодѣйствій между объектомъ и субъектомъ. Но всякая конечная реальность обнаруживается лишь въ формахъ пространства и времени. Поэтому, и умственное развитіе человѣка должно подлежать этимъ формамъ, въ которыхъ оно не можетъ имѣть мѣста. Этой связью умственной дѣятельности человѣка съ объективно субъективными формами пространства и времени и опредѣляется зависимость ея отъ условій жизни того или другаго народа. Такимъ образомъ, умственное развитіе народа поставлено въ двоякаго рода отношенія: во-первыхъ, пространственныя и, во-вторыхъ, временныя. Отсюда условія жизни народа могутъ быть подведены подъ двѣ главныя категоріи: 1) природа, обусловленная пространственными отношеніями, и 2) культура, т. е. общій уровень гражданственности народа, обусловленный съ одной стороны пространственными, а съ другой, и главнымъ образомъ, временными отношеніями. Первая категорія условій жизни народа даетъ начало слѣдующимъ частнымъ условіямъ: а) климатъ, б) почва, в) флора и фауна, г) устройство поверхности, е) орошеніе и ф) особенности границъ страны. Хотя всѣ эти различныя стороны природы тѣсно связаны между собою и обуславливаютъ одна другую, но для отчетливости изложенія предмета рассмотримъ каждую изъ нихъ отдѣльно.

Что касается климатическихъ условій, то они вліяютъ на умственное развитіе человѣка прежде всего въ томъ отношеніи, что могутъ ему препятствовать или содѣйствовать. Извѣстно, что въ сильныя жары мысль человѣка не можетъ надлежащимъ образомъ работать. Отъ этого происходитъ то явленіе, что жаркій климатъ

дѣйствуетъ на умственную жизнь человѣка разслабляющимъ образомъ. Съ другой стороны, человѣкъ не можетъ надлежащимъ образомъ совершать свои умственные отправленія и въ слишкомъ холодномъ климатѣ, такъ какъ излишній холодъ парализуетъ правильное теченіе мыслей *). Кромѣ того, въ тѣхъ странахъ, гдѣ большую часть года бываютъ жестокіе морозы, человѣку предстоитъ слишкомъ много заботъ о сохраненіи своей жизни; тутъ ему уже не до высшихъ умственныхъ интересовъ. Только въ умѣренномъ климатѣ человѣкъ можетъ сохранить надлежащую умственную энергію и бодрость, которыя такъ необходимы ему для жизни вообще и для познавательной дѣятельности въ частности. Такимъ образомъ, умѣренный климатъ представляетъ наиболѣе удобныя условія для умственного развитія человѣка. Далѣе, климатъ можетъ оказывать еще вліяніе на самое содержаніе мысли человѣка. Напримѣръ, рѣзкія противоположности въ климатѣ, каковы—невыносимый жаръ днемъ и сильный холодъ ночью, благотворное вліяніе солнца и опустошительные вѣтры пустыни и тому подобныя противоположности внушаютъ народу дуалистическое воззрѣніе на міръ, какъ это было, напримѣръ, въ Иранѣ **).

Не въ менѣе значительной степени, чѣмъ отъ климата, умственная жизнь народа зависитъ и отъ почвы страны. Въ отношеніи почвы обратимъ вниманіе прежде всего на ея плодородіе или бесплодность. Почва служитъ главнымъ источникомъ естественнаго богатства или бѣдности народа. Богатство же или бѣдность прямо и непосредственно вліяютъ на интеллектуальное развитіе этого народа. Чтобы у даннаго народа явились возможность и охота къ свободному изслѣдованію природы и вообще къ умственному труду, для этого ему необходимъ досугъ. Досугъ открывается для человѣка тогда, когда онъ свободенъ отъ необходимости заботиться объ удо-

*) Бокль, Исторія цивилизаціи въ Англіи, стр. 48.

**) Weber. Allgemeine Geschichte, S. 331—332.

влетвореніи своихъ первыхъ и настоятельнѣйшихъ потребностей, именно потребностей тѣлесныхъ. Но такая свобода возможна въ томъ случаѣ, если естественныя богатства страны настолько велики, что добываемое количество продуктовъ превышаетъ наличныя потребности народа. Этимъ обстоятельствомъ обуславливается то явленіе, что философія и наука прежде всего появляются и полнѣе развиваются въ странахъ, почва которыхъ отличается плодородіемъ. Напротивъ, тѣ народы, которые населяютъ мѣстности со скудною отъ природы почвою, никогда не производятъ замѣчательныхъ философскихъ ученій; они слишкомъ мало имѣютъ времени для того, чтобы предаться умственному труду*). Въ тѣсной связи съ климатомъ и почвою страны находятся ея фауна и флора. На плодородной почвѣ въ тропическомъ климатѣ развивается богатая и разнообразная растительность; съ растительностью тѣсно связана и жизнь животнаго царства. Роскошныя произведенія растительнаго царства, мощныя и колоссальныя животныя должны, безъ сомнѣнія, производить сильное впечатлѣніе на душу человѣка. Подобныя явленія дѣйствуютъ большею частью на чувство зрѣнія; зрительныя же ощущенія доставляютъ главнѣйшій матеріалъ для дѣятельности воображенія и фантазіи. Отсюда понятно, что тропическая флора и фауна должны преимущественно развивать въ человѣкѣ дѣятельность фантазіи, въ ущербъ дѣятельности разсудка. Въ жаркомъ климатѣ водятся огромныя и опасныя для человѣка животныя, каковы, напримѣръ, львы, тигры, крокодилы, удавы и прочія. Подобныя животныя должны внушать человѣку, находящемуся на низкой ступени развитія, суевѣрный страхъ къ себѣ и этимъ самымъ подавляютъ его свободное отношеніе къ природѣ, какъ къ предмету его наблюденія и изученія. Страхъ предъ явленіями природы, безъ сомнѣнія, не можетъ не про-

*) Бокль.—Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго и Пенарокова. СПб. 1862. Т. I, ч. II, стр. 46—47, 50—55.

изводитъ вреднаго вліянія на развитіе умственной дѣятельности, которая требуетъ отъ размышляющаго субъекта возможно большей безпристрастности, возможно болѣе объективнаго отношенія къ природѣ. Такимъ образомъ флора и фауна тропическихъ странъ производятъ неблагопріятное вліяніе на умственное развитіе человѣка въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онѣ чрезмерно развиваютъ фантазію въ человѣкѣ, въ ущербъ разсудочной дѣятельности, продуктомъ которой являются философія и наука; во-вторыхъ, онѣ дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ на самую разсудочную дѣятельность человѣка, затемняя и задерживая ее суевѣрнымъ страхомъ предъ явленіями природы. Но если тропики представляютъ мало благопріятныхъ условій для интеллектуальнаго развитія людей, то еще менѣе благопріятствуютъ ему полярныя и близкія къ нимъ страны. Здѣсь флора и фауна такъ однообразны, такъ бѣдны и незначительны, что не могутъ обратить на себя надлежащаго вниманія человѣка и не могутъ развивать въ немъ наблюдательности, которая очень важна для умственной дѣятельности. Поэтому, философія, наука и литература не могутъ развиваться въ слишкомъ холодныхъ странахъ, уже вслѣдствіе того одного обстоятельства, что въ нихъ флора и фауна незначительны, хотя бы другія условія жизни и не парализовали ихъ развитія здѣсь. Умѣренныя страны и въ этомъ отношеніи представляютъ всѣ условія для успѣшной умственной дѣятельности. Здѣсь флора и фауна не настолько поразительны, чтобы вести къ излишнему развитію фантазіи, но они и не такъ бѣдны, чтобы не могли доставлять человѣку потребнаго для развитія его наблюдательности матеріала. Съ другой стороны, хотя животныя въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ также бываютъ иногда опасны для человѣка, однако они не настолько сильны, чтобы онѣ не могъ побуждать ихъ и не такъ опасны, чтобы внушить ему суевѣрный страхъ къ себѣ. Вотъ почему зоологія вообще весьма мало развита была въ умѣренныхъ странахъ и вполне развивалась только въ странахъ жаркихъ.

Аналогичное съ дѣйствіемъ фауны и флоры вліяніе на умственную жизнь народа производитъ устройство поверхности страны. Въ этомъ отношеніи весьма важно, — гориста ли мѣстность, населяемая извѣстнымъ народомъ, или же она представляетъ равнину и т. д. Огромныя горы, раздѣляемыя по мѣстамъ долинами и ущельями, придаютъ чрезвычайное разнообразіе общему виду природы. Всякое вообще разнообразіе не позволяетъ человѣку исключительно сосредоточить свое вниманіе на одномъ какомъ нибудь предметѣ, но заставляетъ его умъ отъ одного предмета переходить къ другому. Отсюда гористыя мѣстности, дѣйствуя своими величественными картинами преимущественно на воображеніе человѣка, мало содѣйствуютъ выработкѣ въ немъ способности сосредоточенія мысленія на одномъ предметѣ. Поэтому, въ странахъ, отличающихся колоссальностью своихъ горъ, природа представляетъ мало благопріятныхъ условій для развитія отвлеченной мысли. Совершенно противоположное вліяніе оказываютъ на умъ человѣка равнины. Здѣсь ничто особенно не развлекаетъ ума, не даетъ глазамъ человѣка разбѣгаться по разнымъ предметамъ, ничто, однимъ словомъ, не даетъ уму повода разсѣяться и потеряться въ разнообразіи явленій. Напротивъ, однообразіе равнинъ содѣйствуетъ сосредоточенію мысли человѣка на одномъ какомъ-нибудь предметѣ. Живя на равнинѣ, человѣкъ можетъ легко оріентироваться въ наблюденіяхъ, которыя онъ дѣлаетъ надъ природою. Отсутствіе рѣзкихъ контрастовъ въ природѣ, ровность почвы, сравнительное однообразіе видовъ, все это не можетъ не вліять на человѣка, дѣлая его характеръ ровнымъ, спокойнымъ, чуждымъ страстности. Поэтому, въ жителяхъ равнинъ обыкновенно болѣе бываетъ развитъ разсудокъ, чѣмъ воображеніе. Отсюда понятно, что умственная культура скорѣе можетъ развиваться на равнинахъ, чѣмъ въ горахъ, предполагая, разумѣется, одинаковость всѣхъ прочихъ условій жизни. Впрочемъ, небольшія горы, разнообразящія общій видъ страны, могутъ только сообщить болѣшую живость ха-

рактору народа, не препятствуя его умственной дѣятельности. Немаловажное вліяніе на развитіе духовной культуры имѣетъ также и орошеніе. Если орошеніе достаточно, то въ странѣ, обладающей плодородною почвою и здоровымъ климатомъ, можетъ развиваться осыдлая гражданственная жизнь, стало быть, можетъ развиваться и умственная дѣятельность. Напротивъ, гдѣ орошеніе неудовлетворительно, тамъ населеніе отъ природы предназначено къ кочевой жизни. Такъ, напримѣръ, въ Аравіи, гдѣ, какъ извѣстно, многія маленькія рѣчки и ручьи лѣтомъ пересыхаютъ, вслѣдствіе чего гибнетъ и растительность въ этихъ мѣстахъ, жители (за исключеніемъ живущихъ въ такъ называемой счастливой Аравіи или Іеменѣ) принуждены бываютъ переходить со своими стадами изъ одной мѣстности въ другую. Не удивительно, что въ подобныхъ странахъ мало благоприятныхъ условій для научной и литературной дѣятельностей, которыя предполагаютъ уже довольно высокую степень культурнаго состоянія. Орошеніе можетъ имѣть еще и другаго рода вліяніе на развитіе просвѣщенія. Судосходныя рѣчки, какъ извѣстно, составляютъ одно изъ лучшихъ средствъ сообщенія между людьми; эти естественныя пути очень много облегчаютъ обмѣвъ и распространеніе идей и вообще цивилизаціи между различными народами. Понятно, что народы, страны которыхъ орошаются большими судосходными рѣчками, скорѣе достигаютъ высокой степени культурнаго развитія, обладаютъ бѣльшей суммой познаній и несравненно бѣлье широкимъ умственнымъ кругозоромъ, чѣмъ націи, находящіяся въ этомъ отношеніи въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ. Поэтому, въ странахъ, которыя соединены большими рѣчками съ другими, бѣлье или менѣе просвѣщенными, странами, умственная дѣятельность развивается разностороннѣе и глубже. Почти такое же вліяніе оказываетъ на интеллектуальное развитіе приморское положеніе страны, содѣйствующее сношеніямъ націи съ образованными народами и, слѣдовательно, ея умственному и вообще культурному развитію. Сверхъ

того, приморское положеніе страны имѣетъ значеніе для умственной дѣятельности народа еще въ томъ отношеніи, что способствуетъ развитію торговли, доставляющей ему богатство, которымъ обусловливается досугъ, необходимый для развитія научной, философской и литературной дѣятельности. «Греческія Колоніи», говорит Кузенъ, — «опередили континентъ въ развитіи вкуса и культуры, потому что мореплаваніе и торговля равно обогатили ихъ и создали для извѣстнаго числа людей досугъ, который порождаетъ любознательность и новыя потребности, кромѣ нуждъ обыденной жизни» *). Напротивъ, континентальныя страны, особенно, отдѣленные отъ другихъ странъ горными хребтами или огромными пустынями, представляютъ мало условій, благопріятствующихъ развитію интеллектуальной дѣятельности народа. Если къ изолированному естественными преградами положенію страны присоединяется еще то обстоятельство, что естественныя произведенія страны въполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ народонаселенія, такъ что въ экономическомъ отношеніи ему нѣтъ никакой нужды въ сношеніяхъ съ иноземными народами, то нація, населяющая подобную страну, обыкновенно дѣлается недоступной для постороннихъ вліяній, замкнутой въ своей исключительной сферѣ мѣстныхъ интересовъ. Интеллектуальная дѣятельность такого народа, очевидно, не можетъ не отличаться крайнею односторонностью направленія и узкостью своего содержанія. — Вообще географическое положеніе и границы страны, — населенной извѣстнымъ народомъ, имѣютъ весьма большое значеніе въ исторіи его умственного развитія. Философія, наука и литература этого народа будутъ скорѣе подчиняться вліянію культуры сосѣднихъ съ нимъ народовъ, чѣмъ народовъ отдаленныхъ.

Кромѣ указанныхъ нами общихъ фактовъ, выражающихъ вліяніе физико-географическихъ условій жизни

*) Cousin. Introduction à l'histoire de la philosophie. 1836. Bruxelles. p. 103.

человѣка на его умственную дѣятельность, есть и другія, не менѣ важныя, стороны въ разсматриваемомъ предметѣ. Условія эти не только благопріятствуютъ или препятствуютъ умственной жизни и дѣятельности человека, но еще извѣстнымъ образомъ опредѣляютъ ея характеръ, содержаніе и направленіе. Такъ, напримѣръ, въ литературѣ народа должна будетъ отразиться природа страны, въ которой онъ живетъ, со всѣми ея особенностями. Вообще содержаніе и характеръ литературы каждаго народа въ значительной степени опредѣляются географическими условіями, въ какія бываетъ поставлена жизнь его. Изслѣдованіе вліяній, оказываемыхъ природой на психическую жизнь народовъ, входитъ въ задачу особой спеціальной науки, носящей названіе народной психологіи (*Völkerpsychologie*). Можно надѣяться, что эта наука современемъ опредѣлитъ и точно сформулируетъ тѣ постоянныя и опредѣленныя отношенія, въ какихъ умственная жизнь человѣчества находится ко внѣшнимъ, географическимъ ея условіямъ. Это опредѣленіе имѣло бы весьма большое значеніе для исторіи литературы. Но хотя умственная жизнь и дѣятельность человека зависитъ отъ физическихъ агентовъ, однако вліяніе ихъ болѣе или менѣ замѣтно и значительно только въ ранніе періоды культурнаго развитія. Чѣмъ болѣе развивается и крѣпнеть человѣческій умъ, тѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ внутренней устойчивости и силы, тѣмъ менѣ онъ подчиняется внѣшнимъ, постороннимъ вліяніямъ; другими словами, вліяніе физическихъ условій на умственную жизнь человека обратно пропорціонально продолжительности умственнаго развитія извѣстнаго народа: чѣмъ выше интеллектуальная культура народа, тѣмъ менѣ она зависитъ отъ природы, и наоборотъ. Да и вообще вліяніе природы на умственную дѣятельность не слѣдуетъ считать слишкомъ уже великимъ и давать ему особенно большое значеніе въ исторической жизни, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Монтескьё. Ошибки, въ которыя впалъ Монтескьё—двоякаго рода: прежде всего онъ не различаетъ между прямымъ

и косвеннымъ вліяніемъ физическихъ причинъ, между тѣмъ какъ это различіе существенно важно. Прямое или непосредственное вліяніе климата, почвы и вообще природы страны, по словамъ Flint'a, нужно считать слабымъ (*faible*) и во всякомъ случаѣ неяснымъ и неопредѣленнымъ (*very obscure*) *). Косвенное вліяніе физическихъ агентовъ, т. е. вліяніе, которое они производятъ на состояніе просвѣщенія черезъ посредство социальныхъ потребностей и дѣятельностей, очень велико. Указанная ошибка тѣсно связана съ другою. Прямое вліяніе физическихъ агентовъ должно быть необходимымъ, роковымъ для человѣка дѣйствіемъ, которое не зависитъ отъ его воли, и передъ которымъ онъ совершенно безсиленъ, вполне пассивно подчиняясь ему. Косвенное вліяніе, напротивъ, предполагаетъ реакцію со стороны человѣка, дѣятельное отношеніе его къ нуждамъ, какія возбуждаетъ это вліяніе. Поэтому, смѣшеніе двухъ различныхъ формъ вліяній природы должно ставить подъ сомнѣніе великій фактъ человѣческой свободы. Этотъ упрекъ можетъ быть сдѣланъ и Боклю. Кузенъ, въ своемъ «Введеніи въ исторію философіи», старается оправдать взглядъ Монтескье на отношеніе физическихъ агентовъ къ исторіи. Но возрѣніе самого Кузена на этотъ предметъ не выдерживаетъ критики. Его слова: «Дайте мнѣ карту страны, ея наружный видъ, ея климатъ, ея воды, ея вѣтры и всю ея физическую географію; дайте мнѣ ея естественныя произведенія, ея флору, ея зоологію и т. д.; и я обязуюсь сказать вамъ *a priori*, каковъ будетъ человѣкъ въ этой странѣ, какую роль эта страна будетъ играть въ исторіи, не случайно, но необходимо, не въ одну какую-нибудь эпоху, но во всѣ, наконецъ, какую идею она предназначена осуществить» **)—эти слова нужно признать преувеличеніемъ, по справедливому замѣчанію Flint'a, который основательно разобралъ историко-философскую

*) Flint. *The philosophy of history in Europe*. Edinburg and London. 1874. P. 103.

**) Cousin *Op. cit.* p. 232—233.

теорію Кузена. Вообще вліяніе природы на умственное развитіе человѣка не безусловно, но относительно; оно только содѣйствуетъ или препятствуетъ развитію интеллектуальной культуры съ тѣмъ или другимъ характеромъ въ данной странѣ, но не вызываетъ её.

Другая категорія условій жизни народа, которая выше была обозначена нами однимъ словомъ культура, касается важнѣйшихъ странъ культурнаго состоянія. Сюда относятся: а) общій уровень научныхъ познаній народа, б) религія, в) государственная и вообще социальная жизнь народа и д) политическія отношенія. Особенности культуры каждаго народа очень много зависятъ отъ его національнаго характера; поэтому, представляется нужнымъ сначала разсмотрѣть зависимость умственной жизни народа отъ его національнаго характера.

Въ этой части трактата мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ философію, какъ одно изъ самыхъ выдающихся проявленій интеллектуальной жизни и дѣятельности человѣка. Но само собой понятно, что многія изъ обобщеній, которыя будутъ при этомъ изложены, *mutatis mutandis*, примѣнимы и къ другимъ проявленіямъ умственной жизни: наукѣ, литературѣ и пр. Особенности народнаго характера болѣе всего обуславливаются природою страны. Поэтому, національный характеръ въ ряду условій народной жизни занимаетъ средину между природою страны и культурой народа. Народная психологія выработала уже положеніе, что каждому народу можетъ быть по-преимуществу свойственъ какой-нибудь одинъ темпераментъ. Темпераментъ же народа въ сильной степени вліяетъ на развитіе у него интеллектуальной культуры съ такимъ или инымъ характеромъ. Напримѣръ, философія отвлеченнаго характера, особенно идеализмъ, скорѣе и болѣе всего можетъ развиваться у народовъ темперамента меланхолическаго и флегматическаго. Эмпирическая же философія, привязанная болѣе къ непосредственному чувственному бытію, основывающаяся на прямыхъ данныхъ опыта, можетъ скорѣе развиваться у народовъ съ холерическимъ

и сангвиническимъ темпераментомъ. Конечно, нельзя положить точныхъ границъ между разными темпераментами, почти никогда не встрѣчающимися въ жизни въ чистомъ видѣ и почти всегда находящимися въ смѣшеніи одинъ съ другимъ; однако же можно указать на нѣкоторые народы, какъ на представителей особаго рода темпераментовъ, и обозначить связь и соотношеніе между характеромъ этихъ народовъ и ихъ философіею. Такъ, нѣмцамъ, особенно въ Нижней Германіи, болѣе свойственъ флегматическій темпераментъ, обусловленный характеромъ ихъ страны. Флегматизмъ позволяетъ имъ съ большимъ равнодушіемъ и спокойствіемъ, сравнительно съ другими народами, относиться къ непосредственной дѣйствительности, предрасполагаетъ ихъ къ выработкѣ отвлеченнаго воззрѣнія на міръ, дѣлаетъ ихъ особенно склонными видѣть за измѣнчивымъ и случайнымъ бытіе постоянное и неизмѣнное, въ частномъ находитъ общее, въ мимолетныхъ феноменахъ жизни усматривать проявленія бытія абсолютнаго. Вотъ почему Германія—по преимуществу—страна идеалистической философій. Напротивъ, французы, эти сангвиники *хат' ἔξοχήν*, создали философію, преимущественно основанную на опытѣ. Правда, французъ Декартъ положилъ начало новому идеализму, но, во-первыхъ, его философія не исключительно продуктъ условій французской жизни, а, во-вторыхъ, будучи отцомъ идеализма, Декартъ въ то же время первый выставилъ механическій принципъ въ философій и началъ механически, исключительно изъ движенія, объяснять всѣ явленія въ физическомъ мірѣ. Уже тутъ видны задатки развитія въ будущемъ философій, въ основу которой положены математика и физика. Англичане, въ отношеніи темперамента, представляютъ нѣчто отличное какъ отъ французовъ, такъ и отъ нѣмцевъ; ихъ смѣшанный холерико-меланхолическій темпераментъ служитъ причиной того обстоятельства, что ихъ нельзя назвать ни односторонними эмпиристами, ни идеалистами; эмпирическая философія у нихъ мирится съ метафизикою.

Но какъ ни сильно зависитъ философія отъ народнаго характера, однако не менѣе вліяетъ на нее и общій уровень научныхъ познаній народа. Философія, въ ея истинномъ значеніи, должна быть высшимъ синтезомъ, объединеніемъ и обобщеніемъ давнихъ всѣхъ наукъ вообще; она должна гармонически сочетать всѣ эти данныя въ одной стройной системѣ знанія, соединить ихъ въ высшемъ единствѣ немногихъ, органически связанныхъ между собою принциповъ и такимъ образомъ дать человѣку возможно болѣе цѣлостное, осмысленное, стройное и законченное въ себѣ воззрѣніе на міръ и на самого себя. Отсюда ясно, что философія тѣсно связана съ общимъ состояніемъ наукъ. Чѣмъ болѣе разработаны частныя науки, тѣмъ совершеннѣе философія, и наоборотъ. Нѣтъ надобности далѣе развивать эту мысль: вся исторія философіи можетъ служить ея подтвержденіемъ.

Если философія въ такой степени зависитъ отъ общаго развитія наукъ, то, съ другой стороны, она весьма много зависитъ и отъ религіи народа. Конечно, всякая естественная религія, какъ система идей, постепенно развивающихся, въ своей теоретической части есть уже философія въ широкомъ смыслѣ слова. Поэтому, здѣсь имѣются въ виду только положительныя религіи, проповѣданныя въ извѣстное время какимъ-нибудь историческимъ лицомъ или нѣсколькими лицами. Сюда относятся откровенная религія и такія естественныя религіи, какъ буддизмъ и магометанство. Религіозныя идеи, господствующія въ извѣстной странѣ, сильно вліяютъ и на развивающуюся въ ней философію, если только послѣдняя не отрывается совершенно отъ религіи. Такъ, благодаря вліянію религіи, въ область философской литературы входятъ иногда разсужденія о такихъ предметахъ, какъ Богъ, церковь, Боговоплощеніе, искупленіе и проч. Въ доказательство можно указать, напр., на философію Лейбница (особенно въ его «Теодицѣѣ»), на сочиненія Канта, Гегеля и друг.

Но как не было известно философии от народа-
 вато характера, однако не менее важно, что в об-
 щем уровне научных познаний народа. Философия, в
 ее истинном значении, должна быть высшим синте-
 сом, соединением и обобщением данных наук
 наук, вообщем, она должна гармонически сочетать все
 эти знания в одной стройной системе знаний, соот-
 нуть их, в высшем смысле, с необходимостью, с
 связанными между собой принципами и типами обра-
 зов. Эти задачи возможны только в достоянии на-
 чального, строящего и законченного в себе познания на
 миде и на самом себе. Отсюда ясно, что философия
 тесно связана с общим состоянием науки. Чем бо-
 лее развита наука, тем больше возможностей для разв.
 философии и наоборот. Нет возможности для разв.
 наук, если философия может служить
 ее подспорьем.

Если философия в такой степени известна от об-
 щего развития науки, то с другой стороны, она не
 может известна и от развития народа. Поэтому,
 всякая истинная философия как система идей, пост-
 ражена на фундаменте, в своей теоретической части
 есть уже философия в широком смысле слова. Просто
 мы, здесь, имеем в виду только положительные ре-
 зультаты, производимые в истинное время, а именно
 были историческими, или историческими, или
 (как относится к истинной философии и таким образом)
 ная философия, как философия и методология. Фил-
 софия или философия в истинной стране,
 сильно известна и на истинном уровне в нем философия,
 если только познания не являются совершенно от-
 рывками. Так, философия истинно должна быть
 философской интерпретацией, исходя из философии
 о таких предметах, как Бог, человек, Божество, и
 не истинные и истинные. В доказательство можно ука-
 зать, например, на философию Лейбница (особенно в его
 «Теодицея»), на сочинения Гегеля и других.

ЗАЧАТКИ ПРИКЛАДНОГО ЯЗЫКОЗНАНІЯ.

Исходный пунктъ, проэктъ и перспектива науки
о НАЦИОНАЛИЗМѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

Науки и жизнь.—Единство знаній.—Безконечность
прогресса.

У древнихъ грековъ, на зарѣ европейской цивилизаціи, вся область человѣческихъ знаній дѣлилась на два отдѣла. Основаніемъ для дѣленія служило двоякое отношеніе умственныхъ приобрѣтеній къ жизни. Одни знанія были полезны въ обыденной, практической жизни и почерпались изъ наукъ, другія удовлетворяли просто человѣческой пытливости; хранилищемъ послѣднихъ была философія. Въ сущности дѣленіе это продолжалось и въ средніе вѣка, отчасти и въ новое время; только въ XIX вѣкѣ, когда характеръ наукъ мало-по-малу радикально преобразовался, упомянутое исконное дѣленіе знаній сдѣлалось устарѣлымъ.

Въ древности всѣ науки отличались тенденціозностію, т.е. такого рода качествомъ, которое противопоставляется объективности. Напримѣръ, учились грамматикѣ не для того, чтобы знать исторію и законы развитія языка, а для того, чтобы научиться правильно писать и говорить образцовымъ, литературнымъ языкомъ. Равнымъ образомъ учились риторикѣ, чтобы краснорѣчиво и складно говорить; математикѣ, чтобы умѣть считать (арифметика) и мѣрить землю (геометрія); логикѣ—думая усовершенствовать свое мышленіе; исторіи, чтобы руководиться хорошими примѣрами и избѣгать ошибокъ, въ которыя впадали люди раньше; въ средніе

вѣка учились алхиміи, въ надеждѣ открыть секретъ искусственнаго приотвѣренія золота или жизненнаго элексира; астрологін, чтобы по звѣздамъ и планетамъ угадывать будущее челоуѣка. Не было ни химіи, ни физиологін, а между тѣмъ медицина существовала чуть не испоконъ вѣковъ, какъ сборникъ практическихъ свѣдѣній и совѣтовъ лечить людей. Хироманты, разнаго рода знахари и гадатели, которыми такъ изобиловали особенно средніе вѣка, мало чѣмъ отличались отъ ученыхъ у народовъ древности.

Философія, будучи объективною областью знаній, не была чужда однако цѣлей служенія потребностямъ жизни. Не говоря уже о софистахъ, желавшихъ обратить «любомудріе» прямо въ выгодное искусство—умѣть черное дѣлать бѣлымъ и бѣлое чернымъ, смотря по желанію,—многіе другіе философы, какъ напр. стоики, циники, эпикурейцы, занимались рѣшеніемъ вопроса, какъ челоуѣкъ можетъ устроить свою жизнь счастливѣе. Философія въ этомъ случаѣ отличалась отъ наукъ нравственнымъ характеромъ своей тенденціи и широтою предвзятой задачи.

Предшественницей философіи и матерью ея была религія; науки же порождены промысломъ, торговлею, ремесломъ и вообще обыденною жизнію съ ея нуждами и низменными интересами *).

Въ настоящее время дѣленіе челоуѣческихъ знаній на философскія и научныя, какъ мы сказали, является анахронизмомъ: теперь существуютъ только однѣ науки.

*) Что касается изящныхъ искусствъ, то это есть не болѣе, какъ воспроизведеніе самой жизни. Это не есть какая-либо отдѣльная область знаній, а вся жизнь съ ея явленіями—психическими, физическими и умственными,—жизнь, которая на ряду съ дѣйствительною служитъ объектомъ анализа наукъ и философіи.

Возникновеніе и развитіе наукъ въ новое время идетъ приблизительно такимъ порядкомъ:

Кто-нибудь подмѣтилъ, что существуетъ рядъ явленій въ природѣ или въ жизни человѣка, связанныхъ родствомъ происхожденія или единствомъ предмета; замѣтилъ, что эти явленія хотя и затрогиваются въ разныхъ наукахъ, но лишь отрывочно, между тѣмъ какъ они по своей сложности и многочисленности требуютъ особаго разсмотрѣнія и систематизаціи; что наконецъ — явленія эти, благодаря отсутствію особой организаціи, въ общемъ остаются темными и загадочными. Это наблюденіе есть первый шагъ для возникновенія новой науки: для нея найдено особое содержаніе. Второй шагъ — теоретическая организація науки: явленія распредѣляются по группамъ, описываются, рассматриваются со стороны причинъ и слѣдствій. Этотъ періодъ самый важный и продолжительный. Ученые работаютъ сообща въ теченіе десятковъ и сотенъ лѣтъ, смотря по сложности изслѣдуемой области явленій; одному же человѣку, какъ бы онъ ни былъ геніаленъ, во всякомъ случаѣ, въ теченіе его жизни, не по силамъ довести до конца и систематизацію явленій, и раскрытіе ихъ причинъ и слѣдствій. Работа идетъ путемъ строго объективнымъ: т. е. явленія и предметы интересуютъ изслѣдователя сами по себѣ безъ всякаго отношенія къ вопросу, выйдетъ или не выйдетъ какой-нибудь толкъ изъ его теоретическихъ занятій для потребностей жизни. Наконецъ, начинается третій періодъ — періодъ прикладныхъ знаній или эксплуатаціи науки жизнию. Когда теоретикъ укажетъ причины, поражающія результаты вредные и полезные, выгодные и невыгодные, тогда сами по себѣ выходятъ на сцену вопросы практическаго свойства: нельзя ли какъ-нибудь устранить причины, производящія явленія вредныя для человѣка, или, по крайней мѣрѣ, парализо-

вать ихъ вредное дѣйствіе? наоборотъ, нельзя ли искусственнымъ путемъ заставить дѣйствовать факторы въ благоприятномъ для людей направленіи?.. Само собой разумѣется, что періодъ прикладныхъ знаній въислѣдствіи не только можетъ итти рядомъ съ періодомъ теоретическимъ, но необходимо долженъ: теоретикъ можетъ раскрыть только часть содержанія своей науки, какъ уже найдется возможность эксплуатировать эту часть для потребностей жизни; потомъ организуется другая часть, третья, и каждый разъ, по мѣрѣ теоретическихъ успѣховъ науки, являются все новыя и новыя открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія, словомъ — постепенно увеличивается эксплуатація науки жизнью *).

Этотъ ходъ возникновенія и развитія наукъ новаго времени совершенно противоположенъ тому, какой былъ въ древнія времена или въ средніе вѣка: мы теперь идемъ отъ теоріи къ практикѣ, тогда какъ прежде шли отъ жизни къ теоріи. Древнему ученому казалось безцѣльнымъ изучать напр. языки только для того, чтобы знать

*) Замѣчательно, что въ то время какъ въ XVIII и XIX вѣкѣ стали появляться новыя науки однѣ за другими, быстро и прочно организуясь, одна изъ древнихъ наукъ продолжаетъ быть въ убогомъ положеніи: это — логика. Доселѣ въ школьныхъ учебникахъ по этой наукѣ грубѣйшимъ образомъ смѣшивается содержаніе, относящееся къ языку, съ содержаніемъ, принадлежащимъ дѣйствительно логикѣ. Отъ этого грѣха несвободна «Система логики» Джона Стюарта Милля, и, кажется, самая солидная попытка поставить эту науку на теоретическую почву и отдѣлить ея содержаніе отъ содержанія другихъ наукъ (грамматики и психологіи) — принадлежитъ Н. Гроту (см. его «Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ». 1882). Верхъ безобразія въ «логикахъ» вообще представляютъ традиціонныя «фигуры» силлогизма (онѣ есть у Милля, Владиславлева, Троицкаго, не говоря уже о логикѣ Струве, больше всѣхъ отличающейся схоластицизмомъ).

законы ихъ развитія. Сравнительное языкознаніе въ глазахъ древняго ученаго явилось бы наукою безсмысленной или, по крайней мѣрѣ, совершенно непонятной. Точно также древній ученый не находилъ особаго смысла въ объективномъ изученіи явленій химіи, физики, фізіологіи: ему хотѣлось прежде всего знать, какая выгода будетъ отъ этого изученія. Только философа явленія природы и жизни могли интересовать сами по себѣ.

Перемѣна характера наукъ новаго времени, новый ходъ ихъ возникновенія и развитія привелъ къ величайшимъ послѣдствіямъ:

а). Прежде всего философія должна была уступить свое мѣсто отдѣльнымъ наукамъ и всѣмъ имъ, взятымъ вмѣстѣ. Современный ученый есть въ то-же время и философъ, потому что онъ прежде всего долженъ объективно, безъ всякихъ предвзятыхъ цѣлей, изучить извѣстную область явленій. Въ наше время всякая истинная наука непременно должна быть объективной (теоретической).

Философія должна была уступить свое мѣсто наукамъ еще потому, что для нея не осталось особаго содержанія: мало-по-малу это содержаніе было разобрано отдѣльными, вновь появившимися, дисциплинами естественными и историческими.

б). Прогрессъ знаній пошелъ гигантскими шагами. Въ древніе и средніе вѣка ни одна наука не могла построиться вполне, такъ какъ ни одна изъ нихъ, благодаря тенденціозности, не охватывала всѣхъ явленій и предметовъ, подлежащихъ ея вѣдѣнію: тогда существовали только начатки наукъ. Съ другой стороны—философія, имѣвшая своимъ предметомъ весь міръ, не могла притти къ положительнымъ результатамъ, потому что умъ человѣческій не столь могучъ, чтобы въ состояніи охватить однимъ взоромъ всю вселенную, понять ея тайны и законы, управляющіе естественными тѣлами

и жизни людей. Древняя философія оставила въ результатѣ относительно вселенной и природы людей однѣ лишь гипотезы, изъ которыхъ большая часть отличается своею наивностію.

Науки новаго времени, позаимствовавъ у древней философіи объективный характеръ и взявъ каждая для себя отдѣльную область явленій, стали оказывать чудеса въ дѣлѣ познанія природы и людей. Умъ человѣческій, оказавшійся слабосильнымъ понять вселенную сразу, явился исполиномъ, когда сталъ изучать міръ по частямъ: тайны природы и жизни людей однѣ за другими стали раскрываться передъ нимъ, «капитулировать». Нынѣ мы имѣемъ массу наукъ, невѣдомыхъ ни среднимъ, ни древнимъ вѣкамъ. Тѣ-же науки, которыя существовали въ древности, стали быстро развиваться *). Если бы какой-нибудь философъ древности, напр. Платонъ, воскресъ и посѣтилъ наши гимназій, гдѣ бы выслушалъ отвѣты учениковъ по географіи или космографіи, то этотъ геній древняго міра сгорѣлъ бы со стыда передъ самимъ собою: вѣдь космографія Платона есть не болѣе, какъ наивныя грезы даровитаго ребенка лѣтъ 12. Мы уже не говоримъ о Пифагорѣ.

в) Но, кажется, всего больше выгоды отъ теоретическаго характера наукъ стала получать жизнь. Оно и понятно. Представимъ себѣ, какъ работалъ ученый древности, напр. средневѣковый алхимикъ. Научныя занятія его состояли почти въ томъ же, въ чемъ и современнаго химика: онъ старался разлагать тѣла на составные элементы. Тѣмъ не менѣе громадная пропасть отдѣляетъ современнаго химика отъ средневѣковаго. Послѣдній, работая съ предвзятою цѣлію, не имѣлъ нужды подвергать изслѣдованію все тѣла: онъ привлекалъ къ этому

*) Исключая логики. См. предъидущее примѣчаніе.

изслѣдованію лишь ничтожное количество ихъ—только тѣ, въ которыхъ почему-либо думалъ напасть на составные элементы золота или тамъ жизненнаго элексира. Далѣе самый процессъ его изслѣдованія былъ односторонній: во время опытовъ ему не было особой надобности обращать вниманіе на тѣ явленія и свойства предмета, которыя видимо не имѣли никакого отношенія ни къ золоту ни къ элексиру.... Такимъ образомъ, предвзятая цѣль съ одной стороны до minimum'-а ограничивала кругъ изслѣдуемыхъ тѣлъ, а съ другой мѣшала разносторонности и полнотѣ наблюденія. И вотъ въ большей или меньшей степени такимъ образомъ велъ свои научныя занятія всякій ученый древности и среднихъ вѣковъ.

Отъ такого рода научныхъ изслѣдованій жизнь не могла извлечь большой пользы: рѣшеніе напередъ поставленной задачи обыкновенно зависѣло отъ ознакомленія какъ-разъ съ тѣми явленіями и предметами, которыхъ ученый древности вовсе не касался (а этихъ явленій было огромное большинство). Это еще въ лучшемъ случаѣ; въ худшемъ—брались задачи совершенно неразрѣшимыя, какъ напр. алхимикомъ или астрологомъ. Тратилось по-пусту множество времени и трудовъ.

Теперь не то. Всѣ открытія нашего времени отличаются своею непредвидѣнностію даже для самого виновника ихъ. Мало того, самыя задачи практическаго свойства опредѣляются успѣхами теоретической разработки наукъ. За то всѣ задачи эти отличаются разумностію и выполнимостію: онѣ соотвѣтствуютъ природѣ явленій и основываются на законахъ, указанныхъ раньше теоретикомъ. Обильная жатва, которую стала брать жизнь съ научныхъ нивъ новаго времени, есть вѣриѣйшее ручательство, что теоретическій путь развитія наукъ есть самый надежный для матеріальнаго и нравственнаго прогресса людей. То, что раньше усиѣлъ

человѣкъ извлечь изъ наукъ въ теченіе тысячелѣтій, нынѣ достигается въ теченіе лишь одного столѣтія *).

Но и наука, собственно говоря, существуетъ одна, а не множество: предметъ ея—все-ленная, т.е. земной шаръ, вся солнечная система, планеты и звѣзды и все то, что есть на нихъ и что совершается. Если мы дѣлимъ науки по предметамъ, то это дѣленіе искусственное, хотя и необходимое для успѣха человѣческихъ знаній. Самые разнообразные предметы и явленія, насильственно разъединяемые въ наукахъ, на самомъ дѣлѣ существуютъ совмѣстно, въ одномъ цѣломъ. Впрочемъ не надо забывать, что отдѣльныя

*) Само собой разумѣется, что указанное нами различіе наукъ древнихъ, средневѣковыхъ—съ одной стороны, и наукъ новѣйшей эпохи, XIX вѣка преимущественно,—съ другой,—имѣетъ въ виду преобладающій характеръ ихъ, общія черты. Но въ частности найдутся явленія, не подходящія подъ сдѣланную нами характеристику. Такъ напр. математика, и особенно астрономія, успѣла стать твердо давно уже на теоретическую почву (Галилей, Коперникъ). Далѣе, философъ Аристотель, собственно говоря, не былъ философомъ въ духъ древнихъ вѣковъ, какъ напр. Сократъ, Пифагоръ, Платонъ и др. Аристотель—это цѣлый университетъ древнихъ вѣковъ, заложившій фундаментъ для нѣсколькихъ отдѣльныхъ теоретическихъ дисциплинъ (логики, физики, психологіи, • политики); но этой попыткѣ Аристотеля пришлось получить широкое развитіе, настоящее значеніе и силу лишь только въ XIX вѣкѣ. Аристотель, какъ отецъ теоретическихъ дисциплинъ древности, былъ подготовленъ предшествовавшей ему философіей: и расцвѣтъ наукъ XIX вѣка былъ подготовленъ европейскими философами вѣка XVIII. Намъ важно здѣсь то, что Аристотеля до сихъ поръ считаютъ философомъ, а не ученымъ: это только благодаря его объективности или любви къ мудрости безъ всякой иной тенденціи.

науки существуют врознь, чтобы потомъ соединиться вмѣстѣ и составить одну науку, которой заглавіе будетъ: «Космосъ» или «Вселенная» *).

Философія и нынѣ еще можетъ сослужить службу въ качествѣ объединительницы конечныхъ выводовъ, добываемыхъ отдѣльными группами наукъ. Но очевидно, ея роль тутъ строго подчиненная: ея выводы будутъ всецѣло покоиться на положеніяхъ научныхъ **).

Прогрессъ наукъ безконеченъ, какъ безконечна Вселенная и Богъ. Богъ далъ человѣку искру Своего Существа—умъ. Искра эта можетъ разгорѣться въ необъятный пламень, въ море огня. Никто не знаетъ и не въ состояніи предвидѣть, какихъ чудесъ ни натворитъ это пламя.

Мы готовы предрѣшить вопросъ о несообщаемости міровъ, составляющихъ Вселенную или, по крайней мѣрѣ, солнечную систему. Но это свидѣтельствуешь пока лишь о нашей импотентности, а никакъ не о силѣ и нашей вѣрѣ въ безконечную мощь ума человѣческаго.

Науки лишь въ XIX вѣкѣ обрѣли твердую почву и за это короткое время сдѣлали гигантскіе успѣхи. Кто поручится, что въ XXI вѣкѣ, т. е. чрезъ два столѣтія, современный ученый, если бы воскресъ, не покраснѣетъ отъ стыда передъ посредственнымъ умомъ,

*) А подраздѣленія: «Солнце», «Земля», «Марсъ», и т. д., звѣздныя системы... со всею сложною и цѣльною ихъ жизнію. Срав. «Космосъ» А. Гумбольта, который именно имѣлъ въ виду дать compendium всѣхъ наукъ въ цѣльной системѣ.

**) Т. е. не философія, а науки отнынѣ завѣдуютъ прогрессомъ. Если философъ и додумается до чего-нибудь новаго, на основаніи общихъ выводовъ отдѣльныхъ наукъ, то это тотчасъ-же сдѣлается достояніемъ той или другой науки. А если что философъ «откроетъ» такого, что не будетъ одобрено и подтверждено ни одной наукой, то это открытіе едва-ли будетъ пользоваться довѣріемъ у кого-либо.

какъ Платонъ передъ современнымъ гимназистомъ VIII класса? Мы со всѣмъ своимъ прогрессомъ, быть можетъ, стоимъ только на первыхъ ступеняхъ лѣстницы, по которой поведетъ насъ умъ и которая не имѣетъ конца. Не есть ли современный пессимизмъ прямой результатъ недостаточности нашихъ знаній и недовѣрія человѣка къ самому себѣ, какъ къ созданію, способному къ безконечному прогрессу?

Средневѣковый алхимикъ искалъ жизненнаго элексира и, конечно, не нашелъ. Но мы съ гораздо большею увѣренностію можемъ положиться на будущіе успѣхи біологін, которая можетъ усовершенствовать даже самую природу человѣка *).

Умственный, нравственный и матеріальный прогрессъ людей требуетъ покровительства теоретическому развитію наукъ, потому что отъ теоретическихъ успѣховъ въ прямой зависимости стоятъ успѣхи характера прикладного.

Мало того: прогрессъ наукъ и жизни требуетъ не дѣлать различія пока между науками по пользѣ, какую каждая изъ нихъ приноситъ жизни. Съ одной стороны, нельзя ручаться, что тѣ науки, которыя нынѣ облагодѣтельствовали человѣка, и всегда будутъ отличаться плодovitостію своихъ результатовъ; но еще менѣе можно ручаться за то, что тѣ науки, которыя теперь отличаются своимъ отвлеченнымъ характеромъ, на вѣки—

*) Надо надѣяться, что съ тѣхъ поръ, какъ науки обрѣли настоящую почву для своего развитія, прогрессъ человѣчества нашелъ тотъ твердый путь, конецъ котораго не въ состояніи предвидѣть пока ни одинъ мудрецъ современнаго міра. Само собою разумѣется при этомъ, что каждая нація будетъ осуществлять по-своему идеи общечеловѣческаго прогресса, давая имъ плоть и кровь.

вѣковѣчныя останутся бесполезными для потребностей жизни. Теперь есть очень много наукъ, которыя только потому не приносятъ пользы, что переживаютъ теоретическій періодъ своей жизни. И чѣмъ сложнѣе, чѣмъ обширнѣе область науки, тѣмъ продолжительнѣе ея періодъ теоретическій. Но какъ и всегда, человѣчество можетъ напасть на богатѣйшій рудникъ именно въ той области знаній, гдѣ менѣе всего можно было ожидать пользы *).

Непопулярность сравнительнаго языкознанія. — При-
чина. — Пробѣлъ въ языкознаніи.

Люди, въ совокупности взятые, никогда не отличались ни дальнозорностію, ни широтою взгляда, ни тѣмъ паче — справедливостію, добродѣтелью боговъ. За то корысть, стремленіе къ выгодѣ были всегда ихъ добродѣтелью, которая въ общемъ и руководить всѣми дѣйствіями. Такъ было испоконъ вѣковъ и такъ будетъ несомнѣнно всегда.

Это свойство, глубоко коренящееся въ природѣ людей, производитъ между прочимъ то, что между науками, какъ и между людьми, нынѣ происходитъ нѣкоторымъ образомъ борьба за существованіе. Тѣ науки, которыя больше всего отвѣчаютъ житейскимъ нуждамъ,

*) Мы здѣсь говоримъ не о покровительствѣ наукамъ извѣстнаго рода въ школѣ средней, которая никогда не будетъ и не должна быть свободна отъ практическихъ цѣлей, отъ сообщенія ученикамъ міросозерцанія, выгоднаго для государства. Мы имѣемъ въ виду разсадникъ знаній высшихъ — университетъ, гдѣ необходимо, ради той-же самой цѣли — выгоды отечества, чисто теоретическое расположеніе курса изучаемыхъ наукъ, потому что неизвѣстно, съ какой стороны возсіяетъ большій свѣтъ для народа и какая наука окажется болѣе сильною подвинуть прогрессъ государства.

больше всего и покровительствуются обществомъ и государствомъ; наоборотъ — науки, особенно не заявившія себя со стороны приложимости къ потребностямъ жизни, плетутся такъ-себѣ, какъ знаютъ, одиноко, безъ поддержки и сочувствія со стороны общества и государствъ.

Но какъ только извѣстная наука, переживавшая теоретическій періодъ жизни, успѣла на-столько соорганизоваться, что стала въ свою очередь приносить прямую пользу жизни, отношеніе къ ней сразу мѣняется: она тоже попадаетъ въ число покровительствуемыхъ и популярныхъ.

Правда, это глубоко противорѣчитъ справедливости, потому что лишаетъ при жизни главныхъ подвижниковъ науки всякой награды, матеріальной и нравственной: но надо помнить, что справедливость не есть добродѣтель людей *).

Изъ всѣхъ наукъ, которыя мы знаемъ, трудно указать на другую, которая была бы менѣе популярна, чѣмъ та, которая основана Францомъ Боппомъ, т. е. сравнительное языкознаніе. Назовите въ образованномъ обществѣ (конечно не специалистовъ) имена столповъ этой науки, и вы вызовете на лицѣ своихъ собесѣдниковъ одно лишь недоумѣніе. Съ другой стороны, и государство наше, слѣдуя мнѣнію общества, не даетъ хода сравнительному языкознанію даже въ университетахъ: по словамъ проф. В. И. Ламанскаго, главнѣйшіе отдѣлы сравнительнаго языкознанія въ нашихъ университетахъ поставлены такъ, что рѣшительно нѣтъ никакой воз-

*) Но въ виду того, что теоретическія науки являются причиною успѣха знаній прикладныхъ, есть надежда, что во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ ихъ постановка въ университетахъ будетъ отличаться полною объективностью, а сами труженники этихъ наукъ будутъ поставлены въ лучшія условія. Этого требуетъ выгода государствъ и народовъ.

возможности подготовить къ нимъ специалиста *). Наконецъ, въ Россіи во-все нѣтъ журналовъ, посвященныхъ исключительно лингвистикѣ; работы по языкознанію помѣщаются въ двухъ «филологическихъ» журналахъ имѣющихъ широкую программу и, не смотря на это, видимо тянущихъ довольно трудное существованіе, благодаря только неутомимой энергіи издателей.

Между тѣмъ успѣхи сравнительнаго языкознанія можно назвать по истинѣ блестящими; литература этой науки, не смотря на всю молодость ея, такъ разрослась, что по обширности своей сравнивается съ литературою наукъ наиболѣе древнихъ.

Причина такой непопулярности языкознанія, особенно у насъ въ Россіи,—весьма понятна: эта наука переживаетъ теоретическій періодъ своей организаціи; всѣ ея блистательные успѣхи суть пока успѣхи «умозрительные».

Въ самомъ дѣлѣ, какую пользу для потребностей житейскихъ успѣла принести наука Боппа?—Главный и наиболѣе ощутительный результатъ ея въ этомъ отношеніи есть усовершенствованіе грамматикъ и словарей по новымъ языкамъ; теоретически изучать эти языки стало легче. Но вѣдь кому неизвѣстно, что новые языки усваивались прекрасно и тогда, когда о сравнительномъ языкознаніи и рѣчи не было? Правда, нѣкоторую важность та-же наука проявила въ вопросѣ, составляющемъ злобу современной эпохи,—въ вопросѣ національномъ. Но тутъ надо прямо сознаться, что сравнительное языкознаніе является далеко не равносильной соперницей исторіи: взоры лингвистовъ обращены исключительно

*) Къ великой радости мы узнали, что въ то время, когда происходилъ наборъ этихъ строкъ, уже совершилось преобразование нашихъ филологическихъ факультетовъ. Сравнительное языкознаніе и германо-романскіе языки не обойдены вниманіемъ.

только на прошедшее и на вопросы по большей части мелочные, неважные; а если и затрогиваются вопросы болѣе важныя, то отвѣты слѣдуютъ нетвердые, слишкомъ гипотетичныя.

Напрасно наши спеціалисты по языкознанію проливаютъ слезы, взывая къ обществу и государству съ просьбами о поддержкѣ этой науки въ университетѣ и гимназіяхъ: никакія просьбы, убѣжденія и мольбы тутъ не помогутъ. Пока наука о языкахъ не заявитъ болѣе важнаго своего значенія для жизни общественной и государственной, пока она посильнѣе и посмѣлѣе не вмѣшается въ вопросы жизни, пока наконецъ общество не сознаетъ, что невѣдѣніе этой науки убыточно, что это невѣдѣніе можетъ нанести большой вредъ осуществленію народныхъ и государственныхъ стремленій, — до тѣхъ поръ, говоримъ мы, «фонды» сравнительнаго языкознанія «не поднимутся».

Область сравнительнаго языкознанія необозрима въ глубинѣ вѣковъ и по широтѣ пространства. Если изслѣдованіе языковъ пойдетъ тѣмъ путемъ, по какому оно идетъ теперь, то Богъ вѣсть, когда закончится теоретическій періодъ организаціи этой науки. Но намъ кажется, что уже пришла пора сблизить науку о языкахъ съ жизнью, обративъ вниманіе на то, что стоитъ въ самой тѣсной связи съ злобою эпохи, переживаемой теперь всею Европою. Это подниметъ сразу науку о языкахъ въ глазахъ общества и государства; а тогда быстрѣе пойдетъ и дальнѣйшая организація науки Боппа въ томъ направленіи, какое она неуклонно преслѣдуетъ съ самаго начала. —

Занимаясь теоретическимъ изслѣдованіемъ словянскаго глагола, мы совершенно случайно попали на рядъ

вопросовъ, которые, сколько намъ извѣстно, еще не вызвали спеціальнаго обсужденія со стороны языковѣдовъ.

Вникая въ сущность этихъ вопросовъ, мы увидѣли, что они хотя и относятся всѣ къ языку, но составляютъ столько же предметъ языковѣда, сколько и историка, потому что рѣшеніе ихъ зависитъ не столько отъ знанія природы языковъ, сколько отъ изученія условій исторической жизни народовъ. Что-же касается результатовъ, которые имѣютъ получиться въ случаѣ удачнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, то несомнѣнно для историка—они первостепенной важности.

Вопросы эти касаются общихъ условій или законовъ, управляющихъ жизнью языковъ.

По свойству своему они составляютъ особый, весьма сложный отдѣлъ, который дастъ содержаніе для цѣлой науки, имѣющей занять среднее мѣсто между сравнительнымъ языковѣдѣніемъ и всеобщей исторіей. Науку эту мы назвали прикладнымъ языкознаніемъ или наукой о націонализмѣ.

Прикладное языкознаніе, уничтожая существенный пробѣлъ въ лингвистикѣ и всеобщей исторіи, послѣ того какъ построится, получитъ огромную важность житейскую, потому что будетъ отличаться своею приложимостію къ жизни государствъ и народовъ. Оно должно дать отвѣты на самые животрепещущіе вопросы, между прочимъ, и современной жизни.—

Сознавая эту важность прикладного языкознанія и помня, что «ars longa, vita brevis», мы рѣшили оторваться отъ своихъ теоретическихъ работъ по славянскому глаголу, чтобы нисколько не медля изложить въ проектѣ очеркъ содержанія новой науки, выяснить отношеніе ея къ другимъ наукамъ и указать хотя приблизительно будущую ея роль въ общечеловѣческомъ прогрессѣ.

ПРО ЭКЪТЪ.

Предметъ прикладнаго языковѣдѣнія, какъ науки о націонализмѣ.

Въ сравнительномъ языковѣдѣніи или лингвистикѣ доселѣ остаются открытыми вопросы: какія условія измѣняютъ живой языкъ? отчего онъ дробится на говоры и нарѣчія? отчего нѣкоторые языки мѣняются быстро, другіе, наоборотъ, обладаютъ замѣчательной устойчивостію? когда наступаетъ смерть языка? какія условія способствуютъ объединенію языка? какія препятствуютъ? нельзя ли искусственно продлить жизнь языка? какое вліяніе можетъ оказать литературный языкъ на живой? какія условія борьбы между языками? и т. п.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ должно повести къ открытію законовъ, управляющихъ жизнію языковъ.

Но языкъ есть понятіе во многомъ тождественное съ понятіемъ «народъ». Не даромъ древніе словяне отождествили эти два понятія въ одномъ словѣ^{*)}). И дѣйствительно, немислимо представить себѣ одинъ и тотъ-же народъ, который бы говорилъ разными языками — до того разными, что одинъ «языкъ» нисколько не понималъ бы другого, а другой — третьяго и т. д.

Можно исповѣдовать различную вѣру, можно жить въ разныхъ государствахъ и управляться различными законами: но пока народъ говоритъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ, то онъ единъ. Нѣмецъ въ Германіи и Америкѣ, въ Австріи и Африкѣ, въ Турціи и Россіи, будь онъ католикъ или протестантъ, вездѣ есть нѣмецъ, вездѣ чувствуетъ и

^{*)} По-старословянски слово „ЯЗЫКЪ“ употреблялось одинаково для обозначенія понятія «народъ» и понятія «языкъ».

сознаетъ себя членомъ единой націи, если нѣмцы во всѣхъ упомянутыхъ странахъ говорятъ языкомъ понятнымъ другъ для друга. Они перестанутъ быть нѣмцами только тогда, когда разучатся говорить по-нѣмцки.

Можно имѣть черепъ испанца, одѣваться по-нѣмецки или по-турецки, какъ придетъ вамъ въ фантазію; можно пристраститься къ обычаямъ и привычкамъ чужеземнымъ: но если вы знаете только русскій языкъ и, какъ говорится, — «ни бельмеса не понимаете» ни по-испански, ни по-французски, то вы — русскій человекъ и никто васъ не признаетъ за испанца, француза, турка или тамъ нѣмца.

Наоборотъ, можно носить русскій костюмъ, раздѣлять убѣжденія русскихъ людей, даже исповѣдовать православную вѣру: но если вы говорите только по-нѣмецки и ничего не понимаете русскаго языка, то какой же вы русскій человекъ? Нѣмцы Австріи, чехи, поляки, венгры, словаки и хорутане, хорваты исповѣдуютъ католицизмъ, живутъ въ одномъ государствѣ: но развѣ этотъ конгломератъ языковъ составляетъ единую націю, одинъ народъ?

Итакъ ясно для всякаго, что языкъ есть основная стихія націонализма. Всѣ другія са-мобытныя черты народной жизни имѣютъ значеніе относительное, — по-скольку эти черты вліяютъ на жизнь языка: по-скольку онѣ содѣйствуютъ или препятствуютъ количественному и качественному росту языка, единству, устойчивости его и т. д. Въ вопросѣ національномъ государственное устройство, религія, законы страны, политическія событія, обычаи и нравы — имѣютъ значеніе на-столько, на-сколько все это вліяло или вліяетъ на жизнь языка.

Языкъ имѣетъ и другое значеніе: составляя, какъ мы уже видѣли, главную стихію націонализма, онъ въ

то-же время является фокусомъ, въ которомъ отражается вся исторія народа въ ея главнѣйшихъ фазахъ.

Распадается языкъ на нарѣчія и говоры, это значитъ, самая жизнь по мѣстамъ успѣла обособиться со стороны стремлений, обычаевъ, воззрѣній, интересовъ, политическихъ условій и т. д.

Калѣбится языкъ, — какъ живой такъ и литературный, — на иностранный ладъ въ словарѣ, синтаксисѣ, въ морфологіи и фонетикѣ, — это результатъ чужеземнаго гнѣта, результатъ измѣны національному теченію самой жизни, — слѣдствіе, такъ сказать, искалѣченія національных воззрѣній, обычаевъ, убѣждений и проч. И ничто не въ состояніи дать столь безошибочнаго понятія о степени чужеземнаго вліянія на народъ въ разные періоды его жизни, какъ языкъ.

Обогащается черезчуръ быстро языкъ въ словарѣ, совершенствуется его синтаксическій строй, измѣняются сильно его грамматическія формы, сжимается звуковой составъ его словъ, — это обозначаетъ сильную работу мысли, напряженіе духовной энергіи; это есть результатъ черезчуръ прогрессивнаго движенія народа, что тоже вредитъ національной исторіи. Наоборотъ, если словарь пообѣднѣлъ, изящество рѣчи потерялось, звуковой составъ словъ растягивается, отличаясь обиліемъ гласныхъ, — это есть прямой результатъ вялости мысли, ослабленія энергіи, упадка умственной дѣятельности. Все, что дѣлается не въ мѣру въ поступательномъ движеніи народа, — столь же вредно, какъ и регрессъ.

Если исчезаютъ нарѣчія, водворяется единство рѣчи на мѣсто прежняго разнообразія ея, это прямой результатъ подъема національнаго самосознанія, подъема національнаго духа, объединенія интересовъ и стремлений народныхъ массъ, прежде жившихъ въ-разбродъ, какъ попало. Это признакъ самаго нормальнаго прогресса.

Словомъ, все достопримѣчательное въ судьбѣ народа такъ или иначе отпечатлѣвается на языкѣ, и написать исторію языка — это значитъ дать *compendium* исторіи народа. Языковѣдъ, взявшійся написать исторію языка извѣстнаго народа и не обратившій вниманія на причины, которыя сообщили этому языку извѣстныя свойства, остановился бы на полѣ-дорогѣ и не рѣшилъ бы самой главной своей задачи: исторія языка, взятая сама по себѣ, безъ связи съ тѣми историческими условіями, которыя создали самый языкъ, была бы похожа на грамоту, писанную гіероглифами и понятную развѣ лишь одному — другому десятку жрецовъ спеціалистовъ.

Тѣмъ не менѣе исторія языка далеко не есть исторія народа. Историкъ народа исходною точкой беретъ для себя народныя стремленія и государственныя; историкъ языка исходитъ отъ языка и слѣдитъ за судьбою націонализма, душу котораго составляетъ языкъ. Далѣе, историкъ народа и государства развертываетъ на страницахъ своего труда обстоятельную картину событій, вызванныхъ стремленіями народа или случайностями исторической обстановки, наблюдаетъ за перемѣнами идеаловъ, за преемственностію государственныхъ и народныхъ задачъ; историкъ языка отмѣчаетъ только результаты исторіи народной, поскольку они отразились на языкѣ. Словомъ, исторія языка кромѣ того, что она есть *compendium* исторіи народа, отличается еще эпизодичностію и извѣстнымъ, спеціальнымъ угломъ зрѣнія, подъ которымъ разсматриваются явленія народной и государственной жизни. Этотъ уголъ зрѣнія есть судьба націонализма.

Итакъ, если языкъ есть основная стихія національной жизни, если онъ въ то-же время есть самый безошибочный контролеръ народной исторіи, отъ котораго

не ускользаетъ ничего изъ того, что такъ или иначе подѣйствовало на самобытную жизнь народа, то наука, ставящая своею задачей выяснить законы, управляющіе жизнію языковъ, есть очевидно въ то-же время и «наука о законахъ жизни націй.»

Примѣч. 1. Подъ словомъ «нація» мы разумѣмъ «народъ», по-скольку онъ отличается отъ другихъ народовъ или по-скольку въ немъ есть самобытныхъ чертъ. Очевидно, «наука объ общихъ законахъ, управляющихъ жизнію народовъ», была бы совсѣмъ иною и во всякомъ случаѣ очень родственною «наукѣ объ общихъ законахъ жизни человѣчества».

Примѣч. 2. Настоящій нашъ трудъ былъ совсѣмъ уже готовъ, и когда лишь получена была первая корректура, мы успѣли познаться съ содержаніемъ книги Н. Я. Данилевскаго: «Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германско-Романскому». Спб. 1889⁴. Эта книга для насъ вдвойнѣ интересна. Прежде всего Данилевскій очевидно имѣлъ ту-же цѣль, что и мы, — разъяснить основанія науки о націонализмѣ теоретически и на примѣрѣ, въ приложеніи къ Россіи и западной Европѣ. Это—знаменіе эпохи, переживаемой теперь Европой и особенно Россіей, результатъ желанія удовлетворить насущной потребности времени. Но еще болѣе для насъ замѣчательенъ трудъ Данилевскаго тѣмъ, что авторъ его совершенно обходитъ молчаніемъ языкъ! О достоинствахъ и недостаткахъ труда Данилевскаго мы еще не составили отчетливаго представленія. Но нѣтъ сомнѣнія, намъ

придется не разъ расходиться съ авторомъ «Россіи и Европы» — уже по тому одному, что исходныя точки наши, при тожествѣ главной цѣли, — такъ различны *).

Мы назвали новую науку также прикладнымъ языкознаніемъ — потому, что когда будутъ точно выяснены и опредѣлены законы, управляющіе жизнью языковъ и націй, то люди получатъ возможность примѣнять эти законы къ жизни государствъ и народовъ, эксплуатировать ихъ.

Такъ какъ вопросы, составляющіе предметъ прикладного языкознанія, — общаго характера, то къ этой наукѣ, повидимому, не менѣе шло бы названіе «общаго языковѣдѣнія». Мы однако дали предпочтеніе термину «прикладное языкознаніе», и во-первыхъ на томъ основаніи, что эпитетъ «общее» ничѣмъ не намекаетъ на практическій характеръ этой науки: между тѣмъ эту черту тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣнить, что многія важныя условія жизни языковъ находятся во власти людей, а къ другимъ они могутъ сами примѣняться; во-вторыхъ, у нѣмцевъ уже существуетъ тер-

*) Изъ рецензій Бестужева-Рюмина, приложенной къ 4-му изданію книги Данилевскаго, видно, что этотъ трудъ произвелъ большую сенсацію за-границей и особенно въ Австріи, гдѣ Данилевскаго называютъ даже «апостоломъ» словянства. Самъ критикъ относится къ упомянутому труду тоже съ величайшей похвалою, съ нѣкоторымъ даже удивленіемъ къ необыкновенному таланту и эрудиціи автора. Все это налагаетъ на насъ обязанность съ особенною внимательностью отнестись къ упомянутому труду. Для насъ самихъ въ высшей степени интересно, къ какому заключенію мы придемъ какъ относительно основнаго взгляда Данилевскаго на народность, такъ и относительно другихъ специальныхъ пунктовъ по вопросу о націонализмѣ русскомъ, словянскомъ и народовъ германо-романскаго міра.

минъ «Allgemeine Sprachwissenschaft», съ которымъ связывается понятіе обратно противоположное нашему «прикладному языкознанію».

К о н с п е к т ъ.

Введеніе. Предметъ прикладного языкознанія и отношеніе къ другимъ наукамъ.

Часть теоретическая. Языкъ, какъ своеобразное явленіе въ природѣ. Ошибочность воззрѣнія на языкъ, какъ на организмъ чисто физическій. Внѣшняя (физическая) и внутренняя (психическая) сторона языка. Сравненіе жизни языка съ жизнію растительной породы, какъ наиболѣе удачное.

Дѣленіе языковъ земного шара на корневые, составные (агглютинирующие) и плотные (флексивные).

Естественные факторы, измѣняющіе языкъ:

1. фізіологическіе (истощеніе націи);
2. психическіе (неодинаковое напряженіе духовныхъ силъ въ разныя эпохи народной жизни);
3. орографическіе;
4. климатическіе;
5. общественнаго быта (политическіе);
6. международные (скрещиваніе языковъ).

Естественныя условія, способствующія росту языка и устойчивости его. Языки болѣе долговѣчные и менѣе.

Культурныя средства борьбы между языками:

1. колонизація;
2. пути сообщенія;
3. школы, суды, административныя и общественныя учрежденія, воинская повинность;

4. привилегіи;

5. литература изящная, научная, практическая;

6. притягательная сила культуры.

Характеръ борьбы между языками нынѣ и въ древнее время. Культурныя условія, облегчающія успѣхъ борьбы до maximum'a.

Понятіе о литературномъ языкѣ. Условія, создающія литературный языкъ международнаго значенія. Огромная роль литературнаго языка въ качествѣ государственнаго нынѣ и ничтожное до XIX вѣка. Смерть литературнаго языка и ея причины. Необходимость реформъ литературнаго языка въ интересахъ его продолжительности. Гипотеза относительно поражающей долговѣчности, могущей выпасть на долю новыхъ языковъ.

Распредѣленіе языковъ и народовъ по земному шару въ будущемъ.

Языкъ, какъ зеркало народной жизни, показатель прогресса и регресса, силы и слабости народа, ровности и неровностей культурнаго развитія. Языкъ, какъ точнѣйшій знаменатель степени самобытности и подражательности народнаго развитія. Языкъ, какъ единственный прочный фундаментъ націонализма. Отношеніе къ языку прочихъ сторонъ самобытной стихіи народной жизни. Исторія языка извѣстнаго народа равносильна исторіи націонализма (націи).

Взаимное отношеніе между націонализмомъ и государственностію. Национализмъ есть единственный прочный фундаментъ государственнаго бытія.

Часть историческая. Теорія происхожденія и взаимнаго отношенія языковъ корневыхъ, составныхъ и плотныхъ въ связи съ расселеніемъ рода человѣческаго по лицу земли. Древность рода человѣч. по даннымъ языковъ.

Какіе факторы принимали участіе въ процессѣ раздѣленія индоевропейскаго языка?—Каковы наши свѣдѣнія объ исторіи языковъ азіатскихъ, происшедшихъ отъ арійскаго?—Первоначальная исторія языковъ европейскихъ.

Исторія языковъ греческаго, латинскаго, романскихъ, нѣмецкихъ, словянскихъ, литовскаго — въ связи съ условіями, усиливавшими или ослаблявшими ихъ ростъ.

Судьба европейскихъ государствъ до нашей эпохи въ связи съ исторіей европейскихъ языковъ. *).

Часть статическая. Статика современнаго состоянія главнѣйшихъ европейскихъ языковъ: количество людей, говорящихъ тѣмъ или другимъ европейскимъ языкомъ; ихъ мѣсто жительства и политическое положеніе; вліяніе естественныхъ факторовъ и культурныхъ на каждый изъ языковъ въ отдѣльности; число діалектовъ, степень ихъ развѣтвленія, взаимное отношеніе по количеству лицъ и плотности населенія; фізіологическое состояніе европейскихъ народовъ.

Часть предсказательная (прогностическая). Будущее европейскихъ государствъ на основаніи исторіи и статистики ихъ государственныхъ языковъ.

Примѣч. 1. Понятно, что съ теченіемъ времени въ вѣдѣніе прикладнаго языкознанія

*) Рѣшеніе даннаго вопроса значительно преобразуетъ науку исторіи европейскихъ государствъ, которая или вовсе не принимала во вниманіе исторіи языка въ качествѣ фактора государственныхъ судебъ или не придавала этому фактору надлежащаго значенія.

будетъ привлечена въ большей или меньшей степени исторія и особенно статика всѣхъ языковъ земного шара. Но теперь эту задачу едва-ли можно выполнить, да и нѣтъ въ томъ настоящей нужды.

Примѣч. 2. Само собою разумѣется также, что прикладное языкознаніе вмѣшается самымъ могущественнымъ образомъ въ рѣшеніе «Словянскаго вопроса». Блистательная исторія языка русскаго и еще болѣе блистательное его теперешнее состояніе (статика) способны внушить вѣру въ болѣе или менѣе благоприятное рѣшеніе словянскихъ стремлений—каждой, даже самой слабодушной словянской народности. То-же самое прикладное языкознаніе должно опредѣлить и ближайшія задачи, за рѣшеніе которыхъ словянскіе народы должны взяться немедленно при современномъ политическомъ положеніи дѣлъ *).

Отношеніе прикладного языкознанія къ другимъ наукамъ.

Изъ проектированнаго нами очерка содержанія новой науки видно, что она затрогиваетъ вопросы, подлежащіе вѣдѣнію сравнительнаго языкознанія, исторіи и географіи, а потомъ отчасти—психологіи, фізіологіи и логики.

Сравнительное языкознаніе, какъ наука историческая, но стремящаяся выяснить исторію языковъ на основаніи данныхъ, доставляемыхъ самими языками, ихъ литературою и разными памятниками, найдетъ въ прикладномъ языкознаніи сильную поддержку, когда этому послѣднему удастся выяснить общіе законы, управ-

*) См. нашу статью: «Мысли о словянскомъ прогрессѣ».

ляющіе жизнь языковъ, и опредѣлить ихъ съ большею или меньшею точностію. Эти общіе законы нельзя опредѣлить на основаніи только данныхъ, доставляемыхъ памятниками языковъ.

Но очевидно, новая наука самымъ плотнымъ образомъ, почти всѣмъ своимъ содержаніемъ, примкнетъ къ исторіи, какъ наукѣ политической, имѣющей своимъ предметомъ судьбу государствъ и народовъ. Въ настоящее время даже трудно предугадать, какое огромное вліяніе прикладное языкознаніе можетъ оказать на всеобщую исторію, которая до послѣдняго времени (Моммзенъ) не обращала почти ни малѣйшаго вниманія на судьбу языковъ. Скажемъ кратко, что нѣтъ такого фазиса въ жизни того или другого народа, гдѣ бы можно было исторію игнорировать состояніе языка, если онъ хочетъ сдѣлать для себя понятными явленія, характеризующія событія этого фазиса.

Взглянемъ на современную эпоху: всѣ важнѣйшія событія ея имѣютъ центромъ, исходной точкой—языкъ. Война франко-прусская; борьба ирландцевъ съ англичанами; восточная война русскихъ съ турками изъ-за болгаръ; объединеніе Италіи, Германіи; изгнаніе поляковъ изъ Пруссіи; современная ожесточенная борьба въ Австріи и проч. Словомъ, языкъ служитъ главнымъ винтомъ современной политической жизни Европы. Какъ же историкъ можетъ ограничиться, при выясненіи характера исторіи современной Европы, только лишь изложеніемъ стремленій культурныхъ, экономическихъ, идей просвѣщенія и проч., когда самыя государственныя задачи, ихъ успѣхъ и неудача, будутъ совершенно неясны безъ знанія статистики современныхъ языковъ Европы?

Впрочемъ о нашемъ вѣкѣ говорить не будемъ. Въ наше время дѣйствительно языкъ получилъ такое значеніе въ глазахъ государственныхъ дѣятелей, какого

раньше онъ никогда не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе, если не такое, то во всякомъ случаѣ великое значеніе языкъ имѣлъ всегда въ судьбѣ государствъ. Монархіи Александра Македонскаго, потомъ Карла Великаго — быстро рушились именно вслѣдствіе языка. Паденіе Западной римской имперіи едва-ли не главнымъ образомъ обязано было сильному діалектическому развѣтвленію латинскаго языка. Наполеонъ I, потерпѣвшій съ своими планами фіаско, собственно «кружилъ свою мысль въ химерахъ» и рано или поздно долженъ былъ убѣдиться въ нелѣпости своихъ плановъ...

Прикладное языкознаніе когда выяснитъ общіе законы, управляющіе жизнью языковъ, то тѣмъ самымъ дастъ въ руки историку могучій рычагъ для того, чтобы распутать множество нынѣ неясныхъ вопросовъ изъ прошлой жизни государствъ, какъ азіатскихъ, такъ и европейскихъ. Стоитъ будетъ лишь взглянуть на этнографическую карту да припомнить общія условія развитія языка, чтобы безъ особаго затрудненія объяснить себѣ удачу или неудачу многихъ стремленій древнихъ и средневѣковыхъ народовъ и государствъ.

Объ отношеніи прикладного языкознанія вообще къ наукамъ, имѣющимъ своимъ предметомъ ту или иную сторону культурной жизни народа, см. ниже статью: «Культура и языкъ».

О выполнимости проекта.

Построить новую дисциплину, понятное дѣло, было бы нельзя безъ помощи тѣхъ результатовъ, къ которымъ уже пришло сравнительное языкознаніе. Оно выяснило типы языковъ; историко-сравнительными трудами по языкамъ индоевропейскимъ познакомило съ характеромъ ихъ природы и жизни; оно выяснило весьма сложный рядъ путей, по которымъ слѣдуетъ развѣтвленіе языковъ и проч. А между тѣмъ, почти вплоть до

появленія сравнительнаго языкознанія, давали вѣру разнымъ нелѣпымъ баснямъ о происхожденіи языковъ—въ родѣ той, которая содержится напр. въ Зендъ-Авестѣ (Ормуздъ сообщилъ небесный языкъ Зорогустрѣ).

Безъ историко-сравнительнаго изученія индоевропейскихъ языковъ прикладное языкознаніе, какъ система, было бы невысказуемо. Однако, чтобы организовать эту науку, мало ознакомиться лишь съ тѣми результатами, до которыхъ добралась наука Боппа. Точка зрѣнія совершенно мѣняется: не языки сами по себѣ, а внѣшнія условія, управляющія судьбою языковъ, лежатъ въ основѣ прикладнаго языкознанія. Эти условія можно найти лишь въ исторіи и географіи. Прикладное языкознаніе безъ знанія исторіи и географіи невысказуемо.

Далѣе, имѣя въ виду, что исторія сохранила мало данныхъ относительно перемѣнъ языковъ въ разные эпохи народной жизни, а между тѣмъ всякая наука требуетъ ясности и возможной точности, то приходится главную надежду возложить на статику языковъ, чтобы констатировать законы, управляющіе ихъ жизнію. Создать теоретическую часть прикладнаго языкознанія поможетъ лишь современная и недавняя жизнь индоевропейскихъ языковъ, древняя же исторія языковъ будетъ играть роль вспомогательную.

Мы не можемъ сказать, въ какомъ состояніи находится теперь статика языковъ, діалектовъ и говоровъ европейскихъ (азиатскихъ, конечно, въ плохомъ); но что и въ этомъ отношеніи языкознаніе сдѣлало не мало, въ томъ сомнѣнія быть не можетъ. Итакъ, значитъ, для осуществленія новой науки придется прежде всего собрать уже добытыя статическія свѣдѣнія, предпринять дополнительные экспедиціи и монографіи и сличить состояніе европейскихъ языковъ съ недавно прожитою исторіей тѣхъ же народовъ.

Во всякомъ случаѣ, новое дѣло вполнѣ осуществи-

мо. Все зависитъ отъ доброй воли и энергіи правительствъ. Но чтобы соорганизовать прикладное языкознаніе приблизительно вѣрно, для того уже и теперь есть достаточно данныхъ. Надо только приняться за дѣло людямъ, которымъ это сподручно.

БЛИЗКАЯ И ОТДАЛЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА.

Своевременность появленія новой науки.

Мы не знаемъ другой науки, въ которой бы такъ нуждалась современная политическая жизнь Европы, какъ прикладное языкознаніе.

Раньше, до XIX вѣка, даже болѣе, до половины текущаго столѣтія, правительства руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе или менѣе односторонними намѣреніями и планами, лишенными долговѣчной стойкости. Этимъ только и можно объяснить поразительно частую перемѣну политической карты Европы и ея колоній. И теперь немногія государства покоятся на прочномъ основаніи. Доля этихъ государствъ поистинѣ завидная, ибо ихъ мало.

Самый разительный примѣръ эфемерности государственныхъ стремленій и плановъ представляетъ Англія. Уже если къ какому государству идетъ всего болѣе названіе «великанъ на глиняныхъ ногахъ», то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, это—къ Англіи *). Ея владѣнія разсѣяны по всѣмъ климатамъ и поясамъ земного шара. Всѣ условія—климатическія, психическія, фізіологическія, политическія, орографическія, международныя—изъ года въ годъ разрушаютъ государственное тѣло этого гиганта. Великій умъ и безпримѣрную энергію выказалъ этотъ народъ, англичане. Но если бы хоть сколько-ни-

*) Мы бы сказали—къ Австріи или Турціи; но эти государства вовсе не похожи на «великановъ».

будь ихъ государственные дѣатели заботились о долговѣчности своего народа и царства, то никогда-бъ энергія и умъ англичанъ не были устремлены въ такую сторону; видно, что они или не знали, что дѣлали, или увлекались корыстью на-столько, что забывали ближайшее будущее своего государственнаго зданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своего народа. Эта самая корысть въ связи съ невѣдѣніемъ, что творять, заставляла и заставляетъ ихъ всеми интересами будущаго жертвовать въ пользу настоящаго. Никто, конечно, не повѣритъ просвѣщеннымъ мореплавателямъ, чтобъ интересы просвѣщенія руководили ими въ ихъ приобрѣтеніяхъ, — потому что никто такъ не умѣетъ держать своихъ подданныхъ въ невѣжествѣ, никто такъ ихъ не растлѣваетъ, какъ англичане. Не чувствуя прочной почвы подъ собою, они лишь стремятся продлить свое господство подолже; все, что содѣйствуетъ этой цѣли, пускается въ ходъ. Въ концѣ-концовъ даровитѣйшій народъ этотъ, тратя силы на интересы дня и не будучи въ состояніи бороться съ неумолимыми условіями, разъединяющими языкъ, подвергнется такой печальной участи, которая рѣдко когда-либо выпадала на долю какого нибудь народа *).

*) У Мишле въ его «Исторіи XIX вѣка» читаемъ: «Мнѣ кажется, что я грежу, когда думаю о невѣроятныхъ вещахъ, совершившихся въ продолженіе одной человеческой жизни. Я родился въ 1798 году. То было время, когда М. Уаттъ, давно уже сдѣлавшій открытіе свое (паровыя машины), примѣнилъ его на дѣлѣ на своемъ заводѣ «Уаттъ и Больтонъ» и производилъ безъ числа своихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ работниковъ, благодаря которымъ Англія вскорѣ приобрѣла силу 400,000,000 людей. Этотъ чудесный англійскій міръ, родившійся со мною, уже клонится къ упадку». (Переводъ Цебриковой. I, стр. 10. Спб. 1883). А вотъ и еще замѣчательныя строки: «Англія всемъ, кто спрашиваетъ о ней, показываетъ цифру богатствъ своихъ все возрастающихъ; но эти богатства не возвращаютъ ей молодости». III, 6, *ibidem*.

Другою жертвой невѣдѣнія и несомнѣнно — еще болѣе близкою, будетъ Австрія. Австрія отъ Англіи отличается тѣмъ, что послѣдняя близоруко тратила силы по своей волѣ, *sua sponte*, тогда какъ первая — невольно и лишь въ силу историческихъ событій впала въ то положеніе, въ которомъ теперь пребываетъ; но обоихъ государствъ положеніе безвыходное. Положеніе Австріи печальнѣе — потому, что она не можетъ оградить словянъ отъ Россіи, Сербіи, Болгаріи. Самосознаніе ея словянскихъ подданныхъ растетъ быстро: это не въ Индіи, не въ Австраліи, не въ Африкѣ. Притомъ сочувствующее государство, активная виновница возрожденія словянъ, — такъ близка, подъ бокомъ Долговѣчіе Австріи состоитъ въ томъ, если она изобрѣтетъ формулу словянской государственности. Но эту формулу изобрѣсть очень и очень трудно. Всѣ событія, которыя совершаются нынѣ въ Австріи, рѣшительно ничего хорошаго не предвѣщаютъ для ея будущности.

На глазахъ многихъ нашихъ современниковъ совершилось безумное предпріятіе Наполеона I. Послѣ революціи силы французскаго народа нужны были для внутренняго обновленія и укрѣпленія. Но «великій» завоеватель разсорилъ ихъ по Германіи, Австріи, Италіи, Россіи. Если бы вмѣсто всѣхъ блестящихъ, но эфемерныхъ приобрѣтеній этотъ великій расточитель силъ своего народа «округлилъ» границы Франціи, то несомнѣнно такое дѣло было бы въ тысячу разъ полезнѣе для будущаго его отчизны. Разгромъ Франціи Германіей и вообще весь теперешній *status quo* обѣихъ соперницъ обязанъ многимъ Александру Великому новыхъ временъ *).

*) Современный милитаризмъ, тяжкое положеніе всѣхъ европейскихъ государствъ, есть прямой результатъ непомирнаго усиленія Пруссіи. Такъ тяжело отзываются на потомкахъ идеальныя, но несвоевременныя увлеченія хотя-бы и великихъ людей!

Прикладное языкознаніе подведетъ итогъ современному политическому устройству Европы и земного шара. Итогъ этотъ многое выяснитъ, многое измѣнитъ въ намѣреніяхъ правительствъ и народовъ, многія предпріятія, таящіяся нынѣ въ зародышѣ или подготовляемыя въ недалекомъ будущемъ, уничтожитъ, какъ вредныя для самихъ предпринимателей. Прикладное языкознаніе однихъ государственныхъ дѣятелей заставитъ содрогнуться за ближайшее будущее отечества, другихъ — благословлять предковъ за ихъ проницательный умъ или просто слѣпую судьбу за ея покровительство.

Мы не знаемъ другого государства во всемъ мірѣ, которое бы съ разсматриваемой точки зрѣнія, столько было обязано покровительству счастья, какъ наше отечество. Дѣйствія нашихъ предковъ, отличавшіяся многими ошибочными шагами съ точки зрѣнія національной политики, судя по результатамъ однако — таковы, что подумаешь, всѣ наши государственные люди испоконъ вѣковъ руководствовались совѣтами прикладного языкознанія, какъ важнѣйшей политической науки. Ниодинъ языкъ въ мірѣ *) не отличался такою стойкостью, какъ языкъ русскій, и ниодинъ языкъ въ мірѣ не имѣетъ такихъ благопріятныхъ условій для будущаго развитія, какъ нашъ родной. Всѣ условія — климатическія, орографическія, фізіологическія и психическія, международныя и политическія — соединились вмѣстѣ, чтобы работать на пользу великаго будущаго этого языка и народа. Какъ у Англіи каждый годъ уменьшаетъ силы вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій для жизни англійскаго языка, такъ наоборотъ каждый годъ мирной жизни увеличиваетъ силы Россіи благодаря безпримѣрно счастливому стеченію

*) Мы разумѣемъ тутъ не только языки народовъ индо-европейскихъ, но и китайскій.

тѣхъ-же самыхъ условій, покровительствующихъ росту русскаго языка *).

Культура и языкъ.

Придавая первостепенное значеніе языку въ дѣлѣ вліянія на судьбу государства и народовъ, мы однако далеки отъ мысли отрицать значеніе въ томъ же отношеніи другихъ факторовъ, особенно тѣхъ, которые создаютъ культуру народа. Съ одной стороны, теперь среди

*) Прежде исторія слѣдила за жизнію государствъ, а не народовъ. Вотъ почему при чтеніи ея поражаешься однимъ въ высшей степени страннымъ, но общимъ всѣмъ вѣкамъ явленіемъ: моменты паденія государствъ почти всегда совпадали съ апогеемъ ихъ государственнаго величія. Возьмите Александра Македонскаго, Римъ, Карла Великаго, Францію въ эпоху Наполеона, современную Англію, Турцію наконецъ. Не имѣя ни малѣйшаго представленія объ исторіи языка господствующаго народа, читатель не замѣчаетъ, что подъ фирмою великаго государства онъ имѣетъ дѣло съ народнымъ трупомъ, разлагающимся во вѣнцѣ государственнаго величія, ибо это величіе не соответствуетъ силамъ народа, ставитъ господствующую націю безусловно въ невозможное положеніе успѣшно бороться съ многочисленными враждебными ей стихіями и быстро ведетъ ее къ смерти... Девятнадцатый вѣкъ отличается отъ всѣхъ вѣковъ идеею націонализма. Эта самая естественная и простая идея носится въ воздухѣ по всей Европѣ, но среди наукъ еще не нашла себѣ особаго органа, который былъ бы ей посвященъ исключительно. Прикладное языкознаніе должно восполнить этотъ великій пробѣлъ въ области новѣйшихъ наукъ. Въ интересахъ общечеловѣческаго прогресса надобно желать, чтобы идея націонализма получила скорѣе ясность, свойственную всѣмъ великимъ идеямъ, и вошла въ сознаніе всякаго государственнаго дѣятеля, управляющаго судьбою того или другаго государства. Только она способна дать прочность исторіи и прогрессу людей, послѣ того какъ найдетъ выраженіе въ болѣе или менѣе точныхъ законахъ.

образованныхъ государствъ Европы, мы видимъ—существуетъ Австрія, склеенная изъ разныхъ языковъ на подобіе мозаики и тѣмъ не менѣе представляющая одно цѣлое на почвѣ интересовъ внѣ—языковыхъ; съ другой стороны, чѣмъ дальше отъ цивилизаціи, въ глубинѣ вѣковъ, тѣмъ чаще и чаще встрѣчаемъ то явленіе, что не смотря на единство языка, отсутствуетъ единство государственное. Мы не говоримъ о періодѣ бродячей жизни народа, о родовомъ бытѣ: государственнаго единства не замѣчаемъ въ средніе вѣка въ Германіи, Италиі, Франціи, Россіи и т. д.

Дѣло въ томъ, что языкъ, какъ факторъ государственнаго тѣла, получаетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ выше народная культура. Вотъ почему мы видимъ Грецію и Римъ достигшими наибольшаго государственнаго единства въ цвѣтушіе періоды ихъ культурной жизни; вотъ почему именно теперь, въ XIX вѣкѣ, Европа переживаетъ періодъ политической интеграціи тоже на почвѣ языка. Австрія и Турція своимъ существованіемъ, продолженіемъ своего политическаго бытія среди другихъ государствъ Европы—обязаны, очевидно, такъ называемому, закону инерціи, т.е. отживающимъ условіямъ европейской политической жизни *); оба государства въ новой обстановкѣ, создавшейся лишь только въ XIX вѣкѣ,

*) Въ этомъ взглядѣ на Австрію и Турцію мы совершенно совпали (какъ оказалось потомъ) съ Н. Я. Данилевскимъ. — Не надо однако думать, чтобы дѣйствіе «инерціи» всюду было одинаково и чтобы борьба съ этою отживающей силой вездѣ была такъ легка, какъ въ Австріи и Турціи. Она легка только тамъ, гдѣ распространилась идея націонализма и гдѣ подчиненные народы болѣе или менѣе культурны. Временное спасеніе Англіи, отсрочка ея государственной смерти въ колоніяхъ—заключается именно въ томъ, что въ ея подданныхъ трудно пробудить идею культурнаго націонализма.

чувствуютъ себя весьма нездоровыми, и часъ ихъ паденія пробилъ. Такое же анахронистическое положеніе, наоборотъ, начнётъ представлять то государство, которое, достигнувъ наивысшей точки политическаго могущества, станетъ падать въ своемъ прогрессивномъ движеніи: единство такого государства — чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становится призрачнѣе, и самый языкъ, при отсутствіи культурной силы, быстро будетъ распадаться на нарѣчія. Таковъ былъ древній Римъ въ періодъ своего паденія.

Языкъ есть почва, на которой можетъ быть создано великое государственное тѣло, но только при условіи прогрессивности извѣстнаго племени или народа. Прогрессивное движеніе государства не имѣетъ жизненности и долговѣчной крѣпости, если не покровительствуется благопріятными условіями языка народовъ, составляющихъ царство; наоборотъ, самъ по себѣ языкъ безъ культурнаго развитія народа не можетъ еще создать великаго государства. Наша Россія, не смотря на замѣчательно благопріятное стеченіе условій, покровительствующихъ росту языка, никогда бы не достигла такого политическаго могущества, какое видимъ нынѣ, — если бы Петръ Великій могучею рукою не двинулъ ее на путь безконечнаго прогресса на почвѣ наукъ. Языкъ — это мертвый капиталъ или запертый кладъ, ключъ отъ котораго хранится въ рукахъ цивилизаціи и прогресса. У однихъ народовъ этотъ кладъ поражающей величины, у другихъ — малоцѣнный.

Историкъ, слѣдя за культурнымъ движеніемъ извѣстнаго народа или государства, всякій разъ долженъ справляться, какъ прочна эта почва, болѣе всего благопріятствующая, или препятствующая прогрессу и крѣпости государственнаго тѣла. Онъ никогда не долженъ забывать этой почвы, упускать изъ виду, потому что она можетъ освѣтить эпоху, удачу или неудачу госу-

дарственныхъ и народныхъ стремленій,—больше, чѣмъ условія экономическія, орографическія, климатическія и др., иной разъ вмѣстѣ взятыя.

Но никогда языкъ не получалъ такого значенія, такой силы, какъ въ наше время, потому что никогда человѣческая культура,—умственное, матеріальное и нравственное развитіе,—не достигала такой высоты, какъ въ XIX вѣкѣ въ Европѣ.

Эта самая культура открывала многочисленные пути искусственнаго воздѣйствія языка литературы и науки на языкъ живой. Римляне, болѣе всѣхъ народовъ древности умудренные въ дѣлѣ государственномъ, были не въ состояніи предотвратить распаденіе своего государства, потому что были не въ состояніи предотвратить или по крайней мѣрѣ отсрочить распаденіе живой рѣчи своего народа. Теперь не то.... Настало время, когда благовременно поставить на очередь вопросъ: можетъ ли быть вѣчное государство и вѣчный народъ? на этотъ, повидимому, нелѣпный вопросъ мы по крайней мѣрѣ затрудняемся дать отвѣтъ отрицательный.

Таково приблизительно отношеніе между прогрессомъ и языкомъ; прикладное языкознаніе, впрочемъ, это выяснитъ лучше.

Взаимное отношеніе между идеей прогрессивной и національной.

Народъ, не одушевленный единой идеей, каковой можетъ быть только идея о постоянномъ своемъ само-совершенствованіи, подобенъ трупѣ, который будетъ таковымъ до тѣхъ поръ, пока въ него не вдохнетъ жизнь мысль о безконечности прогресса. Подобный народъ быстро распадается на части даже въ томъ случаѣ, если достигъ политическаго единства. Народу мало одного внѣшняго единства: онъ долженъ имѣть духовный

центръ, объединяющій стремленія всего населенія и со-общающій дѣльность его духовной жизни. Только при этомъ условіи языкъ народа можетъ быть единымъ. Безъ идеи прогресса народъ не имѣетъ прочной будущности, распадается на части и идетъ къ гибели.

Наоборотъ, народъ, одушевленный идеей прогресса, но не соображающійся ни съ наличностью своихъ силъ, ни съ исторіей прожитой,—тоже не имѣетъ прочной будущности, потому что на свѣтѣ все подчинено строгому закону послѣдовательности и индивидуальнаго развитія. Нарушеніе закона постепенности ведетъ къ нравственному и умственному переутомленію, надломленію физическихъ силъ и чрезъ это также къ конечной гибели. Нарушеніе историческихъ основъ жизни, т. е. индивидуальных особенностей, ведетъ къ духовной смерти, духовному обезличенію и рабству.

Идея націонализма требуетъ неопустительной бдительности въ двухъ отношеніяхъ: 1) сколько можно осуществить въ данный моментъ изъ тѣхъ совѣтовъ или требованій, которыя предъявляются со стороны людей прогресса, и 2) какъ, въ какой формѣ осуществить ихъ, потому что всѣ прогрессивныя идеи въ началѣ, прежде чѣмъ быть осуществленными,—отличаются своею общностію, отвлеченностію или, такъ сказать, своею безплотностію.

Идея національная такъ-же велика, какъ и идея о безконечности прогресса. Игнорованіе требованій той и другой одинаково ведетъ народъ и государство къ разложенію.

Значеніе прикладного языковедія для прогресса
общечеловѣческаго.

Несомнѣнно, что новая наука облегчитъ пути для образованія сильныхъ націй и большихъ государствъ. Полезно ли это съ точки зрѣнія общечеловѣческаго про-

гресса? Ничуть не колеблясь, мы отвѣчаемъ: «да, чрезвычайно полезно и благотѣтельно для интересовъ общечеловѣческихъ».

Можно взять за историческую аксіому слѣдующее положеніе: чѣмъ больше государствъ, тѣмъ больше войнъ. Возьмите исторію Греціи, Рима, Европы въ средніе вѣка, древней Руси въ періодъ удѣловъ. Едва-ли надобно говорить, сколько вреда приносить война интересамъ прогресса: она разоряетъ народъ экономически и обезсиливаетъ физически, поглощая лучшія, цвѣтушія силы; она возбуждаетъ худшіе инстинкты въ массѣ народа—грабежъ, воровство, жестокость, звѣрство и только въ немногихъ пробуждаетъ лучшія качества (у героев); продолжительныя или частыя войны доводятъ народъ до первобытнаго состоянія, уничтожая все плоды культуры и цивилизаціи. Во время войнъ нѣтъ мѣста порывамъ научнымъ, потому что умъ всехъ лучшихъ гражданъ поглощенъ однимъ интересомъ—защитою отчизны, ея политической жизни.

Не менѣе вѣрно и другое положеніе: чѣмъ мельче государства, тѣмъ мельче интересы и стремленія гражданъ. Такъ должно быть необходимо. Мелкимъ государствамъ невозможно заботиться объ интересахъ общечеловѣческихъ: у нихъ хватаетъ умственныхъ и матеріальныхъ силъ только для отстаиванія своихъ интересовъ. Лучшіе умы постоянно заняты мыслию сдѣлать свою родину болѣе могущественной въ политическомъ отношеніи, говоря иначе,—постоянно заняты мыслию о борьбѣ съ сосѣдями. Только могущественное государство можетъ удѣлять часть своихъ силъ на работу въ интересахъ науки и общечеловѣческаго просвѣщенія.

Говорятъ, что европейскій прогрессъ былъ обусловленъ соперничествомъ государствъ и народовъ. Пусть такъ, потому что это въ извѣстной мѣрѣ дѣйствительно

справедливо. Но на земномъ шарѣ никогда не можетъ быть одного языка: тому воспрепятствуютъ одни лишь климатическія условія, не говоря уже о другихъ *). Далѣе, прикладное языкознаніе можетъ оказать пользу только государству культурному, и такихъ государствъ тоже всегда будетъ нѣсколько. Будущему Италіи и Германіи **) ничто серьезно не угрожаетъ, не говоря уже о Россіи. Англія если и распадется, то культура ея все-таки будетъ продолжать жить, сдѣлавшись наслѣдственной собственностію ея колоній, т. е. будущихъ государствъ. Ничто не угрожаетъ Соединеннымъ Штатамъ, и мало-ли сколько еще будетъ царствъ въ Азіи и другихъ частяхъ свѣта, которыя вступятъ въ соперничество между собою?

Это соперничество не можетъ быть инымъ, какъ только научнымъ и экономическимъ, которое будетъ имѣть цѣлію поднять благосостояніе народовъ и развитіе ихъ умъ. Если теперь, — когда военные нужды и нужды, надо сказать, настоятельныя, поглощаютъ самую крупную сумму государственныхъ средствъ, — если теперь большія государства находятъ возможнымъ удѣлять нѣкоторыя суммы также и на цѣли общечеловѣческаго прогресса, то тогда, когда поводовъ къ войнѣ будетъ

*) Вообще никакая наука не въ состояніи такъ ясно, какъ «дважды два — четыре», доказать величайшую нелѣпость мысли о единомъ государствѣ на всемъ земномъ шарѣ, или о міровомъ владычествѣ, какъ наука о націонализмѣ. Не только о государствѣ «міровомъ» не можетъ быть рѣчи, но даже о государствѣ, которое бы господствовало одно надъ цѣлымъ материкомъ, исключая развѣ Австраліи.

**) Франція переживаетъ страшно-критическій періодъ, и едва-ли кто можетъ ручаться за то, что изъ этого кризиса она выйдетъ благополучно. Слѣдующая война опредѣлитъ на вѣки будущность этого славнаго государства, такъ дорого поплатившагося за свои идеальныя, но непрacticalныя и преждевременныя увлеченія.

меньше, экономическія и культурныя нужды, само собою разумѣется, должны выступить на первый планъ. Мало этого, — есть надежда, что войны совсѣмъ прекратятся, или по крайней мѣрѣ, ихъ не будетъ въ теченіе весьма долгаго времени: прикладное языкознаніе уважаетъ предѣлъ, когда война можетъ быть полезна и когда прямо вредна *). Слѣд., если каждое государство получить свое, если каждое лишнее приобрѣтеніе будетъ лишь ослаблять его силы, тогда война теряетъ всякій смыслъ, и удовлетворенные соперники надолго, если не на цѣлыя вѣка, будутъ жить въ мирѣ. Всѣ тѣ неимовѣрныя средства, которыя поглощаются военными цѣлями, пойдутъ отчасти на дѣло увеличенія благосостоянія подданныхъ и отчасти на цѣли науки и просвѣщенія.

Но серьезныхъ опасеній за прогрессъ человѣчества не можетъ быть никогда. Онъ зиждется на болѣе прочномъ основаніи, чѣмъ на соперничествѣ государствъ, — на наукѣ и христіанствѣ. Можно было опасаться за судьбу греко-римской цивилизаціи, потому что, во-первыхъ, эта цивилизація сравнительно была весьма бѣдна завоеваніями человѣческой мысли, а во-вторыхъ — потому, что не было искусства печати и два—три калифа Омара могли бы истребить всѣ плоды цивилизаціи, кромѣ вещественныхъ памятниковъ. Но теперь наука уже создала себѣ такой твердый фундаментъ, котораго не подъ силу разрушить никакому Атиллѣ, никакому Омару и вандаламъ; если прежде приверженцы ея счи-

*) Если прослѣдить исторію войнъ со стороны ихъ вліянія на послѣдующую жизнь народовъ и государствъ съ точки зрѣнія языка, то навѣрное окажется, что многія «блистательныя» побѣды были гораздо гибельнѣе для дальнѣйшей жизни побѣдителей, чѣмъ нѣкоторые пораженія. Последнія иногда приносятъ гораздо больше пользы для побѣжденныхъ, чѣмъ для самихъ побѣдителей.

тались сотнями, то теперь сотнями тысячъ и миллионами; съ другой стороны—христианство, искаженное и омраченное католическимъ духовенствомъ въ средніе вѣка, нынѣ на столько уяснилось и вошло въ жизнь, давая тонъ главнѣйшимъ стремленіямъ европейскихъ народовъ и государствъ,—что развѣ только слѣпой или близорукій пессимистъ можетъ опасаться за прогрессъ людей.

Характеръ современной борьбы между языками.

Чтобы выяснитъ житейскую роль будущей науки, намъ остается сказать нѣсколько словъ о характерѣ современной борьбы между языками.

Объединеніе человѣчества въ большіе народы уже нынѣ идетъ такимъ путемъ, который ничѣмъ не напоминаетъ варварскихъ временъ Рима и Карла Великаго. Римляне истребили этрусское населеніе городовъ, замѣнивъ его своимъ, и вообще поступали подобнымъ образомъ часто въ завоеванныхъ земляхъ; обращая простыхъ жителей въ рабовъ, они на вѣки лишали ихъ всякихъ правъ гражданства и вводили къ себѣ на услуженіе; къ полному подчиненію, при помощи мѣръ тиранства, они приводили и то населеніе, которое оставалось во вновь присоединенныхъ областяхъ. У грековъ, болѣе гуманнаго народа древности, тоже существовалъ обычай обращенія покореннаго племени въ рабовъ (иловъ). Карлъ Великій, окончивъ трудную войну съ саксами, «приказалъ» послѣднимъ — «слиться въ одинъ народъ» съ господствовавшимъ нѣмецкимъ племенемъ... Жестокость, и только одна жестокость, имѣла мѣсто въ древніе и средніе вѣка въ борьбѣ одного племени съ другимъ и языка господствующаго народа съ языкомъ народа покореннаго. И только когда побѣдитель чувствовалъ себя не въ достаточной силѣ, то происходила

свободная борьба между языкомъ побѣдителей и побѣжденныхъ, если они были многочисленны.

Нынѣ характеръ борьбы между народами и языками, составляющими одно государство, совершенно измѣнился. Если господствующая нація сильна численностію и просвѣщенна, то она во сто разъ скорѣе достигаетъ цѣлей объединенія, не прибѣгая вовсе къ мѣрамъ жестокимъ. Впрочемъ тутъ надлежитъ различать два случая борьбы: съ языкомъ народа мало культурнаго или вовсе некультурнаго и съ языкомъ народа, достигшаго извѣстной степени цивилизаціи.

Въ первомъ случаѣ, дѣло объединенія достигается чрезъ привилегіи и распространеніе просвѣщенія на государственномъ языкѣ: кто желаетъ слиться съ господствующей націей, т. е. усвоить ея языкъ и религію, тому даютъ всѣ права гражданства, облегчаютъ доступъ къ государственнымъ должностямъ, изъявляютъ готовность особой внимательной защиты всякихъ правъ и проч. Значитъ, прибѣгаютъ къ мѣрамъ, обратнымъ противоположнымъ тѣмъ, которыя практиковались «просвѣщенными» греками и римлянами въ отношеніи «варваровъ». Но культура сама по себѣ имѣетъ великую притягательную силу, и какъ только нѣкоторые лица вкусятъ отъ плода просвѣщенія, то они силою примѣра ведутъ за собою цѣлыя десятки и сотни. Государственные школы наполняются инородцами. Принудительныя мѣры отличаются справедливостію. Они существуютъ въ видѣ всеобщей воинской повинности, гдѣ командованіе идетъ на языкѣ государственномъ, и въ видѣ законовъ страны, которые знать всякому надлежитъ, чтобы знать свои права.

Другое дѣло, — когда приходится вести борьбу съ языкомъ народа культурнаго. Борьба эта отличается большимъ количествомъ насильственныхъ мѣръ. Всѣ онѣ, эти мѣры, клонятся къ тому, чтобы лишить под-

чиненный народъ плодовъ обособленной культуры или, по крайней мѣрѣ, низвести эту культуру на низшую степень сравнительно съ культурою народа господствующаго: тутъ принимаются мѣры, препятствующія развитію обособленной литературы и науки; пускается въ ходъ колонизація, вызываемая въ извѣстномъ направленіи при помощи разныхъ экономическихъ выгодъ.. Словомъ, такъ или иначе, самостоятельную культуру подчиненнаго языка сводятъ на степень значительно ниже той, на которой находится народъ господствующій. Затѣмъ, ассимиляція пойдетъ такъ же легко, какъ и съ народомъ мало культурнымъ. Экономическія соображенія и привлекательность высшей цивилизаціи — доведутъ дѣло до конца.

Чѣмъ народъ сильнѣе, тѣмъ менѣе нуждается онъ въ рѣзкихъ насильственныхъ мѣрахъ. Господствующая нація даже въ томъ случаѣ, если оставить въ покоѣ литературу и науку подчиненнаго народа, всегда одержитъ верхъ, потому что болѣе имѣетъ возможности идти по пути прогресса умственного и экономического. Пруссакки, напр., обнаружили лишь свое безсиліе тѣмъ, что стали изгонять поляковъ изъ предѣловъ Пруссіи.

Во всякомъ случаѣ, характеръ современной борьбы между языками ничѣмъ не напоминаетъ ни древнихъ, ни среднихъ вѣковъ. Можно сказать, что одна лишь интеллигенція подчиненнаго народа страдаетъ и мучается; вся остальная масса, т. е. десятки тысячъ и милліоны, руководимые въ своей жизни одной выгодой и насущными духовными нуждами, не замѣчаютъ во-все надъ собой насилія во время борьбы.

Основной законъ націонализма. Отдаленное будущее языковъ земли. Ближайшая исторія Европы.

Историками давно уже замѣченъ фактъ, что тѣ государства, которыя ширились отъ запада къ востоку, были долговѣчнѣе и прочнѣе тѣхъ, что тянулись отъ сѣвера къ югу. Этотъ таинственный фактъ объясняется весьма просто съ точки зрѣнія науки національной. Дѣло въ томъ, что климатическія условія принадлежать къ числу тѣхъ, съ которыми приходится вести самую тяжелую борьбу въ дѣлѣ какъ образованія, такъ равно и поддержанія единства націи. Борьбу эту иной разъ даже рѣшительно невозможно вести съ надеждой на успѣхъ.

Въ исторіи русскаго народа встрѣчаемъ два замѣчательнѣйшихъ явленія, которыя не повторяются въ судьбѣ другихъ индоевропейскихъ народовъ. Самое замѣчательное изъ этихъ явленій есть устойчивость русскаго живого языка. Этотъ языкъ пережилъ, не измѣнившись или мало измѣнившись, столько столѣтій, что въ теченіе такого же періода времени нѣкоторые языки успѣли перемѣниться два—три раза и сдѣлаться непонятными по два и по три раза, (это замѣчено было еще Ломоносовымъ). Второе явленіе—необыкновенный успѣхъ распространенія этого языка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше русскіе не жили: говоря иначе, необычный успѣхъ въ дѣлѣ ассимиляціи инородцевъ. Если взять эпоху «кіевщины» и наблюдать съ того времени за судьбою русскаго языка, то окажется, —какой неимоверный ростъ онъ сдѣлалъ на-счетъ другихъ языковъ! Но развѣ есть государство въ мірѣ, которое занимало бы столь однообразныя въ климатическомъ и орографическомъ отношеніи страны, какъ государство русское? Подъ покровительствомъ главнымъ образомъ климатическихъ и орографическихъ условій русское племя и росло, росло безъ особыхъ искуствъ

венныхъ мѣръ, само собою и будетъ расти въ занятыхъ предѣлахъ до размѣровъ, которые трудно предвидѣть.

Чтобы достигнуть такого успѣха въ дѣлѣ національнаго роста и устойчивости, другія государства должны были бы прибѣгать къ цѣлому ряду искусственныхъ мѣръ, рекомендуемыхъ современной культурой.

Основной законъ національной науки пока можно выразить такъ: чѣмъ однообразнѣе страна по климату и чѣмъ ровнѣе, тѣмъ легче образовать въ ней единый народъ и тѣмъ легче поддерживать въ ней это національное единство; наоборотъ, чѣмъ разнообразнѣе страна въ упомянутыхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе приходится полагаться на культурныя, т. е. искусственныя мѣры въ дѣлѣ образованія и поддержанія національнаго единства. Необходимымъ же цементомъ націонализма служить общность культуры и исторіи.

Съ точки зрѣнія этого основного закона націонализма можно съ нѣкоторою вѣроятностію предвидѣть будущую судьбу языковъ земли въ связи съ національными государствами. Въ XIX вѣкѣ можно рѣшиться на такое предсказаніе. Дѣло въ томъ, что распространенію и развитію цивилизаціи отнынѣ не можетъ ничто серьезно угрожать. Мало того, что каждое изъ европейскихъ государствъ и Сѣверная Америка старается принять самостоятельное участіе въ дѣлѣ общечеловѣческаго прогресса: къ сонму европейскихъ державъ теперь дѣлають серьезныя усилія пристать—Японія, Персія и государства Южной Америки. Нѣтъ сомнѣнія, что идея прогресса скоро вдохновитъ всѣ государства земного шара, а съ этою идеей по всему лицу земли распространится и идея націонализма.

Изъ современныхъ государствъ земного шара боль-

ше всѣхъ основному закону націонализма удовлетворяютъ—Россія и Китай. Это климатическія государства и въ то-же время національнныя по преимуществу. Ни Россія, ни Китаю серьезно не можетъ угрожать ни одинъ народъ *). Далѣе, такого же рода государства могутъ образоваться въ центральной Азіи (гдѣ Персія и Афганистанъ), Индіи, въ Сѣверной Америкѣ и Южной, но не раньше, какъ послѣ долгаго періода броженія, когда разноплеменный составъ населенія успѣетъ сгруппироваться около одного культурнаго языка въ каждой изъ этихъ странъ. Вотъ почему мы думаемъ (вмѣстѣ съ Данилевскимъ), что Соединенные Штаты, гдѣ нѣтъ основы національной для государственной жизни, переживаютъ пока подготовительный періодъ своей исторіи, который не обойдется безъ потрясеній и междоусобицъ.

Какъ бы то ни было, но упомянутыя мѣста земного шара, на ряду съ Россіей и Китаемъ, назначены самою природою для образованія тамъ прочныхъ національныхъ державъ. За то о другихъ мѣстахъ земного шара трудно сказать что-либо опредѣленное—въ томъ числѣ и о западной Европѣ.

Западная Европа, эта метрополія и рассадникъ общечеловѣческой идеи прогресса, вплоть до XIX вѣка никогда не была воодушевлена идеей націонализма. Поэтому государства западной Европы, не смотря на высоту ихъ культуры, понадѣлали массу ошибокъ противъ

*) Но Китай, судя по современному состоянію его языка, не живетъ такою сплоченною жизнію, какъ Россія. Культурный цементъ, связывающій китайское населеніе, не обладаетъ большою крѣпостію. Въ китайскомъ языкѣ масса нарѣчій, сильно обособившихся, а что интереснѣе, какъ говорить,—часто мнѣняющихся. При слабости культурнаго цемента китайское населеніе, какъ и языкъ, распадается, живетъ въ-разбродъ.

этой идеи—ошибокъ, съ которыми начались тяжелые и сознательные счеты только въ наше время. Мы уже говорили о несносномъ положеніи Австріи и кошмарѣ, который мучить Англію во всѣхъ углахъ земного шара. Для насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что этотъ кошмаръ доведетъ Англію до національной и государственной смерти, самъ собою доведетъ, помимо даже вмѣшательства постороннихъ враждебныхъ Англіи факторовъ (т. е. другихъ державъ).

Далѣе. Во время оно латинскій языкъ, въ качествѣ живого языка, господствовалъ довольно долгое время (нѣсколько столѣтій) въ современной Франціи, Испаніи, Португаліи, не говоря уже объ Аппенинскомъ полуостровѣ. Это—очень важный прецедентъ. Если при бѣдности культурныхъ средствъ борьбы съ силами, разрушающими національный организмъ, могло все-таки образоваться и просуществовать довольно долгое время единое національное царство на огромномъ пространствѣ, занимаемомъ современными романскими государствами, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что при богатствѣ этихъ средствъ, доставляемыхъ современной культурой, вполне могло бы существовать національное цѣлое, несравненно болѣе обширное, чѣмъ какое представляетъ каждое изъ современныхъ романскихъ государствъ, взятое въ отдѣльности. Несомнѣнно, государственные люди современной Италіи вспомнили нынѣ объ этомъ прецедентѣ. Великій историческій смыслъ поэтому имѣетъ коалиція Италіи и Германіи противъ Франціи. Последней угрожаетъ гибель при помощи раздѣла на подобіе Польши.

Германія заняла послѣ Россіи самую прочную позицію въ Европѣ, какъ національное государство. Будущему Германіи ничто серьезно не угрожаетъ. Франція однимъ ударомъ, даже въ союзѣ съ Россіей, не можетъ сокрушить могущества Германіи, а что касается словянъ, то они теперь по всей линіи заняли оборо-

нительное положеніе по отношенію къ нѣмецкому племени. Желанія всѣхъ словянъ—владѣть тѣмъ, что издавна принадлежало имъ. Въ заключеніе можемъ сказать одно: въ настоящее время вся Европа безъ исключенія переживаетъ чрезвычайно тяжелую эпоху, грозящую цѣлымъ рядомъ неотвратимыхъ войнъ и потрясеній. Огромный историческій смыслъ имѣетъ современный милитаризмъ. Онъ вызванъ не сумасбродными стремленіями «великихъ» Наполеоновъ и Александровъ Македонскихъ, а къ великому сожалѣнію всѣхъ приверженцевъ мирнаго прогресса—огромною массою ошибокъ противъ націонализма, слѣпымъ долговременнымъ ходомъ исторіи Европы. Число предстоящихъ войнъ будетъ прямо пропорціонально количеству накопившихся ошибокъ противъ идеи національной *).

P. S. Въ скоромъ времени авторъ надѣется выпустить рядъ отдѣльныхъ статей, которыя подробнѣе раскроютъ содержаніе прикладного языкознанія. Слѣдующая статья будетъ посвящена литературному языку и его отношеніямъ къ разговорному.

В. Добровскій.

*) Если Италіи, въ союзѣ съ Германіей, удастся Францію низвести на степень второстепенной военной державы, тогда несомнѣнно, въ виду непомернаго могущества Германіи и традиціонной вражды Англіи, и у романскихъ народовъ серьезно будетъ поставленъ вопросъ о «панроманизмѣ» (несчастье людей соединяетъ). Въ Европѣ такимъ образомъ возникаетъ три политическихъ системы: пансловизмъ, пангерманизмъ и панроманизмъ. Четвертую систему несомнѣнно составятъ скандинавскія государства, которыя едва было не объединились уже въ 1864 году. Какое мѣсто займутъ венгры, румыны, греки,—предвидѣть очень трудно. Вѣроятно, Балканскій полуостровъ еще долго будетъ очагомъ всякихъ смутъ, въ то время какъ остальная Европа вступитъ въ болѣе мирный періодъ исторіи.

ЗАМѢТКА КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ ПРЕПОДАВАНІЯ РУС- СКАГО ЯЗЫКА ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПИСЬМЕННЫМИ УПРАЖНЕНІЯМИ.

«Годы истрачиваются видимо понапрасну, со вредомъ для ума учащихся, — и все-таки вѣра въ пользу схоластическихъ затѣй, какъ и вѣра въ жизненную силу безжизненнаго навыка, владычествуетъ коегдѣ чуть не исключительно. Надобно же, однако, наконецъ отречься отъ того и другого и всюду повести изученіе языка путемъ естественнымъ и полезнымъ». — Срезневскій: «Объ изученіи родного языка».... Рус. Пед. Вѣст. 1860 г. т. IV, № 11, стр. 173.

Въ настоящее время въ педагогическомъ мірѣ ни въ какомъ кружкѣ нѣтъ такого разногласія, какъ между преподавателями русскаго языка и словесности. Они не могутъ единодушно согласиться ни въ матеріалѣ, ни въ цѣли, ни въ способахъ преподаванія. Само собою разумѣется, что начальственные предписанія строго держаться опредѣленной программы и руководства не могутъ повести къ соглашенію. Они въ состояніи привести все къ внѣшнему единству, но будетъ ли какая либо польза отъ такого преподаванія? Какъ заставить учителя преподавать то, въ пользѣ чего онъ самъ не убѣжденъ? Если его личность имѣетъ весьма важное

значеніе въ преподаваніи, чего никто не станетъ отрицать, то какимъ же образомъ, безъ вреда для самаго дѣла, будутъ подавлять ее навязываньемъ чужихъ взглядовъ? Такое преподаваніе будетъ совершенно противостественнымъ, мертвымъ, машинальнымъ, и потому скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Тутъ возможно только свободное соглашеніе, а для него существуетъ только одинъ исходъ — обстоятельное литературное изложеніе разныхъ взглядовъ, опытовъ, соображеній, чтобы видѣть, кто и какъ ведетъ дѣло преподаванія. Пусть всѣ эти сообщенія выяснятся вмѣстѣ съ методами, которыя до сихъ поръ вырабатывались разными личностями *), — тогда, по крайней мѣрѣ, будетъ довольно матеріаловъ, чтобы сдѣлать какой либо общій выводъ. Тогда начинающимъ педагогамъ будетъ изъ чего выбирать для собственныхъ опытовъ и для дальнѣйшей разработки той или другой методы.

Вотъ какія соображенія, высказанныя однимъ изъ выдающихся нашихъ педагоговъ ¹⁾ побуждаютъ меня взяться за перо: мнѣ хотѣлось бы путемъ публичнаго обсужденія выяснить причины и характеръ тѣхъ недостатковъ въ практикуемыхъ теперь способахъ преподаванія русскаго языка въ вашихъ гимназіяхъ, которые мнѣ, въ качествѣ учителя словесности, удалось подмѣтить и которые, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, могутъ быть, кажется, устранены способомъ, едва-

*) Страницы «Фил. Зап.» всегда открыты для передачи подобныхъ мнѣній, соображеній и замѣтокъ, каковыхъ въ изданіи «Филологич. Записокъ» до сихъ поръ набралось довольно. Желательно, чтобы и общество г.г. Петербургскихъ преподавателей своими трудами по установкѣ преподаванія русскаго языка прикинуло къ нашему спеціальному органу, имѣющему прямую цѣлю разработку вопросовъ по языкознанію вообще и такъ близко стоящему къ учебнымъ заведеніямъ.

Ред.

¹⁾ Стоюнинъ: «О преподаваніи русской литературы». 4-е изд. Петерб., 1879 г., стр. 2.

Ав.

ли предусмотрѣннымъ въ нашей учебной литературѣ. Другимъ обстоятельствомъ, побуждающимъ меня представить предлагаемую замѣтку, служитъ приглашеніе, обращенное ко всѣмъ преподавателямъ русскаго языка — отъ лица одного изъ собраній петербургскихъ учителей русскаго языка, происходившаго прошлою осенью при Педагогическомъ музеѣ.

Констатируя фактъ ежегоднаго пониженія уровня преподаванія русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ, означенное собраніе рѣшило заняться въ текущемъ году вопросомъ о поднятіи этого преподаванія—и пригласило къ участію въ этихъ занятіяхъ вообще всѣхъ желающихъ преподавателей русскаго языка.

Чтобы какъ нибудь, совершенно невзначай, не дать повода къ упреку въ односторонности пониманія или освѣщенія излагаемыхъ мною фактовъ современнаго преподаванія русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ—я предоставлялъ тамъ, гдѣ это оказывалось возможнымъ, говорить за себя болѣе или менѣе призваннымъ педагогическимъ и ученымъ авторитетамъ.

I.

«Понятіе мертвѣго предполагаетъ о прежде существовавшей жизни, понятіе же жизни не предполагаетъ понятія о прежде существовавшей мертвой природѣ. Мертвое въ настоящее время образуется только тамъ, гдѣ существовало живое, слѣдовательно оно не можетъ быть признано первоначальнымъ».

Прейеръ: «Элементы общей физиологій». — Рус. перев. проф. Тарханова — С.-Петербург. 1885 г. стр. 100.

Членораздѣльную рѣчь можно назвать теперь наслѣдственнымъ свойствомъ человѣка, которому врождена и склонность говорить именно такимъ, а не инымъ языкомъ ²⁾. Духъ человѣка развивается и образуется въ формѣ языка, такъ какъ этотъ послѣдній служитъ не только средствомъ сообщенія и выраженія мыслей, но и средствомъ развитія способности усвоенія и пониманія этихъ мыслей. Благодаря языку, люди способны мыслить о томъ, чего безъ его посредства они не могли бы мыслить; языкъ есть форма и метода мышленія, отъ которой зависитъ развитіе и образованіе самой мысли. Каждый народъ въ своемъ языкѣ представляетъ опредѣленную особенность этой формы и методы мышленія, которая является продуктомъ долговременнаго развитія. Она облагораживаетъ, идеализируетъ, расширяетъ и сокращаетъ процессъ образованія мыслей и производитъ все это тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ больше и долѣе развивался народъ ³⁾. Отсюда ясно, что въ твер-

²⁾ Preyer: «Die Seele des Kindes». Zweite Auflage. Leipzig. 1884, pag. 330.

³⁾ Lazarus: «Das Leben der Seele». Berlin, 1856. II. 162—164 pag. Cp. Schmid's Encyklopädie des gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens. 2 Aufl. Gotha 1881. Vierter Band, p. 1135: Wie sich der Sinn der Sprache erweitert, so der Sinn des Volkes. Daher die hohe culturgeschichtliche Bedeutung der Redner, Schriftsteller und besonders

домъ знаніи родного языка можно видѣть не средство только, но цѣль, важную для всякаго образованнаго человѣка, вполнѣ понимающаго значеніе двухъ великихъ идей: отечество и слово ⁴⁾. Родной языкъ такъ сросся съ личностью каждаго, что учить ему значитъ вмѣстѣ и развивать духовныя способности учащагося ⁵⁾, — вотъ почему онъ долженъ быть главною основою и общей нашей образованности и образованія каждаго изъ насъ, такъ чтобы въ немъ они сосредоточивались и отъ него зависѣли ⁶⁾. Таково педагогическое значеніе роднаго языка для современной науки и патріотическаго чувства.

Казалось бы, что при такомъ важномъ педагогическомъ значеніи, программа преподаванія русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ должна быть особенно ясною, опредѣленною и цѣлесообразною, а исполненіе ея при достаточныхъ средствахъ должно отличаться особенною точностью и совершенною сознательностью, для того чтобы съ успѣхомъ выполнить обязательныя требованія окончательнаго испытанія. Удовлетворительны ли однако въ этомъ смыслѣ существующая программа и ея исполненіе? Едва-ли! «Сказать, что юношамъ, оканчивающимъ курсъ, такъ называемаго гимназическаго ученія, по русскому языку и словесности, здѣсь дается все, что имъ послѣ будетъ необходимо нужно, и не дается ничего ненужнаго, лишняго, по возрасту учениковъ бесполезнаго и даже вреднаго, мнѣ кажется, — нельзя. Кажется,

der Dichter, welche ihre Muttersprache mit neuen Wendungen—Tropen—mit neuen Symbolen und Bildern bereichern, die eine lebendigere, klarere, vielseitigere Darstellung und Ausprägung innerer Vorgänge, des Erfassens und Empfindens geistiger Verhältnisse vermitteln. Sie bilden offenbar das innere Leben des Volkes selbst fort, sie sind in Wahrheit die Propheten eines Geistigen Fortschrittes und Aufschwunges».

⁴⁾ Гротъ: «Филологическія Разысканія». 2 изд. I, 530 стр.

⁵⁾ Буслаевъ: «О преподаваніи отечественнаго языка». 2 изд. 7 стр.

⁶⁾ Срезневскій: «Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ». Русскій Педагогическій Вѣстникъ 1860 года. Томъ IV, № 11, стр. 167.

что вслѣдствіе-ли прямыхъ требованій программы и необходимости выполнить ее всю безъ опущенія и сокращенія, а равно и безъ прибавленій, или же въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, заставляющихъ ее понимать не вполне такъ, какъ бы можно желать для пользы учениковъ, или, наконецъ, по недостатку руководствъ для учителей—учениками не вездѣ усвоивается все нужное, и взаимнѣе нужнаго принимается иногда и ненужное, взаимнѣе полезнаго кое-что и бесполезное, а между тѣмъ времени и усилій расходуется и учителями и учениками очень много». Эти слова были сказаны академикомъ Срезневскимъ ⁷⁾ цѣлыхъ 18 лѣтъ тому назадъ, но они едва-ли не примѣнимы и къ настоящему времени. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ взаимнѣе нужнаго, очевидно, вошло и входитъ столько ненужнаго въ гимназическое преподаваніе русскаго языка, что уровень этого преподаванія съ году на годъ замѣтно понижается. На это обстоятельство указываютъ какъ официальные отчеты ⁸⁾, такъ и сѣтованія современныхъ педагоговъ, наиболѣе привимающихъ къ сердцу дѣло своего преподаванія. «Нельзя не признать, говоритъ г. Острогорскій ⁹⁾, что старое поколѣніе, напр., сороковыхъ годовъ и говорило и писало несравненно лучше современнаго намъ юношества, и, обладая большою и разнообразною начитанностью и эстетическимъ вкусомъ, гораздо болѣе и живѣе интересовалось вопросами и явленіями искусства и науки. Отсутствие литературнаго образованія у современной намъ молодежи, по нашему мнѣнію, одна изъ очень вѣскихъ причинъ современной юношеской

⁷⁾ Срезневскій: «Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ. Томъ VIII, № 3, стр. 3—4.

⁸⁾ Смотри, напр., «Отчеты о письменныхъ работахъ по русскому языку, исполненныхъ на испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа». Въ 1887 году число неудовлетворительныхъ работъ въ правительственныхъ гимназіяхъ составляетъ, по мнѣнію составителя отчета, 13%.

⁹⁾ Викторъ Острогорскій: «Бѣседы о преподаваніи словесности», стр. 2.

малограмотности въ широкомъ смыслѣ, весьма ощути-
тельнаго литературнаго невѣжества, и даже нѣкоторой
апатіи къ самой наукѣ и искусству вообще».

Находя неудовлетворительнымъ преподаваніе рус-
скаго языка въ нашихъ гимназіяхъ, мы обязаны ска-
зать, почему же оно неудовлетворительно? Оно, очевид-
но, не достигаетъ тѣхъ цѣлей и не даетъ тѣхъ резуль-
татовъ, достиженіе которыхъ для него обязательно. Ка-
ковы же цѣли, которыя поставлены въ настоящее вре-
мя гимназическому преподаванію русскаго языка? По-
становка главной, конечной цѣли преподаванія этого
предмета имѣетъ свои теоретическія основанія. Всякое
полное и основательное усвоеніе учебнаго предмета сла-
гается изъ знанія и умѣнья. Не говоря уже о такихъ
предметахъ, каковы письмо, рисованье, музыка, въ ко-
торыхъ умѣнье стоитъ впереди знанія, но отвлеченные
предметы, каковы математика и особенно языкознаніе,
непремѣнно требуютъ отъ изучающаго ихъ умѣнья, ко-
торое необходимо для самодѣятельнаго воспроизведенія
изученнаго. Можно научиться отчетливо и ясно пони-
мать всякую рѣчь, и въ то же время самому плохо
владѣть ею—такое знаніе, конечно никто не назоветъ
удовлетворительнымъ; можно хорошо владѣть устною
рѣчью и плохо излагать свои мысли письменно. Три
психологическихъ момента можно различать въ нормаль-
номъ процессѣ усвоенія всякаго знанія: пассивное вос-
пріятіе, сознательное усвоеніе и самостоятельное воспро-
изведеніе. Если послѣдній моментъ невозможенъ безъ
двухъ первыхъ, то два первые безъ послѣдняго неза-
конченны и безцѣльны ¹⁰⁾. Особенное значеніе, гораздо

¹⁰⁾ Милопольскій: «Ученическія сочиненія». «Семья и Школа» 1871 г.
№ 5, кн. II, стр. 75.

Op. Schmid's Encyclopädie: «So verhält sich's mit aller Bildung;
sie ist stets ein Wissen und ein Können zugleich, und das Wissen ist
erst dann ein lebendiges, wenn er sich durch eine vielseitige praktische
Thätigkeit vermittelt hat, so wie andererseits das Können erst dadurch
ein geistiges wird sich von dem gemeinen Handwerk unterscheidet, wenn
es auf gründlichen Wissen beruht». 1, 282 стр.

болѣе важное, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ предметахъ гимназическаго курса — пріобрѣтаетъ умѣнье, практика въ курсѣ родного языка. Въ то время, какъ всѣ прочіе учебные предметы имѣютъ своею ближайшею цѣлью сообщеніе тѣхъ познаній, отъ которыхъ они сами получаютъ свои названія, родной языкъ имѣетъ прежде всего въ виду развитіе и укрѣпленіе въ ученикѣ умѣнья владѣть устною и письменною рѣчью. Конечно, и остальные предметы не остаются безъ вліянія на умѣнье ученика выражаться, но ихъ вліяніе оказывается косвеннымъ: они скорѣе даютъ матерію для выраженія, увеличиваютъ запасъ словъ ученика, чѣмъ изошряютъ въ немъ ловкость и умѣнье владѣть словомъ; родной же языкъ имѣетъ своей ближайшей задачей именно выработку этой ловкости и умѣнья владѣть словомъ. Сообразно съ этой цѣлью учитель родного языка для своихъ занятій съ учениками не нуждается собственно ни въ какомъ опредѣленномъ матеріалѣ: онъ можетъ брать его изъ всякаго предмета преподаванія, но брать всегда съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы упражнять на немъ языкъ ученика¹¹⁾. Исторія и теорія словесности должны только освѣщать сознаниемъ этотъ процессъ развитія ученическаго слова, отнюдь не пріобрѣтая того значенія, какое имѣютъ теоретическія познанія по другимъ предметамъ гимназическаго курса. Эти послѣдніе всѣ

¹¹⁾ Первое дѣло въ области преподаванія отечественнаго языка состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ практическимъ путемъ узналъ всѣ формы рѣчи, чтобы онъ являлся ему не одиѣ сами по себѣ, но постоянно въ органической связи съ мыслию, ими выраженною, чтобы ученику вмѣстѣ съ формою непрестанно давалось и содержаніе. Итакъ, первое и важнѣйшее дѣло развитіе практическую способность, состоящую въ томъ, чтобы понимать выраженное формами рѣчи, и пользоваться ими правильнымъ образомъ, т. е. такъ, какъ говорятъ люди образованные. Слѣдовательно умѣнье всему здѣсь основаніе: это умѣнье, какъ данное предпосылается уже самому началу преподаванія, а преподаваніемъ должно еще тверже укрѣпиться, Буслаевъ. *Op. Cit.* стр. 55—6. Не надо смѣшивать практическія упражненія по родному языку съ такъ называемыми умственными упражненіями, какъ понимаютъ эти послѣднія, напр. Гугель: практическія упражненія по родному языку имѣютъ въ виду развитіе и укрѣпленіе не столько отвлеченное мышленіе ученика, сколько мышленіе, опредѣленное словомъ, но разрывное со своимъ словеснымъ выраженіемъ.

разсчитываютъ на матеріальное развитіе ученика, на обогащеніе его извѣстными познаніями, даже классическіе языки, имѣющіе въ виду познаніе формальное не изъяты въ этомъ смыслѣ изъ числа остальныхъ предметовъ. Правда, древніе языки знакомятъ ученика съ формой и даже съ формой именно словеснаго выраженія, но эта форма на латинскихъ и греческихъ урокахъ разсматривается преимущественно какъ объективно-данная, а не субъективно создаваемая, становясь такимъ образомъ больше предметомъ теоретическаго изученія, чѣмъ умѣньемъ. Форма словеснаго выраженія, какъ живое умѣнье владѣть словомъ составляетъ предметъ ученическихъ занятій по родному языку. Вслѣдствіе этого только умѣнье ученика владѣть рѣчью и особенно умѣнье письменно излагать свои мысли можетъ окончательно засвидѣтельствовать степень усвоенія ученикомъ тѣхъ знаній, которыя сообщены ему на урокахъ роднаго языка. Сообразно съ этимъ значеніемъ письменной работы при оцѣнкѣ успѣховъ ученика по русскому языку, въ нашихъ гимназіяхъ на испытаніяхъ зрѣлости предлагается ученикамъ только написать сочиненіе, тогда какъ по древнимъ языкамъ и математикѣ, кромѣ письменнаго—полагается еще и устный экзаменъ. Всѣ теоретическія познанія ученика по русскому языку отстапаютъ, стало-быть, при окончательномъ испытаніи, на второй планъ, ступшеваются передъ умѣньемъ писать сочиненіе. Экзаменная тема очень часто даже и не касается теоретической части курса русскаго языка. Изъ всего сказаннаго понятно, что преподаваніе русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ, при существующихъ теперь отъ него требованіяхъ, оказывается тѣмъ удовлетворительнѣе, чѣмъ больше оно выработаетъ въ ученикахъ умѣнье письменно излагать свои мысли, умѣнье писать, такъ называемыя сочиненія. Но чтобы научить успѣшно писать сочиненія, прежде всего нужно знать, что именно требуется отъ сочиненій, каковы они должны быть. Обученіе, какъ и всякая дѣятельность, въ которую замѣшаны умственные процессы, немисли-

мо безъ идеала: онъ ставитъ обученію цѣль и даетъ норму ¹²⁾. Какая же должна быть желательная степень совершенства гимназическаго сочиненія на испытаніи зрѣлости? «При правильномъ веденіи письменныхъ упражненій, говорится въ «Учебныхъ планахъ» ¹³⁾, въ результатъ должно получиться то, что требуется достигнуть на урокахъ русскаго языка и словесности въ концѣ гимназическаго курса. Отъ сочиненія, написаннаго воспитанникомъ средняго учебнаго заведенія не слѣдуетъ ожидать ни новизны или оригинальности мыслей, ни полноты содержанія, которая требуетъ многостороннихъ знаній и болѣе зрѣлой обдуманности, ни изящнаго языка, для пріобрѣтеній котораго нужно не только ученіе, но и особенное дарованіе; но это сочиненіе должно быть написано языкомъ правильнымъ, чистымъ и точнымъ, изложеніе его должно удовлетворять условіямъ логической связи и послѣдовательности, а содержаніе отличаться естественностію и дѣльностью мыслей, прямо относящихся къ темѣ».

Какими средствами, спрашивается, можно вырабатывать всѣ требуемыя качества ученическаго сочиненія? Ближайшія къ этому средства, какъ они изложены въ «Учебныхъ планахъ», суть слѣдующіе виды письменныхъ упражненій: 1) пересказъ или простое воспроизведеніе прочитаннаго, 2) разсказъ въ сокращеніи и съ измѣненіемъ формы, 3) расположеніе (составленіе плановъ прочитаннаго), 4) составленіе повѣствованій по

¹²⁾ Миѣніе Кавелина цитировано по «Методической русской хрестоматіи» Попова. 3-е изд. стр. 447.

¹³⁾ Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, пересмотрѣнные и утвержденные г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 8-го Іюня 1877 г. Изданіе 1885 г., стр. 39.

Въ этотъ перечень не помѣщены указаные въ «Учебныхъ планахъ» переводы съ древнихъ языковъ. Упражненіями этого рода, какъ показываетъ практика, пользуются преимущественно учителя древнихъ языковъ, и потому переводы не могутъ быть занесены въ число тѣхъ средствъ, которыми пользуется собственно учитель русскаго языка для достиженія поставленныхъ именно ему цѣлей.

плану, 5) составленіе описаній по плану, 6) подробное и краткое изложеніе прочитаннаго на урокахъ древнихъ языковъ, 7) составленіе періодовъ, 8) разборъ плановъ въ повѣствованіяхъ, описаніяхъ и разсужденіяхъ и изложеніе разобранныхъ образцовъ, 9) составленіе повѣствованій, описаній и разсужденій по данному учителемъ или выработанному подъ его руководствомъ плану, 10) составленіе характеристики лица или эпохи на основаніи прочтенныхъ образцовъ или извѣстныхъ ученикамъ историческихъ фактовъ, 11) сличеніе двухъ или нѣсколькихъ сочиненій однородныхъ, или сочиненій разнородныхъ, но имѣющихъ сходное содержаніе, 12) собственные сочиненія: а) по плану, извлеченному изъ другаго сочиненія, б) по плану выработанному въ классѣ подъ руководствомъ учителя, с) по плану, составленному каждымъ ученикомъ особо и одобренному преподавателемъ, d) по собственному плану учениковъ, составленному безъ участія учителя. Въ этомъ перечнѣ, какимъ почти онъ и является въ «Учебныхъ планахъ», какъ видно, мало методическихъ указаній для того, чтобы признать его достаточнымъ отвѣтомъ на поставленный выше вопросъ о средствахъ, какими вырабатываются требуемыя качества гимназическаго сочиненія. Для того, чтобы слишкомъ общія и неопредѣленныя въ данномъ случаѣ указанія «Учебныхъ плановъ» стали конкретнѣе, практичнѣе, не бесполезно, кажется, обратиться за справками къ какому-нибудь руководству веденія гимназическихъ сочиненій, руководству, слѣдующему, конечно, въ общихъ своихъ чертахъ указаніямъ «Учебныхъ плановъ».

Такая справка иллюстрируетъ общія положенія «Плановъ» и дастъ намъ впослѣдствіи возможность судить о соответствіи данныхъ средствъ данной же цѣли.

Къ какому же руководству для веденія гимназическихъ сочиненій намъ теперь обратиться? Отвѣтить на это не особенно трудно, такъ какъ подобныхъ руководствъ у насъ очень немного. Изъ четырехъ—пяти

книжекъ, существующихъ по этому предмету, мы остановимся на «Методѣ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій» — Бѣлявскаго. Это единственная книжка, написанная, по словамъ г. Острогорскаго ¹⁴⁾, опытнымъ учителемъ, проводящимъ все предлагаемое имъ на практикѣ, живая, чуждая схоластики, связывающей творческую способность учениковъ и практически преслѣдующая только вопли въ возможное, посильное. Каковъ же «Методъ веденія сочиненій...», методъ, не связывающій творческой способности учениковъ? По мнѣнію Бѣлявскаго, въ младшихъ четырехъ классахъ гимназіи письменныя упражненія учениковъ должны состоять только въ изложеніи прочитанныхъ коротенькихъ и легкихъ статей повѣствовательнаго содержанія, причемъ матеріалъ и послѣдовательность прочитаннаго разсказа ученики должны твердо запомнить. Подготовка учениковъ къ самостоятельнымъ сочиненіямъ относится собственно къ началу курса V-го класса и состоитъ въ разборѣ образцовъ. Разбирая съ учениками статьи повѣствовательно-описательнаго характера, Бѣлявскій преслѣдуетъ двоякую цѣль: одну теоретическую — разбирать образцы извѣстныхъ видовъ словесности, другую, и главную, практическую: разбирать образцы для собственныхъ сочиненій учениковъ. Послѣ разбора трехъ — четырехъ образцовъ описаній, ученикамъ назначается сочиненіе, которое пишется ими цѣлый мѣсяцъ. Въ теченіе этого времени въ классѣ разбираются еще пять — шесть подходящихъ образцовъ и проходится изъ стилистики о главныхъ требованіяхъ отъ прозаическаго языка: о правильности, чистотѣ, благозвучіи и т. д. Такимъ образомъ ученики, ко времени подачи своего перваго сочиненія имѣютъ, по мнѣнію Бѣлявскаго, достаточное понятіе о содержаніи описаній, о расположеніи этого содержанія и даже о способѣ выраженія. Можно ожидать, что къ сочине-

¹⁴⁾ Влкт. Острогорскій. *Op. Cit.* p. 105.

нію ученики отнесутся серьезно, не какъ-нибудь, что сочиненіе не будетъ для нихъ блужданіемъ въ темномъ лѣсу: требованія ясны; планъ готовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и матеріалъ; образцы есть; можно близко подражать образцамъ. Съ VI класса ученики пишутъ разсужденія. Первый мѣсяцъ въ этомъ классѣ Бѣлявскій не назначаетъ писать разсужденій: въ это время происходитъ разборъ трехъ — четырехъ образцовъ, при чемъ ученики выучиваютъ разбираемыя статьи наизусть почти вполнѣ. Подражать разобраннѣмъ разсужденіямъ очень легко, а нѣкоторое однообразие и опредѣленность плана вслѣдствіе подражательности — на первыхъ порахъ, кромѣ пользы, принести ничего не могутъ. Въ VII и VIII классахъ темы, различаясь большею или меньшею легкостью, не различаются существенно по содержанію ¹⁵⁾. Вотъ каковъ практическій комментарий къ вышеизложеннымъ теоретическимъ положеніямъ «Учебныхъ плановъ».

Теперь намъ болѣе или менѣе ясно, какими средствами обыкновенно стремятся достигнуть у насъ той цѣли, которая предлагается гимназическому преподаванію русскаго языка. Но человекъ не можетъ дѣйствовать съ какой бы то ни было цѣлью, не зная чего-нибудь объ отношеніи между выполняемымъ имъ дѣйствіемъ и результатомъ, къ которому онъ стремится. Знаніе средствъ, въ качествѣ именно средствъ, безотносительно къ достигаемой ими цѣли немыслимо. Вотъ почему намъ придется сейчасъ говорить объ отношеніяхъ данныхъ средствъ къ данной въ дѣлѣ веденія гимназическихъ сочиненій цѣли.

Посмотрѣвъ въ «Учебные планы», мы увидимъ, что письменныя упражненія по русскому языку раздѣлены тамъ на извѣстные виды. Какое же основаніе, что за принципъ этого дѣленія? Пересказъ или простое воспро-

¹⁵⁾ Е. Бѣлявскій: «Методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій». Москва. 1881 г.

изведеніе прочитаннаго, разсказъ прочитаннаго въ сокращеніи и т. д. и т. д. Всѣ эти виды упражненій составляютъ извѣстную градацію: одно является болѣе сложнымъ, чѣмъ другое, требуя при своемъ выполненіи большей активности, интеллектуальной самодѣтельности ученика. Но самодѣтельность можетъ быть двухъ родовъ: воспроизводящая, репродуктивная и творческая, продуктивная. Очевидно, что всѣ вышеисчисленные виды существующей въ настоящее время системы письменныхъ упражненій по русскому языку въ нашихъ гимназіяхъ разсчитаны именно на развитіе въ ученикѣ воспроизводящей, репродуктивной его самодѣтельности. Такой характеръ этихъ упражненій общепризнанъ въ педагогикѣ. Сомнѣваться въ этомъ нѣтъ никакой возможности, потому что современные нѣмецкіе, а вслѣдъ за ними и наши педагоги, утверждаютъ даже, что письменныя упражненія по родному языку вообще должны быть репродуктивнаго характера. Шмидова «Энциклопедія»¹⁶⁾, имѣющая между прочимъ цѣлю давать по педагогикѣ свѣдѣнія, соотвѣтствующія современной точкѣ зрѣнія науки, высказывается относительно необходимости репродуктивнаго характера письменныхъ упражненій по родному языку въ гимназіяхъ словами Дейнгарда такъ: «окончательно образованный человѣкъ можетъ творить матеріалъ для своихъ сочиненій изъ себя самого и быть такимъ образомъ продуктивнымъ, но это ни-

¹⁶⁾ «Der vollkommene ausgebildete Mensch kann den Stoff zu seinen Aufsätzen aus sich selbst schöpfen und sich productiv verhalten; das gilt aber keineswegs für den Schüler. Seine Thätigkeit beschränkt sich vielmehr im wesentlichen auf die Reproduction, die darin besteht, dass er einen in seiner Bildungssphäre liegenden Stoff, der ihm bekannt ist oder dessen Kenntniss er sich doch leicht verschaffen kann, nach angemessenen Gesichtspunkten verarbeitet und das dadurch gewonnene Verständniss desselben in eigenen Arbeiten darlegt... Es ist eine alte Wahrheit, dass die Nachahmung des Vortrefflichen des zögling vortrefflich macht und diese Wahrheit findet auf keine Thätigkeit des Schülers eine so tief eingreifende Anwendung, als auf die Aufsätze, wenn sie in der Reproduction eines gediegenen Inhalts bestehen». Schmid's Encyclopädie I, 283—4.

какъ не годится ученику. Его дѣятельность ограничивается въ существенномъ болѣе репродукціей, которая состоитъ въ томъ, что онъ излагаетъ свое пониманіе того матеріала, который входитъ въ кругъ его образованія, извѣстенъ ему или можетъ легко стать извѣстнымъ и разработанъ съ соотвѣтствующей точки зрѣнія... Старая истина, что подражаніе превосходному дѣлаетъ самого воспитанника отличнымъ, и ни къ одной дѣятельности ученика эта истина не имѣетъ такого глубоко-проникающаго примѣненія, какъ къ сочиненіямъ, если только они въ репродукціи будутъ отличнаго содержанія». Еще рѣшительнѣе за исключительно репродуктивный характеръ гимназическихъ сочиненій высказывается Рудольфъ въ новомъ изданіи «Путеводителя» — Дистервега:¹⁷⁾ «безъ того, говоритъ онъ, что мы назвали оплодотворящей сверху росой, т. е. безъ разумнаго подготовленія и поддержки со стороны учителя, во всякомъ случаѣ не достигнуть никакихъ болѣе или менѣе значительныхъ результатовъ. Жестоко и опасно совершенно предоставлять дѣтей самимъ себѣ, и отъ тѣхъ, которыя, по словамъ Авг. Вольфа, едва произведены сами, требовать собственнаго произведенія. Такимъ насиліемъ образуютъ пошлыхъ болтуновъ и скороспѣлыхъ, но слабыхъ дѣтей, которыя впослѣдствіи ничего не дадутъ. Прочъ, стало быть, такъ называемыя свободныя, самостоятельныя работы, которыя исполняются однако съ

¹⁷⁾ „Ohne das, was wir den befruchtenden Thau von oben genannt, d. h. ohne verständige Vorbereitung und Unterstützung von Seiten des Lehrers werden allerdings keine nennenswerthen Erfolge zu erzielen sein. Grausam und gefährlich ist es, die Kinder sich vollständig selbst zu überlassen, und von denen, die, wie Aug. Wolf sagt, kaum selbst producirt worden sind, eigene Productionen zu verlangen. Durch solchen Zwang bildet man fade Schwätzer und frühreife, dafür aber auch schwächliche Kinder, die später gar nichts leisten. Weg also mit den so genannten freien Arbeiten, die doch nur mit dem äussersten Widerstreben angefertigt werden, und denen man in der Regel keine Spur von Freiheit anmerkt. Aus einer unreifen Citrone lässt sich keine Saft auspressen». Diesterweg's Wegweiser zur Bildung für deutsche Lehrer. Essen 1875, II, 254.

крайнимъ отвращеніемъ и въ которыхъ обыкновенно не замѣтно и слѣдовъ свободы. Изъ незрѣлаго лимона не выжмешь сока».

Подобныя мнѣнія не рѣдкость и въ нашей педагогической литературѣ. «Собственные письменныя изложенія дѣтми того, что они узнали и о чемъ думали, говоритъ Срезневскій, ¹⁸⁾—послѣднее, высшее средство для усвоенія ими ловкости владѣнія языкомъ. Изложенія, или какъ хотите назовите, только, ради Бога, не сочиненія. До сочиненій имъ, можетъ быть, и не дожить. Имъ нужно выучиться не сочинять, а излагать, выражать вѣрно, все ими узнанное и передуманное». Ставъ на указанную точку зрѣнія современной педагогической науки, нетрудно видѣть, какого характера должны быть и тѣ письменныя упражненія нашихъ гимназистовъ, которыя въ «Учебныхъ планахъ» названы «собственными сочиненіями учениковъ по плану, составленному ими самими, безъ участія учителя». Это—упражненія того же репродуктивнаго типа только съ менѣе рѣзкимъ характеромъ. За это намъ ручается не только принципъ современной педагогики, но отрицательно и принципъ современной психологіи. Для того, чтобы всѣ послѣдовательные факты интеллектуальной дѣятельности могли развиваться вполнѣ, необходимо особое упражненіе основныхъ отправленій каждой изъ интеллектуальныхъ фазъ. Другими словами, нужно развивать спеціально каждую способность и развивать всѣ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, т. е. систематически ¹⁹⁾. Признавая за гимназистами ту фазу интеллектуальнаго развитія, въ которой основнымъ отправленіемъ является репродукція, мы должны разумѣть подъ собственными гимназическими сочиненіями только упражненія спеціально репродуктивнаго характе-

¹⁸⁾ Срезневскій: «Объ изученіи роднаго языка»... Русскій Пед. Вѣсти. 1860. т. IV, № 12, стр. 286. Сравни. Буслаева. Ор. Cit. стр. 170: «Ученики сами не въ состояніи писать о такихъ предметахъ, которыхъ они не изучали или не знаютъ, и о такихъ чувствованіяхъ, которыхъ они не ощущали».

¹⁹⁾ Джемсъ Селли: «Основныя начала психологіи», Стр. 46.

ра, развивающія воспроизводительную силу ученика до высшей ея степени и сложности. Зная, что практикуемый въ настоящее время методъ веденія сочиненій имѣетъ въ виду упражнять исключительно, специально, воспроизводительную способность ученика, мы докажемъ его несоотвѣтствіе данной цѣли, если эта цѣль требуетъ продуктивной дѣятельности ученика, и если притомъ репродуктивная дѣятельность не можетъ развить продуктивную. Современная психологія признаетъ, что отдѣльные факты интеллектуальной дѣятельности суть лишь разные виды однихъ и тѣхъ же интеллектуальныхъ отправленій, вслѣдствіе чего упражненіе низшихъ видовъ подготавливаетъ путь къ проявленію высшихъ. Казалось бы поэтому, что упражненіе низшей репродуктивной дѣятельности подготавливаетъ къ проявленію высшую продуктивную дѣятельность. Но было бы ошибочно предполагать, что упражненіемъ однихъ способностей наблюденія (что бываетъ при репродукціи) мы можемъ обезпечить развитіе способностей абстрактнаго мышленія, необходимаго при продуктивной дѣятельности. Для того, чтобы всѣ послѣдовательные факты интеллектуальной дѣятельности могли развиваться, необходимо особое упражненіе основныхъ отправленій каждой фазы этой дѣятельности. Другими словами, нужно развивать специально каждую способность и развивать всѣ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ²⁰⁾. Изъ всего сказаннаго видно, что исключительное упражненіе репродуктивной дѣятельности, какъ основнаго отправленія одной фазы интеллектуальнаго развитія ученика, не можетъ обезпечить развитіе продуктивной способности, какъ основнаго отправленія другой фазы развитія интеллекта, — такъ что если отъ абитуріента для его экзаменнаго сочиненія потребуется продуктивная дѣятельность, то восьмилѣтнее упражненіе его воспроизводительной способности не обезпечиваетъ успѣшность его работы.

²⁰⁾ Джемсъ Селли: Op. Cit. стр. 45—46.

Теперь посмотримъ, не требуетъ ли сочиненіе абитуриента, какимъ оно является по начертанію «Учебныхъ плановъ», продуктивной дѣятельности со стороны автора. Это сочиненіе, какъ извѣстно, должно быть написано языкомъ правильнымъ, чистымъ и точнымъ, изложеніе его должно удовлетворять условіямъ логической связи и послѣдовательности, а содержаніе отличаться естественностью и дѣятельностью мыслей, прямо относящихся къ темѣ. Взятые сами по себѣ всѣ эти качества сочиненія не указываютъ ни на репродуктивность, ни на продуктивность умственной дѣятельности автора: всѣ они могутъ быть въ сочиненіи чисто репродуктивнаго характера, въ простомъ пересказѣ прочитаннаго, но могутъ быть и въ сочиненіи въ высшей степени продуктивнымъ. Въ первомъ случаѣ однако всѣ эти качества сочиненія зависѣли бы только отъ силы памяти автора и никакъ не могли бы, какъ то требуется отъ сочиненія абитуриента «засвидѣтельствовать извѣстную степень умственнаго развитія» автора; во второмъ же случаѣ всѣ эти качества переходили бы въ оригинальность мыслей, полноту содержанія, изящность языка и т. п. — однимъ словомъ, становились бы тѣмъ, чего во все не требуется отъ сочиненія оканчивающаго курсъ гимназиста.²¹⁾ Только при большей или меньшей гармоніи репродуктивной и продуктивной дѣятельности автора отъ сочиненія его должно требовать тѣ качества которыя признаны необходимыми въ «Учебныхъ планахъ».

Практикуемый въ настоящее время методъ веденія ученическихъ сочиненій при выработкѣ изложенія и содержательности этихъ сочиненій въ томъ смыслѣ, который требуется, главную силу свою полагаетъ въ образцахъ. Подражая отличнымъ въ извѣстномъ смыслѣ образцамъ, ученики должны научиться и сами писать если не отлично, то во всякомъ случаѣ удовлетворительно. Но что собственно даетъ для изложенія и содержанія

²¹⁾ «Учебные планы». С.П.Б. 1885 г., стр. 39.

собственной работы начинающаго сочинять ученика тотъ или другой разобранный образецъ? Одно общее представленіе о томъ, что въ сочиненіи долженъ быть порядокъ, что порядокъ этотъ водворяется въ сочиненіи связью и постепенностью его содержанія, и только! Начинающему сочинять мало этого: нужно ему еще умѣть водворить въ своихъ мысляхъ порядокъ ²²⁾. Но умѣнье не мыслимо безъ идеи, или, какъ выражается Бень ²³⁾, безъ умственного типа, побуждающаго найти нѣкоторое выраженіе, имѣющее ту же силу по отношенію къ новому предмету, какую имѣла старая форма къ прежде данному предмету. Ясно, стало быть, что безъ упражненія продуктивной, творческой дѣятельности ученика въ его сочиненіяхъ невозможно достигнуть того, чтобы онъ умѣлъ писать сочиненія. Приучая воспитанника сочинять по образцамъ, мы на лучшій конецъ можемъ добиться лишь того, чтобы онъ умѣлъ находить зависимость данныхъ мыслей, но никакъ не дадимъ ему умѣнья отыскать самому подходящія именно къ данной темѣ мысли. Другими словами, мы своими упражнениями ученика по образцамъ, своимъ «образцовымъ» методомъ можемъ изъ него сдѣлать, даже въ лучшемъ случаѣ, только механика-подражателя, а не механика изобрѣтателя, между тѣмъ какъ дѣльность и естественность мыслей сочиненія, написаннаго безъ даннаго плана, предполагаетъ въ авторѣ именно изобрѣтательность въ отношеніе къ выбору и обоснованію своихъ мыслей. Умѣнье выбрать изъ запаса своихъ свѣдѣній именно наиболѣе важныя, прямо относящіяся къ данной темѣ мысли, умѣнье создать относительную важность и зависимость этихъ мыслей, быть въ состояніи создать даже самыя мысли, все это предполагаетъ въ ученикѣ способность къ творческой самодѣтельности, къ умѣнью создавать новыя, по крайней мѣрѣ для него, комбинаціи мыслей, независимыя ни отъ какого внѣшняго предмета. Съ

²²⁾ Гавриловъ: «Письменные упражненія», 3-е изд. С.-Петербург. 1884 г., стр. 45.

²³⁾ А. Бень: «Психологія». 2-е изд. С.-Петербург. 1887 г. стр. 187.

этимъ, кажется, трудно не согласиться. Не надо только подъ продуктивной дѣятельностью разумѣть, какъ это дѣлалъ напр., Срезневскій, исключительно научное или художественное творчество. Кто только съ нѣкоторымъ пониманьемъ, говоритъ Спенсеръ, слѣдилъ за широко-раскрытымъ глазомъ ребенка, когда онъ смотритъ на окружающіе его предметы, тотъ знаетъ, что воспитаніе начинается уже съ этихъ лѣтъ, независимо отъ того, наблюдаемъ ли мы за нимъ, или нѣтъ; онъ знаетъ и то, что это дотрогиванье и обсасыванье всего, что только попадется подъ руку, что это прислушиванье съ разинутымъ ртомъ, ко всякому звуку—суть только первыя звенья той цѣпи, которая ведетъ къ открытію невидимыхъ планетъ, къ изобрѣтенію машинъ, къ выполненію великихъ произведеній живописи, къ сочиненію симфоній и оперъ ²⁴⁾.

Изъ всего сказаннаго объ отношеніи практикуемыхъ у насъ средствъ къ цѣли, поставленной гимназическимъ сочиненіямъ, обнаруживается несоотвѣтствіе этихъ средствъ данной цѣли. Въ этомъ несоотвѣтствіи, по нашему мнѣнію, и заключается первая, такъ сказать принципиальная ошибка преподаванія русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. Измѣни педагоги свой взглядъ на сочиненія гимназистовъ, руководись они не принципомъ нагляднаго обученія, а принципомъ самостоятельности ученика, перейди они отъ матеріальнаго обученія къ формальному—измѣнится соотвѣтствующимъ образомъ и взглядъ ихъ на преподаваніе теоретической части курса русскаго языка. Изъ показанной коренной ошибки современнаго преподаванія русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ вытекаютъ два частныхъ недостатка, обусловливающихъ еще большую ненормальность этого преподаванія. Прежде всего—при несоотвѣтствіи данныхъ

²⁴⁾ Спенсеръ: «Опыты». Томъ III. С. Петерб. 1866 г. «Умственное, нравственное и физическое воспитаніе». — Стр. 92—93.

средствъ данной цѣли въ дѣлѣ ученическихъ сочиненій невозможна правильная оцѣнка этихъ послѣднихъ: если извѣстная ученическая работа не имѣетъ требуемыхъ отъ нея качествъ, ее все-таки нельзя аттестовать неудовлетворительно, потому что при данномъ методѣ такихъ качествъ и нельзя было выработать; если такое-то сочиненіе ученика даетъ всѣ требуемыя отъ него качества, учитель не въ правѣ цѣнить его удовлетворительнымъ, такъ какъ это сочиненіе явилось такимъ вопреки стараніямъ и расчетамъ учителя. Произвольность оцѣнки русскихъ сочиненій какъ нельзя лучше подтверждается тѣмъ курьёзнымъ разногласіемъ, которое въ данномъ случаѣ происходитъ между такъ называемыми, испытательными комиссіями и окружнымъ начальствомъ ²⁵⁾. Это послѣднее, просматривая сочиненія абитуриентовъ своего округа, находитъ оцѣнку испытательныхъ комиссій слишкомъ щедрою. Такое явленіе происходитъ отъ того, что члены испытательныхъ комиссій, между которыми считаются и два учителя русскаго языка, принимаютъ въ расчетъ преимущественно тѣ средства, которыми ученикъ владѣлъ при исполненіи экзаменной работы, между тѣмъ какъ окружное начальство имѣетъ въ виду прежде всего удовлетворительность сочиненій по отношенію къ требуемымъ отъ нихъ качествамъ. Неопредѣленность и безцѣльность работы, произвольность и даже невозможность правильной ея оцѣнки—все это отталкиваетъ отъ сочиненій и учениковъ, и учителей, болѣе или менѣе знакомыхъ съ этимъ дѣломъ либо по собственному опыту (въ качествѣ бывшихъ учениковъ, членовъ испытательныхъ комиссій и т. п.), либо по наблюденію. Кромѣ учителей русскаго языка задающихъ сочиненія *ex officio*, никто изъ преподавателей (развѣ за весьма рѣдкими исключеніями) другихъ предметовъ не пользуется сочиненіями, не смотря на общепризнанное въ теоріи педагогическое значеніе сочи-

²⁵⁾ См. вышеупомянутый «Отчетъ»...

неній, какъ продукта извѣстнаго «умѣнья» ²⁶⁾, не смотря на предписанія начальства, ²⁷⁾. Вслѣдствіе этого учитель русскаго языка остается изолированнымъ, предоставленнымъ исключительно собственнымъ своимъ силамъ въ достиженіи важнѣйшей цѣли своего преподаванія—научить воспитанниковъ писать сочиненія. Такое положеніе дѣла отзывается очень невыгодно какъ вообще на гимназическомъ нашемъ преподаваніи, такъ и въ особенности на преподаваніи русскаго языка. Если справедливо, что языкъ въ каждомъ возрастѣ жизни есть плодъ совокупнаго образованія всего человѣка, то никакъ нельзя требовать, чтобы учитель отечественнаго языка могъ одинъ дать оное. Онъ не можетъ одинъ поставить учениковъ на ту степень образованія, слѣдствіемъ коей точный и чистый языкъ; а если бы онъ и захотѣлъ, то никакъ не долженъ, ибо языкъ безъ содержанія есть ложь. И могъ ли бы онъ въ два урока на недѣлѣ усовершенствовать учениковъ въ томъ, что портилось бы нерадѣніемъ другихъ учителей въ остальные 28 уроковъ? Или на одномъ сочиненіи въ продолженіе двухъ—трехъ недѣль улучшить слогъ ученика,

²⁶⁾ Das Wissen ist erst dann ein lebendiger, wenn es sich durch eine vielseitige praktische Thätigkeit vermittelt hat, sowie anderseits das Können erst dadurch ein geistiges wird und sich von dem gemeinen Handwerk unterscheidet, wenn es auf einem gründlichen Wissen beruht. Was nun von jedem Theil der Bildung gilt, das gilt, eben so sehr auch von der allgemeinen Bildung auf ihren Entwicklungsstufen». Schmid's Encyclopädie 2-te Aufl. I, s. 282.

²⁷⁾ Существовать особая инструкция преподавателямъ для болѣе правильнаго веденія упражненій въ русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, утвержденная Министромъ 23 іюня 1879 года. «Для усильнаго хода преподаванія русскаго языка въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, говорится въ этой инструкціи, необходимо, чтобы въ преподаваніи этого предмета принимали участіе всѣ учителя безъ исключенія. Всѣ они должны требовать отъ учениковъ, начиная съ пріготовительнаго класса, отвѣтовъ, выраженныхъ полными предложеніями, точно и правильно. Преподаватели же, задающіе какія бы то ни было письменныя работы, должны внимательно исправлять орфографическія и стилистическія ошибки, не пропуская ни одной. Весьма желательно устройство литературныхъ бесѣдъ съ участіемъ въ нихъ учебнаго начальства и по возможности всѣхъ преподавателей, съ тѣмъ, чтобы предметомъ ихъ были сочиненія не только по русской словесности въ тѣсномъ смыслѣ, но и по всѣмъ другимъ предметамъ гимназическаго курса».

когда въ теченіе того же времени двадцать другихъ письменныхъ упражненій увлекають его въ противоположныя направленія? ²⁸⁾). Такъ какъ въ гимназій всѣ учителя совокупными силами стремятся дать ученикамъ общее образованіе, то они непремѣнно должны помогать другъ-другу. Какъ учитель отечественнаго языка иногда по необходимости входитъ въ области преподаванія другихъ учителей, ибо языкъ есть выраженіе всякой духовной дѣятельности человѣка, такъ и прочіе учителя должны помогать въ образованіи отечественнаго дара слова не только изустными упражненіями, но и письменными. Для учителей древнихъ языковъ пусть ученики переводятъ письменно классическихъ писателей, для учителей новыхъ языковъ—французскихъ и нѣмецкихъ классиковъ; да не такъ, какъ это весьма часто дѣлается: т. е. учителя чужихъ языковъ смотрятъ въ переводѣ только на то, понялъ ли ученикъ автора, а какъ выразился по-русски, о томъ имъ и горя мало. Прочіе учителя тоже должны задавать гимназистамъ письменныя упражненія, даже учитель математики, разумѣется только изъ физики. Учителя исторіи и географіи, задавая письменныя упражненія, сами увидятъ, сколько принесутъ ученикамъ пользы: до сихъ поръ они только обогащаютъ ихъ память, посредствомъ же сочиненія предметы ихъ преподаваній войдутъ живительнымъ элементомъ въ общее духовное образованіе ученика, въ воспитаніе его характера. Обыкновенно говорятъ, что учитель отечественнаго языка оказываетъ самое сильное вліяніе на нравственное направленіе ученика. И дѣйствительно, такое мнѣніе останется правдою до тѣхъ поръ, пока онъ одинъ будетъ упражнять учениковъ въ сочиненіяхъ ²⁹⁾.

²⁸⁾ Буслаевъ: *Op. Cit.* Стр. 70—71.

²⁹⁾ Буслаевъ: *ib.* Стр. 175—6.

II.

«Вообще я подозреваю, что на дѣтей производить большое впечатлѣніе то, чего они не могутъ понять, и потому многіе совершенно ошибочно поддаются въ книгахъ къ пониманію дѣтей; по моему, слѣдуетъ только указать имъ дорогу, и пусть они сами выбираются изъ лабиринта».

Вальтеръ Скоттъ.

Выше было сказано, что неудовлетворительность современнаго преподаванія русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ главнымъ образомъ зависитъ отъ несоотвѣтствія данныхъ средствъ данной этому преподаванію цѣли. Устранить такое несоотвѣтствіе, очевидно, возможно двумя путями: приспособивъ цѣль къ средствамъ или средства къ цѣли. Выборъ одного изъ этихъ двухъ способовъ прежде всего зависитъ отъ большаго или меньшаго его соотвѣтствія тому педагогическому принципу, который обусловливаетъ самое существованіе русскаго языка, какъ учебнаго предмета, въ среднееучебномъ заведеніи. Поэтому спрашивается, въ чемъ же именно признается педагогическая цѣнность роднаго языка для гимназій? «Преподаваніе роднаго языка, говоритъ Гротъ ³⁰, составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ педагогики. По другимъ отраслямъ знанія преподаватель имѣетъ въ рукахъ своихъ матеріалъ готовый, очерченный опредѣленными границами, вопросъ только въ томъ, какъ лучше передать этотъ матеріалъ. Напротивъ, въ отношеніе къ родному языку надобно напередъ опредѣлить, что именно должно служить предметомъ преподаванія. Оттого-то обученіе родному языку оставляетъ преподавателю болѣе произвола, нежели всякая другая отрасль знаній и требуетъ

³⁰⁾ Гротъ: «Филологическія Разысканія». 3-е изд. С.-Петербург. 1885 г.
Т. I, 520 стр.

отъ него соединенія весьма многихъ условій». Родной языкъ такимъ образомъ, повидимому, не можетъ имѣть особой педагогической цѣнности: его предметъ отличается неопредѣленностью, способъ его преподаванія не поддается достаточному контролю и болѣе или менѣе зависитъ отъ произвола каждаго отдѣльнаго учителя. Однимъ словомъ, онъ не имѣетъ, какъ говорятъ, «выгодъ объективности преподаваемого предмета». Объяснять фактъ преподаванія отечественнаго языка въ гимназіяхъ какою-нибудь утилитарною цѣлью было бы несогласно со взглядомъ современной педагогики на задачи средняго образованія ³¹⁾).

«Не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человѣкъ»: его духовную пищу составляютъ не только впечатлѣнія и ощущенія прямо связанныя со внѣшнимъ, объективнымъ для него міромъ, онъ имѣетъ, помимо реальныхъ, идеальныхъ сокровища. Часто говорятъ, что умственные способности можно образовать на какомъ хочешь предметѣ. Но такое мнѣніе совершенно несправедливо: это все равно, что сказали бы, будто всякое общество образуетъ юношу, не только сообщество съ людьми необразованными, но даже съ лошадьми и собаками. Нѣтъ, духъ образуется только посредствомъ духовнаго; впрочемъ этимъ не отвергается и природа физическая, какъ предметъ образующій, если будемъ понимать подъ ней не безсвязную груду фактовъ, а органическое всецѣлое созданіе Божіе, проникнутое тѣмъ же творческимъ духомъ, какъ и нравственный міръ. Нѣтъ однако ни малѣйшаго сомнѣнія, говоритъ г. Буслаевъ ³²⁾, что изученіе языковъ и литературы всего короче и дружнѣе сближаетъ учащихся съ міромъ духовнымъ, нечувствительно возводя ихъ отъ конкретнаго къ отвлеченному и открывая имъ необозримое поле

³¹⁾ Schmid's Encyclopädie. II. 1-te Aufl. стр. 261. Статья Baur'a о воспитаніи.

(³² Буслаевъ: Op. Cit. стр. 26—7.

для дѣятельности всѣхъ нравственныхъ силъ ихъ. Человѣкъ не изобрѣталъ, не составлялъ слова. Слово нераздѣльно съ его существомъ, съ духомъ, вложеннымъ въ него отъ Бога; это голосъ сознающаго разума, даннаго свыше. Слово явилось вмѣстѣ съ человѣкомъ. Оно есть живущее, выразившееся сознание; оно неотдѣлимо отъ сознанія, какъ сознаніе неотдѣлимо отъ человѣка. Слово и человѣкъ — одно ³³⁾. «Человѣкъ есть «органъ» мысли: это верховнѣйшее изъ его преимуществъ, «долгъ» его, злополучіе и благо. Но прежде, чѣмъ мысль, черезъ этотъ органъ войдетъ въ исторію, сдѣлается «поступкомъ» или созданіемъ преднамѣреннымъ, она должна создаться сама, должна удовлетворить закону своего происхожденія и бытія, независимо ни отъ какого приложенія. Этотъ то великій актъ самообразованія мысли въ насъ, въ нашемъ сознаніи, это низведеніе безконечнаго духовнаго элемента въ предѣлы пространства и времени, слѣдовательно, въ предѣлы дѣйствительности, совершается нами единственно помощью слова — и мы чрезъ слово дѣлаемся людьми, т. е. существами мыслящими прежде, чѣмъ общество уснѣетъ изъ насъ сдѣлать новыхъ особенныхъ людей, смотря по своимъ нуждамъ или страстямъ. Съ нимъ и навсегда каждый изъ насъ остается человѣкомъ болѣе, чѣмъ со всѣми другими формами жизни и дѣятельности» ³⁴⁾.

Изъ всего сказаннаго ясно, что педагогическая цѣнность роднаго языка состоитъ въ непосредственной близости его явленій къ явленіямъ духа воспитанника, къ его умственной дѣятельности. Весь нашъ мыслительный процессъ, руководимый внутреннею врожденною ему силою идеи, состоитъ только изъ тѣхъ элементовъ, которые были восприняты нами изъ внѣш-

³³⁾ К. С. Аксаковъ: Полное собраніе сочиненій. Т. III-й. Москва. 1880 г., стр. 1.

³⁴⁾ А. Никитенко: «Опытъ исторіи русской литературы». С.-Петербург. 1845 г. стр. 6—7.

няго міра. Идея принадлежитъ нашему духу; но матеріала для работъ и выраженія этой идеи нѣтъ другого, кромѣ того, что даетъ ви́шній, видимый, ощущаемый міръ. Весь нашъ языкъ проникнутъ этими вліяніями ви́шняго матеріальнаго міра ³⁵). Но ни въ одномъ явленіи присущая человѣческому духу идея не выражается такъ непосредственно, не работаетъ съ такой силой, какъ въ родномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого преподаваніе отечественнаго языка отличается идейностью, чисто-дѣятельнымъ, творческимъ характеромъ и сводится въ концѣ концовъ къ сообщенію ученикамъ извѣстнаго умѣнья. Отсюда ясно, что методъ подобнаго преподаванія долженъ состоять не въ систематизаціи средствъ—какъ это дѣлаетъ «образцовый методъ сочиненій», а въ систематизаціи выработки самыхъ средствъ къ достиженію извѣстныхъ цѣлей—какъ это долженъ дѣлать «идейный методъ». Но дѣятельность, въ которую, какъ въ словесную дѣятельность, замѣшаны умственные процессы, немыслима безъ идеала; онъ ставитъ ей цѣль и даетъ норму; отрицая идеалъ, мы отрицаемъ дѣятельность въ принципѣ. Каковъ же идеалъ преподаванія русскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ? Не нахожу лучшей характеристики этого идеала, чѣмъ та, которую даетъ академикъ Срезневскій ³⁶).

«Надо начать, говорить онъ, всѣмъ, кто еще не началъ, наблюдать надъ учащимися—въ равновѣсіи ли ихъ представленія и думы ума со средствами для ихъ выраженія словами,—помогать имъ искать и находить слова и выраженія,—помогать имъ сводить думы въ правильныя связи выраженій, правильныя не по приговорамъ логики схоластической, а по внушеніямъ живой логики роднаго языка, безъ сомнѣнія, всегда неизмѣнно соображаясь съ силами возраста учащихся. Надо приу-

³⁵) Ушинскій: «Руководство къ преподаванію по Родному Слову». Часть I, стр. 27.

³⁶) Срезневскій: «Объ изученіи роднаго языка». Рус. Шк. Вѣстн. 1860 г. Т. IV, № XI, стр. 173—4.

чить учащихся, во-первыхъ, думать опредѣленно, т. е. словами, и слѣдовательно искать и находить слова и выраженія годныя, задумываться надъ словами и выраженіями, даже надъ оттѣнками смысла въ нихъ заключающимися и возможными; во-вторыхъ, думать послѣдовательно и опять опредѣленно, т. е. правильными сочетаніями словъ—не по мертвому навыку и не по правиламъ схоластики, а по законамъ языка, слѣдовательно вникать въ нихъ разумомъ, задумываться надъ связями словъ, надъ словесными изображеніями связей мыслей. Приучая къ этому, надо вести дѣло постепенно отъ простаго къ сложному, отъ понятнаго къ тому, что можетъ быть понято». Дѣтей слѣдовало бы вести такъ, чтобы они дѣлали свои собственные изслѣдованія и свои собственные выводы. Имъ слѣдовало бы говорить по возможности меньше и наводить ихъ на открытія по возможности больше. Люди, воспитанные среди обыкновенныхъ школьныхъ приемовъ и предполагающіе, что воспитаніе возможно только въ такомъ именно духѣ, подумаютъ, что нѣтъ надежды на то, чтобы дѣти были себѣ собственными учителями. Но если они посмотрятъ на познаніе окружающихъ предметовъ, которое ребенокъ пріобрѣтаетъ въ первые годы жизни безъ всякой помощи; если вспомнятъ, что всякій ребенокъ бываетъ самоучкой въ дѣлѣ родного языка; если оцѣнятъ всю массу опытности жизни, этой мудрости, пріобрѣтаемой мальчикомъ собственными средствами, внѣ школы; если дадѣе они подумаютъ о массѣ умовъ, которые безъ всякой помощи вели успѣшную борьбу не только съ тайнами нашей нерациональной системы, но и съ кучею другихъ препятствій,—если обдумаютъ все это, они не найдутъ неразумнымъ наше замѣчаніе, что если только предметы будутъ представлены въ должномъ порядкѣ и въ должной формѣ, любой ученикъ съ самыми обыкновенными способностями осилитъ послѣдовательныя трудности при весьма незначительной помощи. Индивидуальная, независимая дѣятельность ученика гораздо важнѣе обычной хлопотливой услужливости людей, присвои-

вающихъ себѣ должность воспитателей ³⁷⁾. А между тѣмъ именно эта «хлопотливая услужливость» и составляетъ характерную черту современной нѣмецкой педагогики, служащей для насъ образцомъ, къ сожалѣнію черезчуръ во многихъ отношеніяхъ. Правда, самодѣятельность учащагося—главная идея современной нѣмецкой педагогики; только она слишкомъ заботится объ этой самодѣятельности, слишкомъ много копается въ человѣческой душѣ, мало предоставляет собственнымъ силамъ человѣка и тѣмъ разстраиваетъ свои планы ³⁸⁾. Это, такъ сказать, объективизація и механизированье умственныхъ процессовъ ученика чрезвычайно ясно выступаетъ въ дѣлѣ веденія ученическихъ сочиненій. Весьма естественно, что ученики, даже высшихъ классовъ гимназій всегда въ большомъ затрудненіи найти тему, собрать матеріалы и расположить ихъ. Потому многіе учителя, задавъ тему, разсуждаютъ о ней съ учениками въ продолженіе цѣлаго урока; ученики изъ собственныхъ соображеній и словъ учителя набираютъ матеріалы и приводятъ ихъ въ нѣкоторый порядокъ, на слѣдующій урокъ приносятъ письменное расположеніе, и потомъ уже готовятъ сочиненіе. Для упражненія подобнаго рода есть даже особыя руководства. Надобно замѣтить, что подобныя руководства разжевываютъ все, такъ что ученикамъ ничего не остается дѣлать, какъ глотать. Такое разжевыванье для человѣка, имѣющаго, подобно гимназисту, уже собственные зубы, является совершенно лишнимъ и даже стѣснительнымъ: онъ будетъ затрудненъ даже въ самомъ глотаніи. Главнѣйшіе недостатки подобнаго способа веденія сочиненій суть слѣдующіе: 1) сочиненія, исполненныя этимъ способомъ, будутъ весьма скудны содержаніемъ, такъ что ученикъ или только перифразируетъ то, что слышалъ въ классѣ, или же канву сочиненія, данную учителемъ, разведетъ пустою бол-

³⁷⁾ Спенсеръ: Op. Cit. стр. 89, 90, 114.

³⁸⁾ Ушинскій: Собраніе педагогическихъ сочиненій. С.-Петербург. 1875 г. стр. 86, примѣч.

товнею: обыкновенно бываетъ послѣднее, особенно съ учениками прилежными. Казалось бы, здѣсь больше выгодъ на сторонѣ расположенія; но при бѣдности содержанія, расположеніе будетъ тощею и безжизненною формальностью, которая приучитъ только къ педанству и къ суетному, бездѣльному мышленію, безъ знанія и опытности. Мышленію, какъ огню, нужна пища, иначе оно будетъ потѣшнымъ огнемъ. И въ отношеніе слога, или выраженія, такія задачи бесплодны: ибо уста говорятъ истинно и краснорѣчиво только отъ преизбытка мыслей и чувствованій. Здѣсь же дѣти научатся только натянутымъ, педантическимъ, напыщеннымъ фразамъ, чахлому и безжизненному представленію ³⁹⁾). Нѣсколько рѣзко, но совершенно справедливо Спенсеръ замѣчаетъ ⁴⁰⁾: «что необходимость въ постоянныхъ и обильныхъ объясненіяхъ происходитъ отъ глупости педагоговъ, а не ребенка». Мы отвлекаемъ его вниманіе отъ фактовъ, которые интересуютъ его, и которые онъ дѣятельно усваиваетъ собственными силами. Мы даемъ ему факты слишкомъ сложные для его пониманія, и потому они не нравятся ему. Такимъ образомъ, отказывая ему въ знаніи, въ которомъ онъ чувствуетъ потребность, и давая знаніе, котораго онъ не можетъ переварить, мы доводимъ его способности до болѣзненнаго состоянія и поражаемъ въ немъ отвращеніе къ знанію вообще. А потомъ, когда ребенокъ ничего не можетъ понимать безъ объясненій и становится чисто пассивнымъ пріемникомъ нашего обученія—частію оттого, что мы сами вызвали эту тупую лѣность, частію оттого, что ученіе все еще не подходитъ къ нему, мы заключаемъ, что воспитаніе должно быть необходимо ведено именно такимъ путемъ. Сами мы породили беспомощность своимъ методомъ, а говоримъ потомъ, что методъ необходимъ, потому что существуетъ эта беспомощность.

³⁹⁾ Буслаевъ: *Op. Cit.*, стр. 170—1.

⁴⁰⁾ Спенсеръ: *Op. Cit.*, стр. 90.

Такъ-ли? Ужели не такъ? Внутри себя не колеблясь говорю: такъ, непременно такъ; но выражая свою увѣренность громко другимъ—сознаюсь откровенно, чувствую что-то въ родѣ страха: не вижу ли я мертваго навыка тамъ, гдѣ его нѣтъ? не вооружаюсь ли противъ схоластики напрасно, тогда какъ бы долженъ былъ съ признательностью слѣдовать ея указаніямъ? И все-таки внутренний голосъ говоритъ мнѣ: нѣтъ! Изученіе языка не должно ни начинаться, ни продолжаться такъ, какъ оно ведется пока еще многими. Не разомъ, конечно, а мало по малу, но оно измѣнится совершенно. Почти не будетъ того, что теперь есть, и будетъ то, чего теперь почти нѣтъ. Рядомъ частныхъ попытокъ, все болѣе удачныхъ, дойдутъ, наконецъ, до приемовъ вполне сообразныхъ съ требованіями природы ⁴¹⁾,— мало этого, съ требованіями собственно русской природы, русскаго слова. А русская природа и русское слово отличаются высочайшею оригинальностью. Тютчевъ, который по словамъ Ив. Сер. Аксакова ⁴²⁾, былъ не только самобытный глубокий мыслитель, не только своеобразный истинный художникъ—поэтъ, но и одинъ изъ малаго числа носителей, даже двигателей нашего русскаго, народного самосознанія, даетъ, какъ намъ кажется, чрезвычайно глубокомысленную и вѣрную характеристику оригинальности Россіи:

«Умомъ Россію не понять,

Аршиномъ общимъ не измѣрить;

У ней особенная статья—

Въ Россію можно только вѣрить.

Ю. Верещагинъ.

(Окончаніе будетъ).

⁴¹⁾ Срезневскій «Объ изученіи роднаго языка»... loco cit. стр. 174.

⁴²⁾ И. С. Аксаковъ: «Биографія Федора Ивановича Тютчева». Москва. 1886 г. стр. 6.

¹⁰⁾ Грешенствинъ «Объясненіи полнаго смысла»... 1860 гл. VII 174

а) Н. С. Агасов, «Биогеография Горного Кавказа», Издательство ИГиГ АН СССР, Москва, 1964.

(Продолженіе).

VIII. Ворона и лисица (Крылова). Басня эта написана въ 1808 г.

1. Читается басня на урокъ; объясняются слова:

а) Ель—хвойное дерево (подчиненіе вида роду).

б) Взгромоздилась—громоздко, тяжело и высоко сѣла.

в) „Сырѣ плѣнилъ“, т. е. сырѣ очень понравился, какъ будто взялъ ее въ плѣнъ. Въ нашемъ объясненіи—сравненіе, значить—„плѣнилъ“, это метафора.

г) „Говорить сладко“. Сладкое—пріятно на вкусъ; слова, пріятныя для слуха, названы сладкими—сдѣлано перенесеніе, метафора: Пріятное на вкусъ сладко.

Пріятное для слуха....

д) Голубѣ, голубка, голубушка—ласковая, хорошая птица; мы, обыкновенно, это названіе переносимъ на людей, лисица перенесла его на ворону это—метафора.

е) Свѣтъ, свѣтикъ пріятенъ для глазъ; мы это названіе переносимъ на людей, желая выразить, что они такъ пріятны для насъ, какъ свѣтъ; слово свѣтикъ, какъ ласкательное, переносится на ворону—это тоже метафора.

ж) „Ангельскій голосокъ“ долженъ бы быть у Ангела; здѣсь перенесенъ на ворону.

з) Царемъ бываетъ человѣкъ; перенесено на ворону.

и) Голова кружится, напр., отъ болѣзни, тогда человѣкъ теряетъ сознаніе. Ворона отъ радости не видитъ хитрости лисицы, какъ будто у ней закружилась голова.

і) Чья голова закружилась?—Вѣщунына. Народъ думаетъ, что, если каркаетъ ворона, то предвѣщаетъ что-нибудь дурное, поэтому называетъ ее „вѣщуньей“, т. е. вѣстницей: вѣщунына голова—голова вороны.

к) Когда кто-нибудь испугается, очень обрадуется, то тяжело дышитъ, дыханіе спирается, задерживается; отъ радости у вороны въ зобу дыханіе сперло.

л) Зобъ помѣщается у горла птицы, похожъ на мѣшокъ.

м) Привѣтливый—ласковый.

2. Идея получается черезъ обобщеніе: хитрая лисица

лѣстятъ воронѣ и овладѣваетъ сырѣмъ; выходитъ: всѣ хитрые лѣстцы, хваля глупцовъ, достигаютъ своей цѣли, — получаютъ выгоду. Эту идею Крыловъ выразилъ такъ: „въ сердцѣ лѣстецъ всегда отыщется уголокъ“.

3. Оцѣнка дѣйствій. Хорошо-ли поступаетъ лисица? — „Лестъ гнусна, вредна“, говоритъ Крыловъ; съ этимъ многіе согласны, объ этомъ много разъ „твердили міру, но только все не въ прокъ“. Почему же не въ прокъ? — На это отвѣчаетъ пословица: „На всякаго мудреца довольно простоты“, т. е. глупости. Кто въ баснѣ мудрецъ и кто простъ?

4. Анализъ образовъ. Почему здѣсь представлена ворона, а не другая птица? — Отвѣтъ на это во II-й статьѣ „Ворона и ракъ“. — Почему представлена лисица, а не другой звѣрь — отвѣтъ найдется въ сказкѣ „Лисичка-сестричка и волкъ“ и въ описаніи лисицы (VI и VII ст.).

5. Сопоставленіе. На какую сказку похожъ этотъ разсказъ? — На сказку „Ворона и ракъ“. — Въ чемъ между ними сходство? — „Въ сердцѣ лѣстецъ всегда отыщется уголокъ“.

Разница: а) Что сдѣлала лисица, отыскивая уголокъ въ сердцѣ вороны? — Она похвалила ворону. — Что дѣлаетъ ракъ? — Сначала хвалитъ братьевъ, сестеръ, мать, отца. — Достигъ-ли онъ этимъ своей цѣли? — Нѣтъ. — Что потомъ онъ догадался сдѣлать? — Похвалилъ ворону. — Съ этого ему и слѣдовало бы начать. Кто же оказался хитрѣе — лисица или ракъ?

б) Имѣлъ-ли какое-нибудь право такъ поступать ракъ? А лисица?

в) Кто разсказываетъ сказку „Ворона и ракъ“? — Народъ. — Вѣрить-ли народъ тому, что ворона и ракъ могутъ говорить? (Отвѣтъ во II ст.). А Крыловъ, разсказывая про ворону и лисицу, вѣрить-ли, что онѣ могутъ говорить?

г) Разница еще болѣе опредѣлится изъ разсмотрѣнія происхожденія (генезиса) сказки и басни.

Генезисъ сказки. Народъ замѣчаетъ, что случается съ животными и разсказываетъ по-своему — именно —

о животныхъ: ему представляется, что животныя говорятъ и поступаютъ, какъ люди.

Генезисъ басни. Крыловъ замѣтилъ, что бываетъ у людей, объ этомъ и рассказываетъ. Онъ замѣтилъ, что хитрые люди льстятъ, другіе — глуповатые — слушаютъ; замѣтилъ, что у глуповатыхъ людей „въ сердцѣ льстецъ всегда отыщется уголокъ“. Объ этомъ Крыловъ и рассказалъ, только льстеца онъ представилъ лисицею, а глуповатаго человека — вороною. Это называется аллегоріей. Аллегорія — слово греческое, значитъ „иносказаніе“. Крыловъ одни предметы подразумѣвалъ, а о другихъ сказывалъ; говорилъ о воронѣ и лисицѣ, а подразумѣвалъ людей. Такія сочиненія называются баснями, а не сказками. Кто читаетъ басню, тотъ понимаетъ, что въ ней „кошку бьютъ, а невѣсткѣ намѣтку даютъ“; съ кѣмъ случалось такъ, какъ съ вороною и лисицею, тотъ понимаетъ, что въ баснѣ говорится и о немъ: „знаетъ кошка, чье мясо съѣла“, „на ворѣ и шапка горитъ“. Если же человекъ пойметъ, что худо онъ дѣлаетъ, то научится быть умнѣе: въ баснѣ есть нравоученіе. Выказано-ли оно прямо?

Индукція. а) Въ сказкѣ рассказывается о жизни животныхъ. б) Въ баснѣ рассказывается о жизни людей. в) Въ баснѣ есть аллегорія и нравоученіе.

6. Примѣненіе. Чему вы научились изъ этой басни?—Если насъ кто нибудь хвалитъ, то нужно подумать, правду-ли онъ говоритъ, заслужили-ли мы эту похвалу. Если окажется, что мы не заслуживаемъ похвалы, то значитъ—намъ льстятъ: можетъ быть, „кукушка хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку“; можетъ быть, этотъ человекъ хочетъ обмануть насъ, какъ обманула лисица. Узнаемъ, что „лестъ гнусна, вредна“—не будемъ слушать и сами не будемъ льстить.

7. Стихи скандуются, размѣръ обозначается схематически; стихи написаны ямбомъ.

Грамматика. 8. „Ворона позавтракать—было совсѣмъ ужъ собралась, да позадумалась, а сыръ во рту держала“. Это слитное предложеніе составлено изъ трехъ:

а) Ворона позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась.

б) Ворона призадумалась.

в) Ворона сыръ во рту держала.

Какъ слиты предложенія? Общее подлежащее употреблено однажды, а не трижды—выходить: Ворона позавтракать было совѣмъ ужь собралась, позадумалась, сыръ во рту держала. Сопоставляя это предложеніе съ первымъ, найдемъ, что тамъ между первымъ и вторымъ предложеніемъ вставлено связывающее слово „да“ (частица), между вторымъ и третьимъ—слово „а“ (тоже частица).

Индукція. Слова, соединяющія предложенія, называются союзами.

Дедукція. Найти союзы во всей баснѣ и въ слѣдующихъ предложеніяхъ: Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.—То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.—Бдешь на день, а бери хлѣба на недѣлю.—Печальная береза у моего окна и прихотью мороза разубрана она.—Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша. Нарушить между этими предложеніями связь, сдѣлать ихъ отдѣльными. Соединить союзами по-парно слѣдующія предложенія: Братъ пошелъ домой—я остался дома. Меньше говори—больше дѣлай. Составить одно слитное предложеніе изъ четырехъ: Соболь бѣжитъ. Куница бѣжитъ. Соболь дрожитъ. Куница дрожитъ.

9. Склоненіе слова „Ворона“.

Единственное число.

И. Ворона позадумалась.

Р. У вороны былъ во рту сыръ.

Д. Къ воронѣ подошла лисица.

В. Лисица смотритъ на ворону.

Т. Лисица заговорила съ вороною.

П. Въ баснѣ рассказано о воронѣ.

Множественное число.

И. Вороны некрасивы.

Р. У воронъ непріятный голосъ.

Д. Къ воронамъ нетрудно подойти близко.

В. Про воронъ рассказывается и въ сказкахъ и басняхъ.

Т. Въ басняхъ подъ воронами подразумѣваются люди.

П. На воронахъ некрасивыя перья.

Выдѣлить склоняемое существительное изъ предложеній; отдѣлить окончанія въ особую таблицу, которую будемъ называть первою.

Во всѣхъ данныхъ предложеніяхъ, кромѣ двухъ, при склоняемомъ существительномъ мы замѣчаемъ неизмѣняемыя слова: у, къ, на, съ и проч. При этихъ словахъ можно ставить вопросы падежей: у кого? у чего? къ кому? къ чему? на кого? на что? и проч. Такія слова называются предлогами. Предлогъ требуетъ косвеннаго падежа; чтобы узнать, какого именно, нужно при предлогѣ поставить вопросъ падежа.

Сопоставленіе. Слалъ — послалъ, завтракать — позавтракать, брала — собралась, думала — задумалась — позадумалась, становилъ — остановилъ, ходитъ — подходитъ.

Индукція. Предлоги могутъ стоять и предъ глаголами — тогда они пишутся слитно и называются приставками.

Указать приставки въ глаголахъ: уходитъ, присѣсть, добѣжать, выбѣжать, перебѣжать, взгромоздилась, рассказывать, вскружилась (вм. возкружилась). Предлоги: „вы“, „пере“, „воз“, „раз“ — никогда не пишутся отдѣльно.

11. Сопоставленіе. Громоздилась, т. е. гдѣ-то.

Взгромоздилась, т. е. куда-то, на верхъ.

Ходитъ, т. е. гдѣ-то.

Восходитъ, т. е. на верхъ чего-то.

Входитъ, т. е. внутрь.

Сходитъ.

Переходитъ.

Доходитъ.

Индукція. Приставка можетъ указывать на мѣсто.

Анализъ. „Ворона взгромоздилась на ель“. Существительное съ предлогомъ „на ель“ обозначаетъ мѣсто точнѣе, чѣмъ приставка.

Индукція. Отдѣльныя объяснительныя слова, означающія мѣсто, называются обстоятельными мѣста.

Дедукція. Указать въ баснѣ обстоятельства мѣста.

Сопоставленіе. Думала.

Позадумалась) т. е. немного.

Призадумалась) т. е. немного.

Надумалась, т. е. много, вдоволь.

Индукція. Приставка можетъ показывать, какъ дѣйствіе происходитъ—мало или много его.

Анализъ. Любопытствуетъ, т. е. охотно разузнаетъ.

Хмурится—смотреть сердито, печально. Бычится—смотреть быкомъ, косо, сердито.

Ворона каркнула, т. е. однажды и быстро.

Ворона каркивала, т. е. много разъ.

Индукція. Глаголы, означая дѣйствіе, въ то-же время могутъ показывать, какъ или сколько разъ оно происходитъ.

„Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ“. Здѣсь обозначено, какъ дѣйствіе совершается, отдѣльными словами: „на цыпочкахъ“. Отдѣльныя объяснительныя слова, показывающія, какъ или сколько разъ совершается дѣйствіе, называются обстоятельственными образами.

Обозначить однимъ словомъ и дѣйствіе и образъ дѣйствія: Тихо идетъ (плетется, тащится), сильно кричитъ (оретъ), ярко свѣтитъ (сіяетъ), сильно горитъ (пылаетъ), слабо горитъ (тлѣетъ, теплится), много разъ ходилъ (хаживалъ), одинъ разъ постучалъ (стукнулъ).

Анализъ. Отъ радости въ зобу дыханье сперло.—Вѣщунья съ похвалъ вскружилась голова. „Отъ радости“ и „съ похвалъ“—показываетъ, отчего произошло дѣйствіе, причину дѣйствія. Такія слова называются обстоятельственными причинами.

Ворона сѣла на дерево позавтракать. „Позавтракать“ показываетъ, зачѣмъ или съ какою цѣлью сѣла ворона? Такія объяснительныя слова называются обстоятельственными цѣли.

Найти всѣ обстоятельственныя слова: вспомни время свое, какъ катилось оно по полямъ и лугамъ, золотою рѣкою, со двора и гумна, по дорожкѣ большой, по селамъ, городамъ, по торговымъ людямъ, и какъ двери ему растворялись вездѣ, и въ почетномъ углу было мѣсто твое.—Стану цѣлый день молиться, по начамъ гадать.—Степь раздольная

далеко вокругъ, широко лежитъ. — Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный въ колыбель твою. — Мартышка тутъ съ досады и печали о камень такъ хватила ихъ, что только брызги засверкали. Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица за водой поутру шла. Указать обстоятельственные слова неизмѣняемыя.

12. Систематизація. Члены предложенія: подлежащее, сказуемое, опредѣленіе, дополненіе, обстоятельства мѣста, времени, образа, причины и цѣли, обращеніе.

Части рѣчи: имя существительное, имя прилагательное, мѣстоименіе, глаголь, нарѣчіе, предлогъ и союзъ. Какія части рѣчи склоняются, спрягаются? Какія не измѣняются?

Списываніе этой басни можно раздѣлить на нѣсколько разъ, усложнивъ работу дедуктивными задачами, которыя указаны въ разработкѣ этой статьи.

Нами данъ образецъ склоненія сначала женскаго рода въ виду того, чтобы было можно видѣть самостоятельное окончаніе въ винительномъ падежѣ. Ученики, начиная со склоненій существительныхъ мужскаго рода, привыкаютъ къ тому, что винительный падежъ сходенъ съ именительнымъ или родительнымъ, а потомъ это правило, не задумываясь, прилагаютъ и къ женскому роду. Другой мотивъ — сближеніе русской грамматики съ латинскою и греческою — имѣетъ мѣсто въ классической гимназій. Склоненіе въ предложеніяхъ пріучаетъ опредѣлить падежи не по внѣшнимъ признакамъ (по окончаніямъ), а по связи съ другими словами; это имѣетъ особую важность въ учебныхъ заведеніяхъ съ инородческимъ элементомъ: теоретическое изученіе соединяется съ практическимъ; для русскихъ облегчается изученіе управленія словъ.

Грамматическія упражненія при этой баснѣ, сравнительно, велики; но, во-первыхъ, предполагается въ ученикахъ знакомство со всѣмъ этимъ матеріаломъ въ приготовительномъ классѣ, только въ иной формѣ; во-вторыхъ, слѣдующая сказка возьметъ очень мало времени, поэтому часть урока можно удѣлить для басни; въ-третьихъ, письменныя упражненія, примыкающія къ баснѣ, могутъ быть растянуты на все время разработки басни.

IX. Мужикъ, медвѣдь и лиса (народная сказка).

1. Сказка читается учениками на дому; ученики должны сдѣлать попытку выдѣлить элементы.

2. Дѣйствительные факты: а) мужику приходится по-неволѣ дѣлиться съ медвѣдемъ: извѣстно, что медвѣдь часто опустошаетъ посѣвы, является вражда, при чемъ человѣкъ подвергается опасности, отъ которой избавляется иногда нехитрою выдумкой. б) Одни звѣри, какъ медвѣдь, лишаются жизни по глупости; другіе, какъ лисица, идутъ на приманку. в) Человѣкъ преслѣдуетъ даже тѣхъ звѣрей, которые ему полезны.

3. Для нравственной оцѣнки дѣйствій предлагаются вопросы: виноватъ-ли мужикъ передъ медвѣдемъ? справедливо-ли онъ поступилъ съ медвѣдемъ? съ лисою? можно-ли чѣмъ-нибудь оправдать этотъ поступокъ?

4. Обобщеніе. Человѣкъ постоянно борется съ животными.

Полезно обобщеніе это принять за тему и потомъ развить ее, низводя общее къ тѣмъ частностямъ, которыя встрѣчаются въ сказкѣ. Этимъ упражненіемъ ученики приучаются развивать всякую тему. Дѣло представляется такъ: въ темѣ—„Человѣкъ постоянно борется съ животными“—три понятія: а) человѣкъ, б) постоянная борьба, в) животное. Разложивъ для себя тему на понятія, учитель занимается каждымъ изъ нихъ отдѣльно.—Спрашивается: что вы изъ сказки узнаете о человѣкѣ?—Этотъ человѣкъ—мужикъ, сѣетъ рѣпу и т. д.—Что вамъ извѣстно о борьбѣ человѣка съ животными?—Мужикъ дважды обманываетъ медвѣдя, подвергается опасности и т. д.—О какихъ животныхъ и что узнали изъ сказки?—Узнали о медвѣдѣ и лисѣ. Медвѣдь сѣетъ рѣпу и т. д.

Это же упражненіе дастъ возможность учителю опредѣлить со временемъ различіе между прозой и поэзіей: данное нами обобщеніе—прозаическій способъ выраженія; низведеніе общаго къ частностямъ—поэтической способъ, т. е. поэтъ, напр., вмѣсто перечисленія общихъ признаковъ всѣхъ скупцовъ, по-

называетъ намъ одного конкретнаго скупца; вотъ почему обобщенію у меня отводится такое видное мѣсто: обобщеніемъ частный случай возводится въ общій фактъ, въ законъ. Низведеніе общаго къ частностямъ можетъ сослужить службу тѣмъ, кто обладаетъ поэтическимъ талантомъ.

5. Склоняется въ предложеніяхъ „хитрая лисица“; изъ предложеній выдѣляется склоняемое прилагательное, потомъ выдѣляются окончанія въ особую таблицу. Окончанія существ. „лисица“ сравниваются съ прежними (ворона); оказывается разница въ творительномъ—„лисицею“, сопоставляется съ существительнымъ „овцою“ и создается правило. Предложенія составляютъ сами ученики подъ руководствомъ учителя.

Х. Медвѣдь и бревно (Крылова).

1. Басня эта дается для сопоставленія со сказкою: какъ въ сказкѣ, такъ и въ этой баснѣ медвѣдь погибаетъ отъ своей глупости. Для большаго иллюстрированія преподаватель можетъ рассказать о всѣхъ способахъ охоты на медвѣдя (см. Бремъ).

2. Это—басня, значить въ ней есть аллегорія. Раскрыть аллегорію.

Примѣненіе. Ученикъ нѣсколько разъ не исполняетъ наложеннаго взысканія; взысканіе прогрессивно увеличивается до исключенія изъ гимназіи.

Не отвѣтивъ урока, сердится на книги и тетради, рветъ ихъ, отчего дѣло только ухудшается; иногда сердится на учителя. Пансіонеръ лишается отпуска, но убѣгаетъ изъ пансіона, за что взысканіе увеличивается постепенно.

Грамматика. 4. Склоненіе въ предложеніяхъ: И. Иногда для ловли медвѣдя на деревѣ привѣшивается затяжная петля.

Р. Подлѣ петли помѣщается приманка.

Д) Медвѣдь лѣзетъ къ петлѣ, чтобы достать приманку.

В. Медвѣдь попадаетъ въ петлю.

Т. Петлею затягиваетъ медвѣдя.

П. Медвѣдь виситъ въ петлѣ, пока не прійдутъ охотники.

Въ данныхъ предложеніяхъ единственное число склоняемаго слова замѣнить множественнымъ.

Выдѣлить изъ предложеній склоняемое слово—петля, потомъ выдѣлить падежныя окончанія и поставить въ первую таблицу рядомъ съ прежними. Прежнія окончанія назовемъ твердыми, эти—мягкими. На основаніи этого составляемъ таблицу твердыхъ и соответствующихъ мягкихъ гласныхъ и полугласныхъ; дѣлается такъ: учитель на лѣвой сторонѣ пишетъ твердый звукъ, ученики сами подыскиваютъ мягкій; получается таблица:

Твердые:

Мягкіе:

а	я.
о	(ѣ) е.
у	ю.
ы	и.
ѣ	
ь	ь.

Во множественномъ числѣ въ таблицѣ склоненія не вездѣ находимъ соответствія окончаній; обращаемъ вниманіе, что ворона—одушевленный предметъ: винительный сходень (сами ученики говорятъ:) съ родительнымъ; петля—предметъ неодушевленный: винительный сходень... съ именительнымъ. Противъ винительнаго ставится по два окончанія, т. е. для одушевленныхъ—одно, для неодушевленныхъ—другое.

5. Синтезъ. Разсказать связно о ловлѣ медвѣдя петлею.

6. Въ таблицѣ склоненія прилагательныхъ противъ твердыхъ окончаній поставить мягкія, замѣняя только первый звукъ окончанія мягкимъ.

Просклонять въ предложеніяхъ „дальняя страна“; окончанія провѣрять по таблицѣ. Матеріалъ для составленія предложеній можно взять изъ стихотворенія „Перелетная птичка“.

Составленіе связнаго разсказа изъ отрывочныхъ пред-

ложеній, данныхъ для склоненія слова „петля“, я нахожу удобною и посильною работою для учениковъ перваго класса; это будетъ очень маленькое повѣствованіе, дающее учителю возможность выяснить, что нужно рассказывать въ хронологическомъ порядкѣ, не повторять часто одно и то же слово (напр. медвѣдь и петля), а замѣнять существ. мѣстоимѣніями, связывать предложенія союзами. Рассказъ дѣлается подъ руководствомъ учителя устно (но потомъ можетъ быть и написанъ).

XI. Мартышка и очки (Крылова). Напечатана въ 1815 г.

1. Синонимы: „Зло не большой руки“ — бѣда не велика. Первое выраженіе нельзя перевести на другой языкъ буквально — это идиотизмъ, т. е. собственность русскаго языка, его особенность.

„Стоитъ завести очки“ — нужно пріобрѣсти очки.

Полдюжины — шесть. „Съ полдюжины“?

Темя — верхняя часть головы.

„Нанижетъ“ — нанизать, т. е. надѣть такъ, какъ, напр., кольца на нитку.

„Пробастъ“ — дрянь (отъ глагола пропадать, — дѣлаться негоднымъ). Слово пробастъ имѣетъ и другія значенія: 1) много, напр.: у него денегъ пробастъ; 2) причина, необыкновенная глубина, бездонное мѣсто въ рѣкѣ, въ морѣ, бездна.

„Врака“, „враки“ — неправда, ложь.

„Прокъ“ — польза (въ будущемъ).

„Брызги“ — брызгаются отъ воды, а здѣсь отъ стекла: метафора.

2. Оглавленіе содержанія: а) совѣтъ завести очки. б) Неумѣнье пользоваться. в) Злость мартышки.

Обобщеніе. Многие, не умѣя пользоваться вещами, сердятся и другихъ считаютъ глупыми.

Это — басня; объяснить — почему.

3) Для художественной оцѣнки предлагается вопросъ: почему Крыловъ избралъ мартышку, а не другое животное?

При отвѣтѣ ставится на видъ склонность мартышки къ подражанію, изобрѣтательность и комичность выходокъ.

4. Дѣлается нравственная оцѣнка склонности къ подражанію, присущей дѣтямъ, безцѣльной изобрѣтательности и безумнаго гнѣва.

Сопоставленіе. Въ чемъ сходство этой басни съ баснею Медвѣдь и Бревно?

Грамматика. 5. Выбросивъ союзы, разрываемъ связь первыхъ четырехъ предложений: смыслъ предложений не теряется. Какія части рѣчи: а, что, лишь? Указать предлоги и сказать, какого падежа требуетъ каждый. Указать мѣстоименія и объяснить, вмѣсто какихъ они именъ. Укажите другія извѣстныя части рѣчи.

6. „Мартышка слаба глазами стала“. Извѣстно ли, сколько мартышекъ?—Одна мартышка: это можно узнать по окончанію—а—единственного числа. „Мартышки сидѣли на деревѣ“; здѣсь по окончанію нельзя узнать, сколько мартышекъ—именно; нужно прибавить: двѣ, три и т. д.

Индукція. Окончаніе множественнаго числа не показываетъ съ точностію, сколько предметовъ; для этого употребляется особая часть рѣчи—имя числительное, которое служитъ въ предложеніи опредѣленіемъ, опредѣляетъ, сколько предметовъ.

Укажите въ баснѣ имена числительныя, скажите отъ себя. Какъ можно писать имена числительныя?—Буквами и цифрами.—Произнесите числительныя: 1, 2, 3 и т. д. Можно произнести: одинъ, два, три... и первый, второй, третій,

Индукція. Одинъ, два, три—имена числительныя количественныя; первый, второй, третій—порядковыя. Количественныя опредѣляютъ, сколько предметовъ; порядковыя—какой предметъ.

Сводъ. Что же показываютъ опредѣленія?—Они показываютъ: а) какой предметъ (имя прилагат.), б) сколько предметовъ (числит.—колич.), в) который предметъ (порядковое).

7. Сопоставленіе. а) Тыфу, пропасть! (негодование—чувство). б) Охъ, мой куманекъ, терплю напраслину!

(чувство обиды). в) Ай, ай, мѣсяцъ май, и холодень, и голодень! (чувство удивленія).

Тѣфу, охъ, ай—восклицательныя слова для выраженія чувства. Отъ предложенія восклицательныя слова отдѣляются запятою. Что еще отдѣляется запятою? Восклицаніе—часть рѣчи, называемая междо метіемъ. Перечислить всѣ части рѣчи.

8. Склоняется слово „старость“.

И. Старость—не радость.

Р. Коротать молодость—не видать старости.

Д. Не по старости мрутъ, не по молодости живутъ.

В. Съ молоду наживай, а подъ старость проживай.

Т. Старостию не жить, молодостью не умереть.

П. При старости двѣ радости: гробъ и бѣльмо.

Во множественномъ числѣ слово „старость“ не склоняется.

Видимъ ли мы старость?—Мы видимъ стараго человѣка, старую лошадь, старое дерево, а старости не видимъ: мы только представляемъ въ умѣ, какъ будто это предметъ, а между тѣмъ это качество, принадлежащее предмету. Въ своемъ умѣ мы отнимаемъ, отвлекаемъ качество отъ предмета, и представляемъ, какъ будто бы это отдѣльный предметъ. Такіе предметы мы называемъ умственными или отвлеченными.

Печаль—тоже предметъ умственный. Попробуйте склонять во множественномъ числѣ.

Нѣкоторыя названія умственныхъ предметовъ во множественномъ числѣ не употребляются.

Выдѣляются окончанія существ. старость и печаль и вписываются въ таблицу (1-ю) склоненія именъ существительныхъ. Сравниваются эти окончанія съ другими мягкими и дѣлается индукція относительно дательнаго и предложнаго пад. единственнаго числа.

Сопоставленіе. Я видѣлъ степь, а въ степи лошадь. Я видѣлъ степи, а въ степяхъ лошадей. Существительныя женскаго рода на ѣ въ единственномъ числѣ въ винительномъ падежѣ всегда оканчиваются сходно съ именительнымъ,—будетъ ли одушевленный или неодушевленный предметъ. А во множеств. числѣ?

Біографическія свѣдѣнія объ авторѣ.

Авторъ этой басни—Иванъ Андреевичъ Крыловъ, родился въ 1768 году, умеръ въ 1844 году. Отецъ Крылова армейскій офицеръ, защищалъ крѣпость (Яикъ) отъ бунтовщика Пугачева въ 1777 г., а потомъ перешелъ на гражданскую службу въ г. Тверь. По смерти отца десятилѣтній Крыловъ остался съ матерью въ бѣдности. Мать, Марья Алексѣевна, научила Ивана Андр. читать и писать, при чемъ въ награду за прилежаніе мальчикъ каждый разъ получалъ по нѣскольکو копѣекъ, которыя копилъ, а потомъ употреблялъ на улучшеніе своей одежды. Въ наслѣдство отъ отца Крыловъ получилъ только нѣсколько книгъ, которыя онъ очень усердно читалъ; но въ числѣ этихъ книгъ были и французскія, что побудило мальчика заняться французскимъ языкомъ. Французъ, учитель дѣтей губернатора, взялся помочь ему въ этомъ дѣлѣ; подъ его руководствомъ Крыловъ усердно читалъ французскія книги, ничего не понимая; а потомъ уже самъ сталъ прибѣгать къ словарю и такимъ образомъ выучился языку.

Когда Ивану Андреевичу было 14 лѣтъ, бѣдность заставила его поступить на службу въ судъ писцомъ; а потомъ съ матерью онъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, поступивъ на службу, продолжалъ учиться по книгамъ и даже пробовалъ самъ сочинять. Басни Крыловъ началъ писать 40 лѣтъ отъ роду.

Въ этой краткой біографіи сообщены свѣдѣнія, касающіяся, преимущественно, дѣтства автора, какъ болѣе доступныя для маленькихъ дѣтей; подобраны тѣ факты, которые указываютъ на силу воли, ведущую Крылова отъ крайне стѣсненнаго положенія къ славі; указаны труды для удовлетворенія насущныхъ потребностей и для саморазвитія. Біографія эта не имѣетъ претензіи на литературное достоинство, но только намѣчаетъ факты.

XII. Пузырь, соломинка и лапоть (народная сказка).

1. У людей съ самыми разнородными характерами бываютъ товарищескія отношенія; они сообща что-нибудь предпринимаютъ, крестьяне чаще всего отправляются на заработки. Если въ пути встрѣчаются препятствія, то думаютъ сообща, какъ помочь горю. Бываютъ въ товариществѣ люди себялюбивые, которые не принимаютъ на себя большого труда, а стараются свалить на другихъ: такъ спокойнѣе; случится съ другими несчастье — они смѣются. Пузырь смѣялся надъ несчастьемъ товарищей; но смѣхъ этотъ не обошелся даромъ; чужой бѣдѣ не смѣйся: „шутилъ Мартынъ да и свалился подъ тынъ“, говоритъ пословица. Эта шутливая сказка указываетъ на то, какъ живетъ народъ, указываетъ на бытъ народа, — бытовая сказка.

Предметы, о которыхъ разсказывается здѣсь, представлены съ ихъ дѣйствительными свойствами: а) лапоть идетъ; б) тонкая хрупкая соломинка переламывается подъ тяжелыми шагами лаптя; в) пузырь лопається. Всѣми этими свойствами народъ прекрасно воспользовался, чтобы представить свою жизнь.

Пузырь, соломинка и лапоть дѣйствуютъ и говорятъ, какъ люди; тоже мы видѣли въ сказкахъ о животныхъ.

Въ этой сказкѣ находимъ: а) дѣйствительные факты изъ жизни народа, б) свойства предметовъ (неодушевленныхъ) и в) сказочный элементъ. Кромѣ того во всей сказкѣ скрыта мысль: не смѣйся чужой бѣдѣ.

Разборъ дѣлается обыкновеннымъ способомъ — эвристически. Прежде всего доводится до сознанія учениковъ, что народу представлялось, будто не только животныя, но и неодушевленные предметы живутъ и дѣйствуютъ, какъ люди (намѣренной аллегоріи я не могу допустить въ народной сказкѣ). Далѣе ученикъ разсказываетъ о томъ, что пузырь, соломинка и лапоть собрались путешествовать; сейчасъ же дѣлается наведеніе на людей, указывается, что и съ людьми бываетъ то-же. Когда будутъ выдѣлены бытовые черты, предлагаются другіе вопросы,

ведущіе къ выдѣленію дѣйствительныхъ свойствъ предметовъ: Что дѣлаетъ лапотъ? и т. д. Сказочный элементъ ученики отыщутъ безъ затрудненія. Идея отыщется при нравственной оцѣнкѣ дѣйствій.

2. Склоняется въ предложеніяхъ „три добрые прія-теля“.

Отыскиваются въ сказкѣ мѣстоименія въ различныхъ падежахъ. Дѣлается индукція: всѣ мѣстоименія и имена числительныя склоняются.

3. Систематизація:

Измѣняемая (Склоняемая часть рѣчи: имя су-
части рѣчи — (ществительное, имя прилагательное, имя
всего пять (числительное, мѣстоименіе.
(Спрягаемая часть рѣчи — глаголь.

Неизмѣняемая части рѣчи: нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе.

4. Производство словъ (генезисъ). Сказать, ка-кія части рѣчи составляютъ данныя слова, указать части ихъ: корень, суффиксъ, флексію и приставку: три — трое — тройной — трижды — третій — треть. Добрый — доброта — сдобрить — раз-добрѣть — удобный. Уголь — уголекъ — угольный — обуглиться (термины: суффиксъ и флексія — можно пока не сообщать).

XIII. Птичка (Туманскаго).

1. Метафоры: „темницу“ и „утопая“ обратить въ сравненія.

Сравненіе: „какъ бы молилась за меня“ обратить въ метафору.

2. Въ этомъ стихотвореніи двѣ картины: первая — человекъ выпускаетъ изъ клѣтки птичку; вторая — птичка улетаетъ съ пѣніемъ.

Индукція. Въ стихахъ, какъ поэтическихъ произведеніяхъ, каждая часть представляетъ картину: все представляется картинно.

Что, кромѣ картинности, замѣчено нами въ поэтиче-скихъ произведеніяхъ? — Вымыселъ. — Есть ли здѣсь вымыселъ?

3. Добро или зло сдѣлалъ человѣкъ птичкѣ?—Добро. Рада-ли была птичка? Изъ чего можно заключить, что она рада, вѣдь объ этомъ не сказано?—Она запѣла.—Пріятно-ли видѣть чужое горе? А радость? Пріятно-ли человѣку видѣть радость выпущенной птички? Пріятно—тѣмъ болѣе, что птичка такъ запѣла, какъ будто молилась за него.

Обобщеніе. Дѣлать добро кому бы то ни было (хоть бы птичкѣ) пріятно.

Здѣсь представляется случай выяснить, почему же люди дѣлаютъ зло, напр. ученики ведутъ себя дурно, если дѣлать добро пріятно? Человѣкъ, выпуская птичку, утрачивалъ ее, значить—получалъ маленькую непріятность; но зато, за этою маленькою непріятностію, слѣдуетъ большое удовольствіе; такъ бываетъ всегда, когда человѣкъ дѣлаетъ добро. Замучивъ птичку для своего маленькаго удовольствія, послѣ человѣкъ получилъ бы большое неудовольствіе.

Обобщеніе: въ каждомъ зломъ поступкѣ впереди стоитъ маленькая пріятность (грѣхъ сладко, для людей падко). Человѣкъ, дѣлающій зло, видитъ только эту пріятность и за нею гонится; за этою же маленькою пріятностію всегда слѣдуетъ большая непріятность, но человѣкъ не видитъ или не хочетъ видѣть этого.

Все это выясняется на частныхъ случаяхъ, взятыхъ изъ жизни дѣтей, при этомъ долженъ быть сдѣланъ анализъ поступковъ съ ихъ мотивами и послѣдствіями. Мнѣ скажутъ, что учитель, вдаваясь въ такіа разсужденія, уклоняется отъ дѣла; но это узкій взглядъ, который, къ сожалѣнію, заповилъ школу. Учитель прежде всего воспитатель; въ частности—учитель русскаго языка, читая съ учениками литературныя произведенія, необходимо долженъ стараться объ усвоеніи и разработкѣ матеріала, находящагося въ этихъ произведеніяхъ, т. е. идей, проводимыхъ въ нихъ; а стилистическія и грамматическія упражненія имѣютъ второстепенное значеніе. Если школа не даетъ идей, не совершенствуетъ нравственно, вообще,—не дѣлаетъ человека человекомъ—въ полномъ смыслѣ,

то она рискуетъ, вмѣсто людей, создать машины—счетныя, пишущія, красно говорящія и проч.

4. Это стихотвореніе лирическое; въ немъ два элемента: а) совершившійся фактъ, б) чувство, пробужденное фактомъ. Фактъ—освобожденіе птицы и улетъ ея; онъ производитъ чувство: авторъ радуется счастію птицы. Выказано-ли чувство прямо?

Индукція. Поэтъ можетъ дать намъ картину, а по ней можно судить о его чувствѣ.

5. Стихотвореніе скандуется; два стиха можно обозначить схематически; указываются рифмы.

Грамматика. 6. Предложеніе: „утоная въ сіяньѣ голубого дня“—отдѣльно не имѣетъ смысла; оно придается къ другому: „она исчезла“—для его поясненія вмѣсто объяснительнаго слова, именно—вмѣсто обстоятельства образа, „она исчезла“—какъ? „утоная въ сіяньѣ дня“. Форма глагола—„утоная“—намъ не извѣстна; это нарѣчная форма, отвѣчаетъ на такой же вопросъ, какъ нарѣчіе (какъ?). Такая нарѣчная форма глагола называется дѣепричастіемъ. „Исчезла, утонувъ“; утонувъ—тоже дѣепричастіе.

Утоная, т. е. теперь—настоящее время.

Утонувъ (или утонувши), т. е. прежде—прошедшее время.

7. Выдѣляются изъ стихотворенія глаголы:

а) Растворить. б) Молиться.

Возвратить.

Исчезнуть и проч.

Индукція. Глаголы подъ буквою а, не имѣющіе на концѣ „ся“, будемъ называть глаголами первой группы; съ конечнымъ „ся“—глаголами второй группы.

Разсмотримъ глаголы первой группы. При однихъ изъ нихъ можно поставить вопросы винительнаго падежа: кого? что? возвратилъ—кого? что? при другихъ нельзя: исчезла—кого? что?—нелѣпность. Иначе—одни требуютъ винительнаго падежа, другіе не требуютъ; одни показываютъ, что дѣйствіе переходитъ отъ одного предмета на другой, другіе не показываютъ и этого. Поставить вопросы винительнаго пад. при тѣхъ глаголахъ, при которыхъ можно; ука-

затѣ въ стихотвореніи винительные падежи при этихъ глаголахъ; указать предметъ, отъ котораго дѣйствіе идетъ и на который переходитъ. Такіе глаголы называются глаголами дѣйствительнаго залога; другіе же — средняго залога. Дополненіе въ винительномъ падежѣ при дѣйствительномъ залогѣ называется прямымъ.

Указать глаголы дѣйствительнаго залога и прямые дополненія: Тучи носятъ воду, вода поитъ землю, земля плодъ приносить. Разъ въ крещенскій вечерокъ дѣвушки гадали: за ворота башмачокъ, снявъ съ ноги, бросали.

8) Это стихотвореніе по своей краткости удобно для диктовки; при диктовкѣ необходимо имѣть въ виду нѣкоторые приемы опредѣлять буквы, которыми обозначаются неясные звуки.

„Вчера“ или „вчирѣ“? Послѣ ч сомнительная гласная, потому что безъ ударенія. Чтобы выяснить сомнительную гласную, нужно найти форму этого слова или подобное слово, гдѣ бы удареніе падало на сомнительную гласную.

Въ томъ же словѣ не извѣстно, что писать — **ѣ** или **е**; къ рѣшенію этого вопроса нѣсколько приближаютъ слѣдующія замѣчанія:

1. Послѣ шипящихъ и гортанныхъ въ корнѣ **ѣ** не пишется.

2. День — дня: не пишется **ѣ**, потому что звукъ **е** бѣглый.

3. Левъ — льва: — — — — **е** переходитъ въ **ѣ**.

4. Летать — полѣтъ — — — — **е** — въ **ѣ**.

5. Гремѣть — громъ — — — — **е** — въ **о**.

6. Сѣверъ: два звука **е**, подъ удареніемъ — **ѣ**.

7. Сидитъ — сѣсть: и переходитъ въ **ѣ**.

8. Лазитъ — лѣзть: **а** — въ **ѣ**.

(9. Отколѣ — вмѣсто откола: **я** перешло въ **ѣ**).

Родственность **ѣ** — я полезно знать для учениковъ, знающихъ съ польскимъ языкомъ.

10. Послѣ **ц** въ началѣ слова, обыкновенно, **ѣ**, за исключеніемъ слова „церковь“.

11. **ѣ** не пишется въ иностранныхъ словахъ.

12. **л**, **р** обставляются двумя **е**.

Для опредѣленія сомнительныхъ согласныхъ въ корнѣ необходимо въ самомъ началѣ познакомиться ученикамъ съ раздѣленіемъ согласныхъ по степени звучности:

Рѣзкіе (или звонкіе): Слабые (или глухіе):

б ученики сами подбираютъ п

в — — — — — ф

г(g) — — — — — к

г(h) — — — — — х

д — — — — — т

ж — — — — — ш

з — — — — — с

1. Рѣзкій звукъ передъ ъ и ь произносится слабо.

2. Рѣзкій звукъ передъ слабымъ произносится слабо.

3. Слабый передъ рѣзкимъ—рѣзко.

Чтобы узнать, что писать, нужно найти форму или подобное слово, гдѣ-бы послѣ сомнительнаго согласнаго былъ гласный.

Правописаніе окончаній подчиняется особымъ правиламъ.

Здѣсь сгруппированы приемы; но это все не должно, конечно, сообщаться разомъ, а постепенно, по мѣрѣ надобности. Все усвоенное постоянно сводится вмѣстѣ.

XIV. Набитый дуракъ (народная сказка).

Сказка задается на домъ; для возбужденія самостоятельности можно предварительно, при задаваніи, поставить вопросы: Надъ кѣмъ народъ смѣется въ этой сказкѣ? справедливо-ли смѣется? Чѣмъ занимается народъ? (узнать изъ сказки). Что принято (прилично) говорить въ разныхъ случаяхъ?

2. Сказку дѣти поймутъ легко; но къ подобнымъ выраженіямъ, какъ: „молотить вамъ три дня, намолотить три зерна“—нужно прибавлять сказуемое: „желаю“. Слѣдуетъ также выяснитъ, что у крестьянъ существуетъ обычай при каждомъ случаѣ высказывать свои пожеланія (бытовая черта). Крестьяне придаютъ этому большое значеніе: они вѣрятъ, что пожеланіе сбудется.

Для словъ: овинъ, гумно, цѣпь—дается предметное объясненіе—опредѣленіе или описаніе.

„Канунъ“—испорченное слово изъ „канонъ“—церковныя молитвы, которыя поются и читаются между прочимъ, надъ покойниками. Ладанъ—пахучая смола, которая кладется въ кадило; особенно много кадятъ при отпѣваніи. „Жиль-быль“—оба слова имѣютъ одно значеніе; можно бы просто сказать—жилъ. Выраженія, въ которыхъ словъ больше, чѣмъ обыкновенно употребляется, называются плеоназмами. Найти въ сказкѣ еще плеоназмъ („били меня, колотили меня“).

3. „Въ семьѣ не безъ уродъ“: почти въ каждой деревнѣ можно найти дурачка, который по глупости дѣлаетъ вредъ другимъ; вотъ такую глупость народъ и осмѣялъ въ этой сказкѣ. Сказки, въ которыхъ что-нибудь осмѣивается, называются сатирическими. Не знаете ли вы еще сатирической сказки?

4. Анализируя сказку, находимъ: народъ сначала жалуется на дурака матери, потомъ самъ расправляется. Мать учитъ сына, какъ поступать въ каждомъ случаѣ. Видимъ, какими дѣлами занимаются крестьяне: занимаются земледѣліемъ (обобщеніе), и другими дѣлами. Мы узнаемъ, что у нихъ принято говорить въ томъ или другомъ случаѣ; можно догадаться и о цѣли пожеланій: народъ вѣритъ, что пожеланіе исполнится. Однимъ словомъ—мы узнаемъ бытъ народа: это бытовая сказка. Какая бытовая сказка вамъ еще извѣстна? О чьей жизни разсказывается въ бытовыхъ сказкахъ? А въ сказкахъ о животныхъ?

5. Склоняется въ предложеніяхъ слово „мать“; замѣчается неправильность—наращеніе.

XV. Сказочныя чудеса (Пушкина).

1. Объясняются слова и выраженія.

2. Перечисляются всѣ чудеса; нѣкоторыя чудеса объясняются:

а) Котъ мяучить—это онъ пѣсни поетъ; мурлычить—сказки говоритъ.

б) Въ лѣсу, особенно ночью, раздаются странные звуки; то слышится плачь (филина), то свистъ, то ревъ, вой, раздирающій крикъ пойманнаго звѣря и проч.; отъ этихъ звуковъ, точно хохоть, прокатится эхо. Случается—человѣкъ заплутается въ лѣсу и плутаетъ нѣсколько сутокъ; деревья ночью представляются человѣку, особенно измученному и разстроенному, страшными чудовищами. Народъ спрашиваетъ себя: отчего все это происходитъ? и отвѣчаетъ: это лѣшій „шалить“. Лѣшій, по представленію народа, злое существо, похожее отчасти на человѣка, отчасти на звѣря; онъ плачетъ, и хохочетъ, и свиститъ, и реветъ, онъ и людей заводитъ.

в) Люди тонуть, по видимому, безъ причины; это, по вѣрованію народа, продѣлки водяного или русалокъ. Водяной—маленькій толстенный старичокъ, съ одутловымъ лицомъ, съ выпученными глазами; живетъ, преимущественно, подъ мельницею, въ бучилѣ. Русалки похожи на женщинъ; до Троицына дня онѣ сидятъ на деревьяхъ и грызутъ кору, а потомъ уходятъ въ воду; завидя человѣка, онѣ горько плачутъ, чтобы приманить его, защекотать и утащить въ воду.

г) Наступаетъ зима. Солнце почти не показывается; животныя скрываются: одни переселяются въ болѣе теплыя страны, другіе засыпаютъ въ берлогахъ, норахъ, дуплахъ; на деревьяхъ не шумятъ листья—уснули деревья; уснулъ говорливый ручей, судоходная рѣка; „пусто, одиноко сонное село, вьюгами глубоко избы замело“; „на нивахъ шумъ работъ умолкъ“; даже дымъ, выходя изъ трубъ, стоитъ столбомъ, какъ будто спитъ. Что это значитъ?—Это Кощей похитилъ царь-дѣвицу, т. е. солнце, и содержитъ ее въ плѣну, а на все наше царство навелъ сонъ. Ледъ и снѣгъ блестятъ, какъ золото и серебро; надъ этимъ „златомъ чахнетъ царь-Кощей“.

д) Зимой матели и вьюги. Это Баба-Яга, костяная нога, морда глиняная, ѣдетъ въ ступѣ, пестомъ погоняетъ, помяломъ слѣдъ замечаетъ.

3. Стихи ямбическіе, рифмованные.

4. Обращается вниманіе, что въ первыхъ двухъ пред-

ложеніяхъ пропущено сказуемое: предложенія неполныя. На мѣстѣ пропущеннаго сказуемаго ставится тире.

а) Когда идетъ на право, тогда пѣснь заводитъ. (пол.)

б) Идетъ на право—пѣснь заводитъ. (непол.)

Подъ буквою б пропущены союзы: когда, тогда, поэтому вмѣсто запятой—тире.

Точками отдѣлены законченныя картины: первая картина—котъ на дубѣ у лукоморья; вторая—чудеса на берегу моря; третья—чудеса, появляющіяся изъ моря; четвертая—чудное явленіе въ облакахъ; пятая—разныя чудеса гдѣ-то далеко, „за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ“.

Большія части этихъ картинъ отдѣлены точкою съ запятою, маленькія—запятою.

Двоеточіе передъ перечисленіемъ дѣйствій кота, передъ перечисленіемъ чудесъ.

5. Разсмотрѣть, къ какой группѣ принадлежатъ глаголы, встрѣчающіеся въ этомъ стихотвореніи. Определить залогъ всѣхъ глаголовъ первой группы (если можно), передѣлать въ глаголы второй группы.

6. Анализъ. Выдѣлить изъ глаголовъ прямое дополненіе: люди благотворятъ (дѣлаютъ добро). Ученикъ моется (ученикъ моетъ себя).

Синтезъ. Включить дополненіе въ сказуемое: ты любишь людей (человѣколюбивъ). Мальчикъ мучитъ животныхъ (живодерничаетъ).

7. Сопоставленіе. а) Котъ заводитъ пѣсню.

б) Пѣсня заводится котомъ.

Въ первомъ предложеніи подлежащее — дѣйствующій предметъ, сказуемое — дѣйствительный залогъ; прямое дополненіе — предметъ, на который дѣйствіе переходитъ. Во второмъ предложеніи прежнее дополненіе стало подлежащимъ, а подлежащее — дополненіемъ въ творительномъ падежѣ; сказуемое стало глаголомъ 2-й группы.

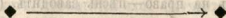
Индукція. Глаголъ, при которомъ подлежащее — предметъ не дѣйствующій, а принимающій на себя дѣйствіе, называется глаголомъ страдательнаго залога.

Въ какомъ падежѣ при немъ дѣйствующій предметъ?

Схема. а) Дѣйствительный залогъ:

Котъ заводитъ пѣсню.

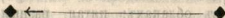
Отъ подл. дѣйствіе идетъ на дополненіе:

б) Страдательный залогъ:

Пѣсня заводится котомъ.

И подлежащее дѣйствіе идетъ отъ дополненія.

Дедукція. Дѣйствительный залогъ обратить въ страдательный: котъ говоритъ сказку.—Зернышку сготовимъ колыбель святую.—Весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю.

8. Склоняется въ предложеніяхъ: „ученый котъ“; окончанія выдѣляются во вторую таблицу.

XVI. Лихо одноглазое (народная сказка).

Чтеніе сказокъ безъ пониманія ихъ смысла—напрасная трата времени; а между тѣмъ у насъ мифическія сказки, обыкновенно, читаются дѣтьми безъ пониманія; такъ же читается юношами Одиссея. Оправдывать такое чтеніе сказокъ можно развѣ только тѣмъ, что сказки вліяютъ на развитіе языка и воображенія; но въ дѣлѣ воспитанія одностороннее воздѣйствіе имѣетъ мало цѣны; напротивъ—развитіе одного воображенія безъ участія другихъ силъ можно считать рѣшительно вреднымъ. Я не нахожу никакого повода избѣгать объясненія мифическихъ образовъ: да какъ и не понять ихъ, если эти образы созданы народомъ, стоявшимъ по развитію ниже нашихъ дѣтей. Скорѣе для насъ, взрослыхъ, знакомыхъ съ научными объясненіями явленій природы, сказки могутъ показаться нецѣпостью, объясненіе сказокъ—искусственнымъ, потому что мы слишкомъ ясно видимъ отсутствіе полнаго соотвѣтствія между образомъ и идеею. При объясненіи всѣхъ сказокъ—мифическихъ, бытовыхъ, сказокъ о животныхъ и

былинъ мною употребляется одинъ пріемъ—отыскиваются факты и вымыселъ. Это употребленіе одного общаго пріема даетъ возможность ученикамъ привыкнуть къ нему и пользоваться имъ безъ затрудненія. Учителю можно итти двумя путями: а) указывать дѣйствительныя явленія и предоставить самимъ ученикамъ отыскать соотвѣтствующіе образы. б) Можно начинать съ анализа образовъ, а потомъ открывать явленія, обозначенныя образами. Безъ преподавателя, при домашнемъ чтеніи сказокъ, возможенъ только второй путь, но онъ очень труденъ. Для облегченія пониманія нужно а) обогатить учениковъ на урокъ возможно большимъ количествомъ образовъ съ объясненіемъ; б) въ сказочныхъ образахъ найти болѣе устойчивыя признаки, соотвѣтствующіе тѣмъ или инымъ признакамъ явленій, выражаемыхъ этими образами. Для достиженія первой цѣли, говоря, напр., объ образѣ тучи въ данной сказкѣ, полезно перечислить и другіе сказочные образы тучи; для достиженія второй цѣли указать, что туча представляется предметомъ летающимъ, многопьющимъ и проч.

1. Сказка эта можетъ быть задана на домъ, а въ классѣ объясняется.

2. Въ сказкѣ три главныхъ предмета: Лихо, кузнецъ и стадо овецъ.

а) Лихо, какъ представлено въ сказкѣ, существо злое, съ однимъ глазомъ, много ѣстъ, ѣстъ даже людей. Народъ видитъ смѣну временъ года, дня и ночи; его вниманіе останавливается также на тучѣ, громѣ и молніи. Естественно, онъ старается объяснить себѣ, что это такое, отчего происходятъ перемѣны въ природѣ, кто ихъ производитъ. Одни явленія свѣтлыя и производятся свѣтлыми, добрыми существами; другія—темныя, производятся темными, злыми существами. Лихо, какъ злое существо, производитъ темныя явленія. Какія же именно? Болѣе всего изъ темныхъ явленій занимаетъ народъ зима. Посмотримъ, не будетъ-ли это зима: зимою солнце свѣтитъ очень мало—зима глядитъ однимъ глазомъ; зимою съдаются большіе запасы хлѣба—зима, какъ лихо, много ѣстъ;

не хватаетъ запасовъ—люди умирають, и отъ холоду и отъ болѣзней зимою умирають—зима ѣсть людей.

Другіе образы зимы: Кощей, драконъ, вообще—змѣй, страшный богатырь, — всѣ они похищаютъ дѣвицу, представляющую солнце, наводятъ на нее сонъ, не подпускаютъ къ водѣ.

6) Кузнецъ и стадо. Кузнецъ въ плѣну у зимы; онъ побѣждаетъ зиму (орудіе—желѣзная палка, шкворень) и спасается со стадомъ. Прогремитъ громъ—и нѣтъ зимы, наступаетъ тепло, это громъ побѣдилъ зиму; кузнецъ—то существо, которое производитъ громъ и молнію. Громъ и молнія въ тучахъ, кузнецъ—въ стадѣ: тучи часто представляются стадомъ; громовникъ иногда представляется трубящимъ пастухомъ; дождь, дѣлающій землю плодородною, питательное молоко животныхъ.

Другіе образы: Черная летающая туча, приносящая живительный дождь, это—черная птица—воронъ, приносящая живую и мертвую воду. Туча—коверъ самолетъ, на которомъ Иванъ-царевичъ, т. е. громовникъ, летаетъ въ шапкѣ-невидимкѣ, съ дубинкою—драчуномъ, со скатертью—самобранкою и съ гусями-самогудами. Туча—летучій корабль; она даетъ много воды, приноситъ плодородіе, охлаждаетъ воздухъ, быстро переносится съ мѣста на мѣсто, стрѣляетъ: на кораблѣ помѣщаются—опивало, обѣдало, мужикъ съ охлаждающей соломой, бѣгунъ, стрѣлецъ. Туча—большая птица, выносящая царевича изъ подземнаго царства. Огромный змѣй раззинулъ ротъ отъ земли до неба и проглотилъ солнце.

Объясненіе сказки представляется въ такомъ видѣ: наступила зима. Солнце свѣтитъ такъ худо, какъ будто глядитъ однимъ глазомъ. Худо (по-малороссійски: лихо) зимою живетъ; застанетъ зимній морозъ въ полѣ, въ лѣсу, побываешь въ когтяхъ у зимы—узнаешь лихо. Зимою нѣтъ грому: это значитъ—съ громовникомъ что нибудь случилось; должно быть, онъ попался въ плѣнъ къ зимѣ (къ лиху). Когда освободится громовникъ, прогремитъ громъ, тогда не будетъ зимы, наступитъ весна. Попалъ кузнецъ въ плѣнъ

молодымъ, а воротился сѣдымъ; не мудрено—зима все покрываетъ снѣгомъ; она и сама сѣдая.

3. О чемъ разсказывается въ сказкахъ?—О животныхъ (сказки о животныхъ), о жизни людей (бытовыя), о явленіяхъ природы; эти послѣднія называются мифическими.

Изъ всѣхъ читанныхъ сказокъ въ какихъ болѣе чудеснаго?

4. Склоняется въ предложеніяхъ существ. „шкворень“; окончанія вписываются во вторую таблицу.

XVII. Двѣ Бочки (Крылова). Написана въ 1819 г.

1. Послѣ чтенія, объясненія и пересказа суммируется содержаніе: отъ пустой бочки шуму больше, чѣмъ отъ наполненной виномъ.

Обобщеніе. Кто много шумить, отъ того мало пользы.

Синтезъ. Къ обобщенію присоединить суммирование въ видѣ сравненія (съ союзомъ „какъ“).

Прочитывается нравоученіе басни (тоже обобщеніе); указывается слово „дѣловъ“, употребленное вмѣсто—„дѣловой“.

3. Здѣсь аллегорія: говорится о бочкахъ, а подразумѣваются люди. Въ басняхъ представляются не только животныя, но и неодушевленные предметы, подъ которыми нужно подразумѣвать людей. Припомните бытовую сказку, въ которой представлены неодушевленные предметы.

4. Кто изъ учениковъ похожъ на пустую бочку?—Кто громко кричить, громко смѣется, говорить много о себѣ. Кто истинно дѣловой?

5. Анализъ стихотворной формы. Замѣчается неравномѣрность стиховъ, какъ особенность Крылова.

6. Указать всѣ числительныя.

Сопоставляется. Два—двойка (пара)—вторая часть (половина), три—тройка—треть и т. д.

Двойка, тройка—числительныя собирательныя; половина, треть—дробныя.

Чѣмъ числительныя служатъ въ предложеніи?

7. „Хвастунъ про свои дѣла кричить всѣмъ безъ умолку“. Про чьи дѣла?—Про свои. Мѣстоименіе „свой“ отличаетъ дѣла хвастуна отъ другихъ, опредѣляетъ. Что показываютъ опредѣленія?—Они показываютъ, какой предметъ, который и чей предметъ, сколько предметовъ; опредѣленіями бываютъ прилагательныя, числит. и мѣстоименія.

8. Сопоставленіе. Громкая бочка пуста.

Пустая бочка громка.

Находимъ, что прилагательныя имѣютъ двоякія окончанія: громкая—громка, пустая—пуста. Одни окончанія назовемъ полными, другія—краткими.

Прилагательныя въ краткихъ окончаніяхъ служатъ въ предложеніи сказуемыми, въ полныхъ—опредѣленіями.

Сказать прилагательныя, находящіяся въ баснѣ, во всѣхъ родахъ, въ полныхъ и краткихъ окончаніяхъ.

Составить предложеніе, въ которомъ имя прилагательное было бы сказуемымъ. Составить предложеніе, въ которомъ сказуемое глаголъ; къ подлежащему—существительному прибавить опредѣленіе прилагательное.

9. Анализъ. Выразить названія предметовъ двумя словами—существительнымъ и прилагательнымъ: добрякъ (добрый человѣкъ), старуха, ручка, ножища.

Синтезъ. Существительное съ прилагательнымъ слить въ одно слово: толстый человѣкъ, глупый человѣкъ, маленькій хорошій столъ, большой столъ.

Мы замѣчаемъ, что есть названія обозначающія, великъ или малъ предметъ. Такія названія—одни называются увеличительными существительными, другія—уменьшительными.

Лошадка—лошаденка; то и другое уменьшительное имя, но есть разница; лошадка—маленькая хорошая лошадь, лошаденка—маленькая худая лошадь. Первое уменьшительное—ласкательное, второе—уменьшительное презрительное.

10. Просклонить въ предложеніяхъ: а) прохожій, б) мостовая. Выясняется, что это прилагательные, употребляющіяся въ смыслѣ существительныхъ.

11. Въ баснѣ „Двѣ Бочки“ Крыловъ высказываетъ, что дѣловой человѣкъ тихъ, скромнъ. А самъ Крыловъ былъ-ли такимъ? Не получивъ школьнаго образованія, самъ научился всему, выбился изъ бѣдности своимъ трудомъ, поддерживалъ мать и брата, достигъ славы; но былъ „излишне скромнъ“ (Некрологъ). Въ басняхъ: „Медвѣдь и Бревно“ и „Мартышка и Очки“—Крыловъ осмѣиваетъ неумѣнье взяться за дѣло и безумный гнѣвъ. Умѣлъ-ли взяться за дѣло Крыловъ?—Чтобы отвѣтить на это, вспомните, какъ онъ научился французскому языку; прибавлю—на старости лѣтъ этотъ добродушный „дѣдушка“ выучился въ короткое время греческому языку. Въ баснѣ „Ворона и Лисица“ Крыловъ говоритъ, что лесть вредна. Въ произведеніяхъ Ив. Андр. высказывалъ много непріятной правды; каковъ въ сочиненіяхъ, таковъ былъ и въ жизни.

12. Басня по краткости можетъ быть продиктована.

XVIII. Собака и дятель (народная сказка).

1. Задается сказка на домъ, при чемъ предлагаются вопросы: что узнаемъ изъ сказки о собакѣ и дятлѣ? о жизни людей?

На первый вопросъ должно получиться приблизительно слѣдующее: Сокаба служить человѣку: стережетъ его имущество, скотъ, помогаетъ на охотѣ (это развитіе словъ сказки: „собака кормила и поила“). Люди бываютъ неблагодарны къ собакѣ: прогоняютъ ее отъ себя, даже убиваютъ. Дятель вьетъ гнѣздо на деревѣ, выводитъ дѣтей и улетаетъ для добыванія пищи.

На второй вопросъ: въ важныхъ случаяхъ своей жизни люди п р а з д н у ю т ъ, занимаются домашнимъ хозяйствомъ, занимаются сбытомъ своихъ произведеній (горшки). Въ этой же сказкѣ осмѣивается безтолковщина на свадьбѣ и въ другихъ случаяхъ: мужикъ проливаетъ вино, убиваетъ лошадь, разбиваетъ горшки.

Хотя здѣсь и говорится о жизни животныхъ, но очень мало,—главное—быть народа, многое осмѣивается: это—бытовая сатирическая сказка.

2. Суммированіе содержанія частей: а) Люди неблагодарны къ собакамъ. б) Дятель помогаетъ собакамъ. в) Человѣкъ убиваетъ собаку. г) Дятель мститъ.

Здѣсь мы видимъ собаку, людей и дятла. Собака обижена, люди — обидчики; дятель (слабое существо) помогаетъ обиженному и мститъ обидчику.

Обобщеніе. Одни, пользуясь услугами, взаимѣнъ бываютъ неблагодарны; другіе, сами слабые, неимущіе, помогаютъ. Подобная мысль выражается въ пословицѣ: „Не выкормивши, не выпивши, врага себѣ не наживешь“.

3. Просклонять въ предложеніяхъ „обычай“; матеріалъ для составленія предложеній можно брать изъ сказки; напр. именит. пад. У русскихъ есть обычай праздновать свадьбы и т. д.

Просклонять въ предложеніяхъ „лѣтній туманъ“; пополнить таблицы существительныхъ и прилагательныхъ; обратить вниманіе на винительный падежъ.

Просклонять въ предлож. „Медвѣдь“ и „воробей“; обратить вниманіе на винительный падежъ.

XIX. Птичка (Жуковского).

1. Чтобы показать связь между частями, при пересказѣ вставляются нѣкоторыя выраженія: а) Птичка играетъ, летаетъ и поетъ. Но вотъ прошло нѣсколько времени, осталось одно воспоминаніе: б) птичка летала, играла и пѣла. Является вопросъ: в) гдѣ же ты, птичка? самъ же авторъ отвѣчаетъ: въ дальнемъ краю птичка вьетъ гнѣздо и поетъ.

2. Пріятно, когда птичка летаетъ, играетъ и поетъ, потому что добрые люди могутъ радоваться чужой радости (см. ст. V Жаворонокъ Жуковского). Эта пріятность, радость смѣняется печалью о томъ, что птички ужъ нѣтъ (такая бываетъ печаль, когда мы расстаемся и съ людьми). Но эта печаль смягчается тѣмъ, что авторъ представляетъ веселую картину „въ дальнемъ краю“, утѣшается тѣмъ, что птичекъ тамъ хорошо и весело.

Обобщеніе. Грустно разставаться съ тѣми, кто насъ радовалъ; но если имъ хорошо, мы радуемся за нихъ. Иначе—человѣкъ сочувствуетъ другимъ.

3. Въ стихотвореніи говорится о чувствахъ (переливы чувства: радость, печаль, утѣшеніе): это лирическое стихотвореніе. Элементы: чѣмъ пробуждается чувство? сказано ли о чувствѣ?

4. Стихотворная форма: Птичка лѣтаетъ,
Птичка играетъ,
Птичка поетъ.

Удареніе чрезъ два слога, поэтому стихъ дѣлимъ на трехсложныя стопы;

схема:

	— ^{uu}		— ^u
	— ^{uu}		— ^u
	— ^{uu}		—

Въ каждомъ стихѣ только по одной полной стопѣ (вторыя не полныя). Стопа въ три слога съ удареніемъ на первомъ слогѣ называется дактилемъ.

5. Изъ трехъ первыхъ предложеній образовать одно слитное (слово птичка не повторять).

Повтореніе одного и того же слова безъ особой необходимости называется фигурою повторенія. Плеоназмъ, упомянутый прежде (XIV ст. Набитый дуракъ), тоже фигура. Какія еще особенности въ выраженіи извѣстны?—Метафора и проч. Въ данномъ стихотвореніи найти еще фигуру повторенія. Что это будетъ? Мчатся тучи, вьются тучи.—Мутно небо, ночь мутна.

6. Опредѣлить залогъ: Птичка вьетъ гнѣздо.—Гнѣздо вьется птичкою.—Гнѣздо свито птичкою.—Ты поешь пѣсню.—Пѣсня поется тобою.—Пѣсня спѣта тобою. Обращается вниманіе, что страдательный залогъ не всегда оканчивается на „ся“.

7. Птичка, летая, играя, поетъ. Что за формы—летая, играя? на какой вопросъ?

„Летающая, играющая птичка поетъ“.—„Летавшая, игравшая птичка поетъ“. Разобрать предложенія. „Летающая“, „играющая“—формы, похожія на имя прилагательное; прилагательная форма глагола называется причастіемъ; это настоящее причастіе; „летавшая“,

„игравшая“ — причастія прошедшаго времени. Измѣняйте по родамъ, по падежамъ.

8. Просклонять въ предложеніяхъ „пустое гнѣздо“, „синее море“; выдѣлить окончанія существ. и прилаг. и внести въ тѣ таблицы, въ которыхъ сходны окончанія. Матеріалъ для предложеній взять изъ „Перелетная птичка“ и „Птичка“ Жуковского.

Просклонять въ предложеніяхъ „умное дитя“; указать неправильности, обратить вниманіе на винительный пад.

9. Стихотвореніе по краткости и простотѣ очень удобно для диктовки; потомъ можно написать и пересказъ съ показаніемъ связи частей.

XX. Живая и мертвая вода (народная сказка).

1. Сказку читаютъ на дому. Ученики должны попытаться рѣшить вопросы: Что такое слѣпой царь, живая и мертвая вода, желѣзная палица, младшій братъ? Что такое конь, который много пьетъ соленой воды? Что такое Сонька-Боготворка? (объясняется, что „соней“ называется тотъ, кто много спитъ; Боготворка, вѣроятно, испорченное „богатырка“). Что такое звонъ струнъ и колоколовъ? Почему идетъ постройка кораблей?

2. Въ классѣ дѣлается подробный пересказъ и выясняется смыслъ сказки въ связи.

Наступила зима. Небо загромождено тучами, солнца не видно—природа ослѣпла. Лѣто и осень прошли, надежда на весну съ громомъ и молніей (съ желѣзною палкою), съ дождемъ (съ живою водою). Эта весна—младшій братъ; старшіе братья, по аналогіи, лѣто и осень. Конь, выпивающій много воды, туча, образующаяся изъ морскихъ испареній. Зимой нѣтъ дождя, потому что вода заперта льдомъ—это сдѣлала Сонька-Боготворка: она спитъ и держитъ у себя ключи отъ живой и мертвой воды—отъ дождя (живой воды) и снѣга (мертвой). Раздадутся весенніе звуки (звонъ струнъ и колоколовъ)—все проснется, проснется даже и Сонька-Боготворка; начнется приготовленіе къ плаванію на корабляхъ; но еще весна не вступитъ въ

силу: старшіе братья лѣчатъ отца мертвою водою—снѣгомъ; а тотъ, кто производитъ весну и владѣетъ живою водою, лежитъ въ помойной ямѣ (помойная яма имѣетъ тоже значеніе: передъ весною такъ грязно, какъ въ помойной ямѣ); выйдетъ онъ оттуда съ живительнымъ дождемъ, съ громомъ и молніей—и природа прозрѣетъ.

3. Существительныя имена—Дмитрій, Иванъ и Василій—даются для того, чтобы отличить одного человѣка отъ другого: такія имена называются собственными. Какое у Дмитрія, Ивана и Василя—общее имя?—Братъ, сынъ, царевичъ, человѣкъ. Это имена—общія, или нарицательныя. Сказать нѣсколько собственныхъ именъ—городовъ, рѣкъ и пр. Алексѣй, Петръ, Михаилъ—каждое изъ этихъ именъ называетъ только одинъ предметъ—это единицы. Общее имя ихъ—мальчикъ—названіе цѣлаго вида предметовъ. Видъ составляется изъ единицъ. Море—видъ; изъ какихъ извѣстныхъ вамъ единицъ составленъ этотъ видъ? Рѣка—тоже видъ; назовите единицы.

Лошадь, корова, овца—что это единицы или виды?—Виды.—Нельзя-ли ихъ назвать общимъ именемъ?—Животныя.—Животное—будетъ родъ: родъ составляется изъ видовъ.

Схемы: Видъ—

Алексѣй, Петръ, Михаилъ и проч.

Мальчикъ.

Родъ—

Мальчикъ, дѣвочка, мужчина, женщина, старикъ, старуха.

Человѣкъ.

Опредѣленіе общаго, или нарицательнаго, имени измѣняется такъ: Общее имя есть названіе цѣлаго рода или вида предметовъ.

Какія имена „вода“, „соль“?—Нарицательныя.—Но они имѣютъ еще особое названіе—вещественныя имена: они названіе вещества. Много-ли, мало-ли взято вещества—имя остается то-же.

„Лошадь“—имя нарицательное, а табунъ? Табунъ составляется изъ множества лошадей: это имя собирательное.

XXI. Весеннія воды (Тютчева).

1. Указать олицетворенія и славянизмы. Хороводъ—предметное объясненіе.

2. Суммирование содержанія. Бѣгучія воды радостно возвѣщаютъ приходъ весны съ теплыми днями (воды олицетворены).

Анализъ. Изъ чего можно видѣть, что воды возвѣщаютъ радостно? Разсматривается окраска явленій: воды—вѣстники весны, идущей по-праздничному (идетъ съ хороводомъ). Пріятно-ли объ этомъ возвѣщать? Воды шумятъ, бѣгутъ, блещутъ и гласятъ (кричатъ)—вся эта суетня отъ торопливости передать радостную вѣсть. „Весна идетъ! весна идетъ!“ повтореніе (фигура) отъ радости, потому—и знакъ восклицанія.

Обобщеніе. Все радуется наступленію весеннихъ дней.

Стихотвореніе лирическое. Какое сходство съ стихотвореніемъ „Жаворонокъ“?

3. Стихи скандуются, дается схема.

4. Сопоставляется съ мифическою сказкою. Въ сказкѣ—звуки пробуждаютъ Соньку-Боготворку; здѣсь шумъ водъ будитъ „сонный берегъ“. Мертвая вода является прежде весны, за ней весна, приносящая свѣтъ, прозрѣніе природѣ; здѣсь весеннія воды—передовые гонцы весны, а „въ поляхъ бѣлѣетъ сибѣтъ“, потомъ—весна со свѣтлыми днями. Приходъ весны въ этомъ стихотвореніи представленъ праздникомъ; въ сказкахъ то-же: гдѣ встрѣтится выраженіе—„веселымъ пиркомъ да свадьбу“, тамъ разумѣется наступленіе весны. Въ сказкѣ тучи и весна представлены живыми предметами; въ стихотвореніи—воды и весна олицетворены. Но въ сказкѣ эти живыя существа обладаютъ чудесною силою (сказка мифическая), чего нѣтъ въ простомъ обыкновенномъ стихотвореніи.

Генезисъ сказки. Народъ видѣлъ, что дѣлается въ природѣ, и спрашивалъ себя: что это такое? кто это производитъ? отвѣты на эти вопросы и представляютъ сказку.

Генезисъ стихотворенія. Поэтъ тоже видѣлъ, что происходитъ весною; но онъ, какъ человѣкъ образованный, понимаетъ, отчего это происходитъ—объ этомъ онъ и не спрашиваетъ: онъ просто любитъся и рассказываетъ, что для него пріятно; поэтъ говоритъ не о веснѣ, а о чувствѣ, какое пробуждается весною, рассказываетъ о томъ, какъ нарисовалась весна въ его душѣ. Чувство поэтъ выражаетъ образами, картинами; вмѣсто того, чтобы сказать: осталось кое-что непріятное—онъ говоритъ: „еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ“; далѣе—вмѣсто: чувствуется приближеніе радостнаго времени—онъ говоритъ: „а воды ужъ весной шумятъ“ и т. д. Всякое чувство у поэта одѣвается картиной.

5. „Хороводъ толпится“. „Толпится“—идеть толпой: въ этомъ глаголь заключается дѣйствіе „идеть“ и образъ дѣйствія „толпой“. Глаголь „идеть“ не оканчивается на „ся“—1-й группы; не требуетъ винительнаго падежа среднего залога, означаетъ дѣйствіе, не переходящее на другой предметъ; синонимическій глаголь „толпится“ означаетъ тоже не переходящее дѣйствіе, но принадлежитъ ко второй группѣ. Такіе глаголы называются глаголами общаго залога. Тихо идетъ—синонимы: тащится, плетется—глаголы общаго залога. Какого залога глаголы: мчатся (тучи), вьются (тучи)?

6. Хороводъ толпится. „Толпится“—сказуемое (почему? это глаголь изъявительнаго наклоненія), вмѣсто: толпиться (передъ согласною ъ пропускается); ть—окончаніе 3-го лица единственнаго числа. Какое подлежащее?—Онъ, она, оно (III ст. Перелетная птичка, см. соответствіе мѣстоименій личнымъ окончаніямъ); но при 3-мъ лицѣ глагола подлежащее точнѣе можно обозначить именемъ существительнымъ (хороводъ); подлежащее—хороводъ.

Сопоставимъ: Толпа—толпится. Общая часть этихъ словъ „толп“—корень. Въ словѣ „толп-и-тъ-ся“ между корнемъ и окончаніемъ стоитъ еще звукъ и, который называется суффиксомъ, тогда какъ ть (т)—личное окончаніе

глагола—называется флексіей. На концѣ слова находимъ еще приставку „ся“. Гдѣ еще бываетъ приставка? (см. III ст. Ворона и лисица).

Катехизація. Что такое флексія у глагола? Въ какомъ наклоненіи не можетъ быть флексіи? Что встрѣчается между флексіей и корнемъ? Какія части слова нами найдены?—Корень, флексія, суффиксъ, приставка.

7. Просклонять въ предложеніяхъ „пріятное время“; матеріаль для составленія предложеній взять изъ стихотворенія. Замѣчается нарощеніе. Въ склоняемыхъ словахъ окончанія падежей называются флексіями.

XXII. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ и сѣромъ волкѣ (Жуковского).

1. Чтеніе задается на домъ; ученики должны умѣть пересказать сказку и объяснить нѣкоторые образы.

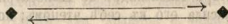
2. На урокъ выясняется смыслъ сказки. Не трудно догадаться, что жаръ-птица—солнце. Гдѣ золото, тамъ разумѣется тоже солнце: конь золотогривый—солнце. Сопоставимъ: Солнце красное взойдетъ.—Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать? И солнце красное, и дѣвица красная: солнце и дѣвица представляются сходными предметами, поэтому въ сказкахъ солнце представляется прекрасною дѣвицею. Итакъ три солища: жаръ-птица, конь золотогривый и Елена прекрасная. Народу лѣтнее, осеннее и весеннее солнце не могли представляться однимъ и тѣмъ же солнцемъ: по его понятію, три солища. Жаръ-птица появляется среди ночи, въ темное время, т. е. осенью. Жаръ-птица—осеннее солнце, которое воруетъ золотыя яблоки; обобщаемъ: золотыя яблоки—спѣлые плоды (разумѣется уборка плодовъ). Царь заболѣлъ—природа заболѣла; для исцѣленія нужна жаръ-птица, т. е. солнце. Младшій сынъ царя—весна, кромѣ жаръ-птицы, достаетъ и коня золотогриваго и Елену прекрасную. Младшій сынъ царя женится на прекрасной Еленѣ. Елена—весеннее

солнце, а конь золотогривый — лѣтнее. Волкъ помогаетъ младшему сыну: животныя заинтересованы въ смѣнѣ временъ года: зимой худо живетъ особенно волкамъ. Воронъ—туча, приносящая дождь; Кощей наводитъ сонъ, т. е. производитъ зиму, содержитъ въ плѣну прекрасную Елену; баба-яга—вѣтеръ, вьюги, метель: немудрено, что ей извѣстны всѣ уголки. Гусли-самогуды—это весенніе звуки; дубинка—громъ. Весна приноситъ и скатерть-самобранку: она даетъ пищу людямъ и животнымъ.

Грамматика. 3. „Два лѣшіе дерутся на дорогѣ—кусаются, брыкаются“. Въ этомъ предложеніи сказуемая—глаголы показываютъ дѣйствіе взаимное: дерутся, значитъ—бьютъ другъ друга; это глаголы взаимнаго залога. „Лѣшій дерется съ лѣшимъ“; гдѣ подлежащее? дополненіе? въ какомъ падежѣ? чѣмъ отличается отъ дополненія при страдательномъ залогѣ?

Схема: Подл.

Дополн.

4. Проспрягать глаголъ „драться“.

Въ этой сказкѣ такъ много образовъ, что послѣ чтенія ея, думаю, дѣтямъ можно читать мнѣическія сказки самостоятельно. Непонятные образы могутъ быть выяснены при контролѣ чтенія. Для чтенія удобно рекомендовать сказки Аванасьева въ изданіи для дѣтей.

Сказку эту переложилъ въ стихи Василій Андреевичъ Жуковский, родившійся въ Тульской губ. 1783 года, умершій въ 1852 году. Послѣ смерти отца, помѣщика, семилѣтній Жуковский воспитывался сначала (подъ главнымъ руководствомъ сестры своей Юшковой) въ семьѣ, состоящей, преимущественно, изъ женщинъ; здѣсь у него развилась та мягкость характера, которая сказалась въ его произведеніяхъ (см. „Жаворонокъ“ и „Птичка“). Живя въ деревнѣ, онъ полюбилъ природу и всегда говорилъ о ней съ любовью.

Окончательное образованіе Василій Андреевичъ получилъ въ Москвѣ въ университетскомъ пансіонѣ (1797—1800); здѣсь онъ подружился съ сыномъ директора А. И. Тургенева, который много способствовалъ развитію въ Жуковскомъ наклонности къ занятіямъ литературою.

По окончаніи курса Жуковскій служилъ въ главной соляной конторѣ, но не долго; онъ переселился въ маленький городъ Вѣлѣвъ, въ которомъ жизнь походила на сельскую; здѣсь онъ хотѣлъ жениться, но близкое родство помѣшало браку; это сдѣлало Жуковского навсегда грустнымъ, задумчивымъ и долго мѣшало ему приняться за дѣло. Только въ 1808-мъ году сдѣлался онъ редакторомъ „Вѣстника Европы“. Это дѣло такъ заняло его, что заставило забыть, хотя на время, то горе, которое со времени неудачи жениться, овладѣло его душою. Въ 1812 году, во время нашествія французовъ на Россію, Жуковскій поступилъ въ ополченіе и участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ и Тарутинѣ. На его сочиненія въ 1816 году обратилъ вниманіе Императоръ Александръ I; Императрица Марія Ѳеодоровна пригласила его къ себѣ чтецомъ; потомъ Жуковскій сдѣлался учителемъ русскаго языка у Императрицы Александры Ѳеодоровны; наконецъ онъ былъ назначенъ наставникомъ Наслѣдника престола, недавно царствовавшего Императора Александра II.

Послѣдніе годы до самой смерти Жуковскій жилъ за границей въ Беденъ-Баденѣ. Тѣло его перевезено въ С.-Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ.

Здѣсь перечисленіе главныхъ фактовъ изъ жизни Жуковского; дѣти, обладая хорошею памятью, легко могутъ усвоить факты, между тѣмъ какъ со временемъ, при большемъ умственномъ развитіи, память ослабѣетъ; тогда цѣлесообразное иллюстрація этихъ голыхъ фактовъ: каждое вновь прочитанное сочиненіе Жуковского можетъ быть примкнуто къ тому или другому періоду жизни.

А. Барсовъ.

(Продолженіе будетъ).

XXIII. Пѣсня Пахаря. (Кольцова).

На мой взглядъ, слѣдуетъ читать: «пашней—десятиной выбѣлимъ желѣзо», а не такъ, какъ обыкновенно читаютъ: «Ну, тащися, Сивка, пашней—десятиной». — «Сивка» — я принимаю за собственное имя, согласно народному употребленію: «по шерсти и кличка».

1. Для названій службъ, земледѣльческихъ орудій и работъ дается предметное объясненіе. Ученики отыскиваютъ метафоры и олицетворенія. «Самъ-другъ» — провинциализм: самъ-другой — второй.

2. Оглавленіе содержанія. а) Пахарь съ лошадыю. б) Восходъ солнца. в) Чувство пахаря (именно радость, въ сообществѣ съ лошадыю, при восходѣ солнца). г) Веселыя думы (о томъ, что пахарь дѣлалъ раньше въ этомъ году: «весело я лажу... и о томъ, что было въ прошломъ году: «весело гляжу я....) д) Думы о будущемъ, надежды на урожай; эта картина еще дѣлится — на аа) приготовленіе колыбели, бб) воспитаніе зерна, вв) вырѣзваніе колоса, гг) работы и дд) отдыхъ для хозяина и лошади. ее) Молитва.

Логическій порядокъ. Работы при восходящемъ солнцѣ радостно настраиваютъ пахаря, отъ чего въ немъ пробуждаются веселыя воспоминанія и думы о будущемъ. Много труда въ настоящемъ, много еще предстоитъ, но этотъ трудъ не безъ цѣли (сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ) — потому онъ пріятенъ. Радость пахаря переходитъ въ молитву, потому что, если не поможетъ Богъ, не будетъ урожая.

Суммированіе содержанія. Пахарь съ молитвою радостно работаетъ въ надеждѣ на счастливое будущее.

Обобщеніе. Трудъ пріятенъ, потому что онъ ведетъ къ хорошимъ послѣдствіямъ.

Примѣненіе. Кто лѣнитъ, не работаетъ, тотъ чего не увидитъ? — Сладости отдыха и хорошихъ послѣдствій труда. — Легокъ-ли трудъ, легко-ли учиться? — Иногда очень тяжело; но «корень ученія горекъ, да плоды его сладки». Какіе плоды? Въ отвѣтъ останавливается вниманіе не столько

на внѣшнихъ преимуществахъ, получаемыхъ образованіемъ, сколько на внутреннемъ перерожденіи.

3. Стихотвореніе лирическое. Хорей.

4. Въ этомъ стихотвореніи три глагола второй группы: „тащиться“, „загорѣться“, и „рядиться“ (одѣваться). При третьемъ изъ нихъ, отбросивъ частицу „ся“, можно поставить, вмѣсто нея, возвратное мѣстоименіе „себя“: колось рядить себя (одѣваетъ себя)—дѣйствіе возвращается на дѣйствующій предметъ. Такіе глаголы называются глаголами возвратнаго залога.

Какого залога другіе два глагола? Имѣть въ виду: тащиться—идти тихо, загорѣться—начать горѣть.

Здѣсь представляются схемы всѣхъ залоговъ:

		Подл.	Доп.
Первой группы:	Дѣйствит. залогъ:	◆	◆
	Средній залогъ :	◆	◆
Второй группы:	Возвратный :	◆	◆
	Взаимный :	◆	◆
	Общій :	◆	◆
	Страдательный :	◆	◆

5. Сопоставленіе. Свѣча горитъ—означаетъ дѣйствіе продолжающееся, свѣча сгорѣла—указывается на то, что дѣйствіе совершилось все, отъ начала до конца. Свѣча загорѣлась—совершилось начало. Свѣча догорѣла—указывается на конецъ дѣйствія.

Какія времена—горю, сгорю, догорю, загорюсь?

Произвести всѣ времена. Первый глаголь—горю—имѣть всѣ времена—настоящее, прошедшее и будущее сложное (буду горѣть); другіе глаголы настоящаго времени не имѣютъ, а имѣютъ будущее простое, похожее по окончаніямъ на настоящее. Глаголы, имѣющіе всѣ три времени, показывающіе дѣйствіе продолжающееся, называются глаголами несовершеннаго вида; другіе называются глаголами совершеннаго вида; первый изъ нихъ—просто

совершеннаго вида, второй—совершеннаго начинательнаго, третій—совершеннаго—окончательнаго. 6. Просклонять въ предложеніяхъ: „хорошая пашенка“; обратить вниманіе на отступленія вслѣдствіе несочетаемости нѣкоторыхъ звуковъ, на вставочное О.

XXIV. Микула Селяниновичъ и Вольга Всеславьевичъ. (Былина).

1. Чтеніе задается на домъ. 2. Смыслъ объясняется обобщеніемъ. Микула Селяниновичъ занимается земледѣліемъ; разумѣются подъ этимъ именемъ всѣ земледѣльцы. Чѣмъ они занимаются? Вольга Всеславьевичъ съ дружиною—вообще люди военные, которые занимались войною; разбойники—люди, не привыкшіе къ труду, занимающіеся грабежомъ: Микула, Вольга, разбойники—весь народъ.

Такимъ образомъ—было время, очень давно, когда часть населенія занималась земледѣліемъ, жила осѣдло; другая часть—люди военные, ходившіе въ походъ, они собирали дань и съ побѣжденныхъ, и съ тѣхъ, которыхъ защищали отъ непріятеля; вмѣстѣ съ ними иногда ходили въ походъ и земледѣльцы для борьбы съ общими врагами; осѣдлые также и отдѣльно боролись съ кочевниками—разбойниками, нападавшими на нихъ.

Кто оказывается сильнѣе? Чья жизнь пріятнѣе?

Здѣсь разсказано, какъ жилъ русскій народъ, чѣмъ занимался весь народъ. Такіе разсказы называются былинами. Въ былинѣ есть тоже сказочный элементъ,—указать его (этотъ элементъ открывается тѣмъ путемъ, какимъ и въ другихъ сказкахъ).

3. Сопоставленіе и систематизація. Сначала люди, занимаясь звѣроловствомъ, жили отдѣльно другъ отъ друга; того требовало ихъ занятіе. Эти люди видѣли явленія природы—смѣну времени года и сутокъ, дождь и засуху, холодъ и жаръ—и старались объяснить себѣ, отчего это происходитъ: такъ явились мифическія сказки или мифическій эпосъ. Имѣя дѣло съ животными сначала

дикими, а потомъ и съ домашними, люди изучали ихъ жизнь—отсюда произошли сказки о животныхъ. Позднѣе нѣкоторые стали заниматься земледѣліемъ, дѣлали запасы хлѣба, потому что „хлѣбъ ихъ богатство“ (Пѣсня пахаря); тѣ-же, которые кочевали, нападали на осѣдлыхъ, чтобы поживиться ихъ богатствомъ; осѣдлые сами защищались, а также приглашали къ себѣ князей съ дружиною, чтобы они защищали ихъ: рассказы о томъ, что дѣлалъ цѣлый народъ, чѣмъ занимался, какъ защищался отъ враговъ, называются былинами, былиннымъ эпосомъ. Рассказы о домашней, семейной жизни осѣдлыхъ представляютъ бытовые сказки, бытовой эпосъ. Мифическій эпосъ, животный эпосъ, былинный и бытовой эпосъ—вмѣстѣ представляютъ устную эпическую поэзію.

О чемъ говорится въ лирическихъ произведеніяхъ.

Куда отнести басни?

4. Катехизація. Какое отличіе первой группы глаголовъ отъ второй? Въ какомъ падежѣ ставится подлежащее при каждомъ залогѣ? Въ какомъ падежѣ ставится дополнение при дѣйствительномъ залогѣ? Дѣйствующій ли предметъ подлежащее?—дополнение? Предполагается-ли дополнение при среднемъ и общемъ залогахъ? Въ какомъ падежѣ дополнение при взаимномъ залогѣ? съ какимъ предложениемъ дѣйствуетъ-ли подлежащее?—дополнение? Въ какомъ падежѣ дополнение при страдательномъ залогѣ? гдѣ дѣйствующій предметъ?

Сколько мы узнали видовъ? Сколько временъ имѣетъ несовершенный видъ? совершенный? какое будущее у несовершеннаго вида? у совершеннаго вида? Сколько наклоненій? Какъ называется прилагательная форма глагола? нарѣчная?

XXV. Стрекоза и Муравей. (Крылова).

1. Читается на урокъ. Указываются метафоры.—„Поди-же попляши“. Будетъ-ли Стрекоза плясать?—Голодному не до пляски.—Кто пляшетъ, тому весело; весело-ли Стрекозѣ? Такъ говорить Муравей въ насмѣшку; если говорится

въ насмѣшку противоположное тому, что на самомъ дѣлѣ есть, то выраженіе называется ироніей. Иронія—тропъ; какіе еще извѣстны тропы?

2. Здѣсь представлено два животныхъ съ ихъ свойствами: Стрекоза поетъ, Муравей трудится. Стрекоза обращается къ Муравью за помощью, Муравей отказывается. Кого здѣсь нужно разумѣть? Какое это произведеніе?

Смыслъ басни, кто не трудится, не долженъ ѣсть. Справедлива-ли эта мысль?—Справедлива.—Должно-ли такъ поступать, какъ Муравей? Мы должны помогать другимъ, а судить ихъ не наше дѣло.

Таковъ христіанскій взглядъ. Ап. Павелъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «не трудивыйся, да не ястъ», а въ другомъ: «ты кто еси судій чуждему рабу»? Кто не трудится, тотъ долженъ понимать, что никто не обязанъ его кормить, что съ нимъ можетъ случиться непріятная исторія; если кто-нибудь его и накормитъ, то сдѣлаетъ это по христіанскому милосердію, изъ любви къ человѣку вообще. Эту оговорку дѣлаю потому, что многіе возстаютъ противъ морали этой басни; но не нужно ставить Муравья, какъ образецъ для подражанія, а дѣти должны знать перспективу бездѣльничанья.

Трудился-ли самъ Крыловъ? Слѣдовалъ-ли онъ примѣру Муравья? Крыловъ былъ очень добрый человѣкъ: онъ помогалъ матери, помогалъ и младшему брату Льву Андреевичу, который получалъ маленькое содержаніе; значитъ Крыловъ не поощрялъ только лѣности.

3. Въ первомъ предложеніи предметъ, о которомъ говорится, названъ двумя именами—„попрыгунья-Стрекоза“; главное изъ этихъ именъ „Стрекоза“ будетъ подлежащее, а другое приложеніе къ нему. Приложеніе опредѣляетъ, показываетъ, какой предметъ, или кто онъ; но выражается не именемъ прилагательнымъ, а существительнымъ.

Найти приложеніе: Чижа захлопнула злодѣйка—западня.—Красавица—зорька въ небѣ загорѣлась.—За весной—красой природы—лѣто знойное пройдетъ.—Сосѣдущка, мой свѣтъ, пожалуй-ста, покушай!

Приложеніе отдѣляется или тире, или запятою.

4. Въ баснѣ мы находимъ опредѣленіе „красное“ къ слову „лѣто“. Сопоставимъ: красное лѣто—сухое лѣто. Опредѣленіе „сухое“ отличаетъ одно лѣто отъ другого: всякое лѣто можно назвать краснымъ. Это послѣднее опредѣленіе будемъ называть опредѣленіемъ—эпитетомъ. Можно замѣтить также, что и приложеніе „попрыгунья“ не отличаетъ эту Стрекозу отъ другихъ: всякую стрекозу можно назвать попрыгуньей; это тоже приложеніе—эпитетъ. Эпитетъ только обрисовываетъ предметъ. Найти эпитетъ: Въ теплый край за сине море улетаетъ до весны. Заря—заряница, красная дѣвица по двору ходила, ключи обронила; мѣсяцъ видѣлъ не поднѣлъ, солнце скрало (загадка).

5. Сопоставленіе. Стрекоза пѣла лѣтомъ. Стрекоза пѣвала. Оба глагола въ прошедшемъ времени, но первымъ изъ нихъ показывается продолжающееся дѣйствіе, вторымъ—дѣйствіе, повторяющееся много разъ: видъ многократный. Употребляется только въ прошедшемъ времени.

Сопоставленіе. Оглядывалась, оглянулась.

Оглянулась—дѣйствіе произошло одинъ разъ и очень быстро: видъ однократный. Въ какихъ временахъ употребляется?

Перечислить всѣ виды; сказать, какого вида каждый глаголъ въ баснѣ; употребить ихъ и въ другихъ видахъ.

6. Басня можетъ быть продиктована для объясненія знаковъ препинанія.

XXVI. Классная комната. (Л. Толстого).

1. Этотъ отрывокъ читается дома. Ученики могутъ попытаться сдѣлать оглавленіе содержанія.

2. Анализъ можно произвести такъ: О чемъ говорится въ этомъ сочиненіи?—О классной комнатѣ.

Какія части комнаты?—Четыре стѣны и середина:—Что вы узнали о первой стѣнѣ?—Въ ней входная дверь; около двери двѣ полочки; на полочкахъ книги.

Первая часть—стѣна съ дверью

(ученическ.)	}	книги ученик.
(полка)		
(полка)	}	книги учителя
(учителя)		

Главный предметъ—стѣна съ дверью; ея принадлежности—полка; принадлежности полокъ—книги.

Почему объ этой стѣнѣ говорится прежде всего?—Она ближе другихъ ко входящему человѣку.

Вторая часть: другая стѣна

(ландкарты.	}
(линейка	

Третья часть: стѣна съ дверью

(классная доска	}
(уголь.	

Четвертая часть: середина комнаты

(столъ	}
(табуреты.	

Пятая часть: стѣна съ окнами видъ

(дорога	}
(аллея	

изъ оконъ

(плетень	}
(лугъ	

(гумно

(лѣсъ	}
(терраса.	

Кромѣ перечисленія частей комнаты и ихъ принадлежностей, говорится еще, какія эти части и каковы принадлежности: говорится о признакахъ. Сочиненія, въ которыхъ рассказывается о какомъ-нибудь предметѣ: перечисляются его части и принадлежности, показывается, какъ они располагаются по мѣсту, говорится о признакахъ, называются описаніями.

3. Дѣлается описаніе класса, въ которомъ находятся ученики. Прежде всего избирается пунктъ, съ котораго нужно смотрѣть на предметъ: перечисляются части, принадлежности, признаки; потомъ все это пересказывается въ порядкѣ, выработанномъ подъ руководствомъ учителя.

Въ первомъ классѣ, я полагаю, должны преобладать устные работы; если же дѣлаются письменныя, то имъ предшествуютъ устныя.

4. Склоняются въ предложеніяхъ „двѣ полочки“ „пять полочекъ“; обращается вниманіе, въ какой формѣ является существительное при числительныхъ; дѣлается индукція.

XXVII. Наступленіе зимы. (Пушкина).

1. Предметныя объясненія: Отчего солнышко блеститъ рѣже? отчего день короче? Въ третьемъ предложеніи синонимъ къ архаизму „сѣнь“—тѣнь; сопоставляется со словомъ „сѣни“ (часть крестьянскаго дома); дѣлается перестановка: таинственная тѣнь лѣсовъ.

Сопоставленіе. „Лѣсная тѣнь обнажилась“.

Тѣнь лѣсовъ обнажилась.

Вмѣсто прилагательнаго „лѣсная“ опредѣленіемъ можетъ служить родительный падежъ существительнаго.

Тѣнь названа таинственною, потому что не видно, что скрывается въ тѣни.

Обнажилась—сдѣлалась нагою, голою.

Перенесеніе: Обнажались деревья.

..... тѣнь.

Сказуемое перенесено: обнажалась тѣнь. Между тѣнью и деревьями нѣтъ сходства, а есть другое отношеніе: деревья производятъ тѣнь; деревья—производитель (причина), тѣнь—то, что производится (слѣдствіе). Перенесеніе, основанное не на сходствѣ, а на другомъ какомъ-нибудь близкомъ отношеніи, называется метониміей.

Показать перенесеніе: а) Работающіе люди умолкли. б) Шумъ работъ умолкъ. а) Пастухъ не зоветъ. б) Рожокъ не зоветъ.—а) Воздухъ во мглѣ холоденъ. б) Мгла холодная.

Хотя это должно быть произведено дедуктивно, но помощь учителя еще очень нужна для анализа.

Найти метафоры и олицетворенія.

2. Раздѣлить въ тетрадахъ на стихи такъ, чтобы въ первомъ стихѣ было четыре двусложныя стопы и еще одинъ слогъ, во второмъ и третьемъ по четыре стопы, въ четвертомъ—какъ въ первомъ; остальное дѣлится на стихи по приемамъ.

Думаю, что такое упражненіе бесполезно: повторяется дѣленіе на слоги, для чего нужно различать гласные, согласные и полугласные; прочнѣе устанавливается понятіе о стихѣ и стопѣ; отыскиваніе рѣзныхъ звуковъ тоже вызываетъ само-дѣятельность и развиваетъ слухъ.

— Стихи скандуются.

3. Въ первой части признаки приближенія скучной поры. Во второй части—скучная пора.

Вопросы для анализа содержанія:

а) Какой мѣсяцъ названъ скучною порою? Какъ узнать приближеніе скучной поры? что тогда дѣлается съ солнцемъ? со днемъ? что происходитъ въ лѣсу? на поляхъ? что дѣлаютъ птицы?

б) Какъ начинается день въ скучную пору? Какая перемѣна на нивахъ? Что случается на дорогахъ? Что дѣлается въ селеніяхъ?

Для облегченія пересказа можно употребить пріемъ, въ которомъ участвуетъ и грамматика: ученики, смотря въ книгу, перечисляютъ всѣ подлежащія, а потомъ то же дѣлаютъ наизусть и прибавляютъ сказуемыя съ объяснительными словами.

Логическая послѣдовательность. Сначала говорится, что сдѣлалось съ солнцемъ (съ днемъ)—это причина всего, о чемъ говорится дальше: отъ перемѣны, происшедшей съ солнцемъ, стали желтѣть и падать листья; отъ холоду туманъ сдѣлался гуще, тяжелѣе, и потому ложится на поля; отъ холоду же улетаютъ и птицы. Это первая часть.

Во второй части представлено холодное утро, которое представляетъ фонъ картины. Потомъ рассказывается, что произошло на нивахъ, на дорогѣ, въ селеніи.

4. Во всемъ стихотвореніи говорится о той скукѣ, какая чувствуется зимой, когда деревья (потерявъ листья) погружаются въ сонъ, земля окутывается туманомъ и мглой, умолкаютъ нивы, пастбища и селенія. Это стихотвореніе лирическое.

5. Грамматика. Въ первомъ предложеніи къ сказуемому относится обстоятельство образа „рѣже“—это нарѣчіе.

Сопоставимъ: Солнце блистало рѣдко.

Солнце блистало рѣже, чѣмъ прежде.

Во второмъ случаѣ сравнивается съ прежнимъ—это сравнительная степень. „Рѣдко“—положительная степень.

Бываютъ въ году дни, когда солнце блистаетъ рѣже всего;—„рѣже всего“—превосходная степень.

Зимній день коротокъ.

Зимній день короче лѣтнаго.

10-го декабря—самый короткій день въ году.

„Коротокъ“ (какъ и рѣдко)—положительная степень; „короче“—сравнительная; „самый короткій“—превосходная степень.

Слова „рѣдко“, и „рѣже“, „рѣже всего“ относятся къ глаголамъ и отвѣчаютъ на вопросъ—какъ?—это нарѣчія.

Слова: „коротокъ“, „короче“, „самый короткій“—относятся къ имени существительному „день“, показываютъ, каковъ (или какой) день; это имена прилагательныя.

Нарѣчіе „рѣже“ и прилагательное „короче“ по окончанію не отличаются. Какъ узнать, какая часть рѣчи? Найти сравнительную степень и сказать, какая часть рѣчи—имя прилагательное или нарѣчіе:

Пташкѣ зеленая вѣтка лучше золотой клѣтки.—Лучше свое отдать, чѣмъ чужое взять.—Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Добрый скорѣе дѣло сдѣлаетъ, чѣмъ сердитый.—Укрѣпится человѣкъ—крѣпче камня, ослабнетъ—слабѣе воды.—Скупой богачъ бѣднѣе нищаго.—Доброе слово лучше мягкаго пирога.

Какія окончанія въ сравнительной степени? Чѣмъ отличается прилагательное отъ нарѣчія?

6. Маленькій горбатенькій все поле обскакалъ.

„Маль золотникъ, да дорогъ“.

Маловатъ золотникъ въ сравненіи съ фунтомъ.—Золотникъ малешенекъ.

а) Маленькій, маловатый—немного малъ. б) Малешенекъ очень малъ. Первые прилагательныя называются уменьшительными; указывающія на увеличеніе качества называются увеличительными.

7. Можно начать систематизацію свѣдѣній о частяхъ рѣчи.

XXVIII. Дѣтство. (Л. Толстого).

1. Чтеніе задается на домъ.

2. Извлеченіе существеннаго содержанія частей:

а) Мальчикъ, слушая разговоры, дремлетъ и засыпаетъ въ креслѣ.

б) Мать будитъ мальчика и разговариваетъ съ нимъ.

в) Мальчикъ молится въ своей комнаткѣ;

г) лежитъ одинъ въ постели.

3. Повѣствованіе. Здѣсь рассказано, что произошло съ мальчикомъ, хотя въ одинъ вечеръ, но въ разное время; было четыре событія—одно за другимъ.

Чѣмъ кончилось первое? Мальчикъ заснулъ.—Чѣмъ кончилось второе?—Мальчикъ пошелъ въ свою комнату.—Чѣмъ кончилось третье?—Мальчикъ легъ въ постель.—Четвертое кончилось тѣмъ, что мальчикъ заснулъ.

Какъ можно раздѣлить на событія сегоднешній вашъ день?—а) Дома. б) Первый урокъ. в) Второй урокъ и т. д.

Перемѣняется мѣсто—начинается другое событіе; перемѣняются люди, опять другое событіе и т. д.

Между тѣмъ время идетъ да идетъ: все происходитъ во времени. Рассказъ о томъ, что случилось съ кѣмъ нибудь во времени, называется повѣствованіемъ.

4. Сопоставленіе. а) Что мы видѣли въ описаніи?—Части, принадлежности, признаки. Если мы будемъ описывать мальчика Колю, что должны прежде всего отыскать?—Части.—Какія же?—Голова, шея и т. д.

Потомъ отыскиваемъ особые признаки каждой части, потомъ—принадлежности. а) Если мы вздумаемъ, наоборотъ, классную комнату не описывать, а повѣствовать о ней, что нужно сдѣлать?—Нужно узнать, что съ ней было въ разное

время. а) Какой порядокъ въ описаніи? Изображаемъ сначала или ближайшую часть, или важнѣйшую; потомъ говоримъ о слѣдующей части, которая ближе по мѣсту и т. д. б) Какой порядокъ въ повѣствованіи?—Что случилось впередъ по времени, о томъ прежде и говорится.

5. Грамматика. Разсматриваются мѣстоименія—одни изъ нихъ, какъ имена прилагательныя, прибавляются къ существительнымъ и согласуются съ ними въ родѣ, числѣ и падежѣ—это мѣстоименія прилагательныя; другія стоятъ отдѣльно, вмѣсто именъ существительныхъ—это мѣстоименія существительныя. Тѣ и другія склоняются въ предложеніяхъ.

Дѣленіе мѣстоименій на личныя, возвратныя, притяжательныя и проч. сообщается при случаѣ.

XXIX. Водопадъ и Ручей. (Крылова).

1. „Съ надменностью“—съ надутостью, съ гордостью. Кто гордится, надуваетъ лицо: наружный признакъ надутость (славянизмъ—надменность)—вмѣсто внутренняго—гордость—метонимія.

Для слова „ключъ“ дается предметное объясненіе; сопоставляется со словомъ „ключъ“—орудіе для отмыканія замковъ. Звуки одни и тѣже, а значеніе словъ разное; такіа слова называются гомонимами.

Путь и дорога синонимы. Коса—орудіе.—коса на головѣ и коса въ морѣ. Что одинаковое въ синонимахъ?—въ гомонимахъ? Что разное въ синонимахъ? въ гомонимахъ?

2. Въ баснѣ говорится о водопадѣ и ручей. Водопадъ, падая со скалъ, шумитъ, ручей тихо журчитъ подъ горою: водопадъ представляется гордымъ, ручей смиреннымъ; водопадъ, не принося пользы, думалъ о себѣ слишкомъ много; ручей же только зналъ, что онъ приноситъ пользу, но не хвастался.

Обобщеніе. Кто много шумитъ, гордится, въ томъ мало толку; больше пользы отъ тихаго, смиреннаго. Сравнить съ баснею „Двѣ Бочки“.

Примѣненіе. Кто больше дѣлаетъ—крикуны или скромные мальчики?

3. Грамматика. а) Какая форма „кипящій“, играющій, несущій, лежащій? Общее окончаніе „щій“; передъ нимъ въ глаголахъ 1-го спряженія: у или ю, 2-го спряженія: а или я—ущій, ющій, ащій, ящій; (сопоставить съ окончаніемъ 3-го лица множ. ч. утъ, ютъ, атъ, ятъ).

Произвести отъ этихъ глаголовъ причастія прошедшаго времени; окончанія: вшій, шій.

Какая форма „свергаясь“, свергавшись? Найти всѣ глаголы въ баснѣ и произвести отъ нихъ причастія и дѣе-причастія.

б) Сопоставленіе.

а) Искѣляющій ручей смиренно журчалъ.

б) Искѣляемый человекъ радуется.

Искѣляющій и искѣляемый—причастія; искѣляющій—тотъ, кто искѣляетъ, кто самъ дѣйствуетъ: это дѣйствительный залогъ; „искѣляемый“—тотъ, кто искѣляется, самъ не дѣйствуетъ, а принимаетъ на себя дѣйствіе: страдательный залогъ.

а) Искѣлившій и б) искѣленный—тоже причастія, только прошедшаго времени.

Сказать страдательныя причастія во всѣхъ окончаніяхъ.

4. Просклонять въ предложеніяхъ: кипящій водопадъ, кипящая вода; 23 человекъ.

XXX. Двѣ доли.

1. Чтеніе задается на домъ; при пересказѣ указаннымъ способомъ выделяются дѣйствительные факты, бытовые черты. Одинъ человекъ бьется изо всѣхъ силъ—ничто ему не удается; обремененный большой семьей, живетъ онъ въ бѣдности. Другой не работаетъ; ѣстъ, пьетъ, гуляетъ, а во всемъ ему удача. Но вотъ, произошла перемена: бѣдный разбогатѣлъ, богатый обѣднѣлъ. Такъ оно и должно быть—причина совершенно понятна: трудъ когданибудь приведетъ къ довольству, а разгулъ къ бѣдности.

Сказочный элементъ. Не такъ думаетъ народъ: если одному все удастся, то только потому, что на него работаетъ „Счастье“; за другимъ же увязалось „Горе“, а „Счастье“ его подъ кустомъ лежитъ: нужно спровадить „Горе“ и заставить „Счастье“ работать на себя—тогда и пойдетъ все хорошо.

Генезисъ сказки таковъ: сначала народъ видитъ фактъ: одинъ братъ бѣденъ, другой—богатъ; у перваго много дѣтей; далѣе замѣчаетъ: бѣдный работаетъ, богатый гуляетъ; наконецъ, неожиданно бѣдный разбогатѣлъ, богатый обѣднѣлъ.

Здѣсь такъ много страннаго, что, непременно, вмѣщались какія—нибудь высшія силы—и вотъ къ разсказу о томъ, что дѣйствительно было, примѣшивается сказочный элементъ.

Какая это сказка?

2. а) Жилъ—жить—жизнь—жилье—жилой. Это слова подобныя, т. е. одного корня; корень „жи“. Въ неопредѣленномъ наклоненіи окончаніе „тъ“ прибавляется прямо къ корню.

б) Задумали—задумать—думать, задумчивый; корень—„дум.“ Въ неопредѣленномъ наклоненіи „думать“ окончаніе „тъ“ прибавлено не прямо къ корню; между корнемъ „дум“ и окончаніемъ „тъ“ стоитъ суффиксъ „а“: дум-а-тъ.

Глаголы, въ которыхъ окончаніе прибавляется прямо къ корню, называются первообразными; тѣ-же, въ которыхъ есть еще суффиксъ—производными.

3. Спрягается въ настоящемъ времени нѣсколько первообразныхъ глаголовъ; дѣлается индукція: всѣ первообразные глаголы перваго спряженія.

Обыкновенно, въ грамматикахъ рекомендуется узнавать спряженіе по 2 лицу единственнаго числа и по 3 множ. ч.; но такой способъ не имѣетъ цѣнности: 2 и 3 лица—искомое: какъ писать—дышишь или дышешь? дышутъ или дышатъ? Нуженъ другой способъ: мною принятъ простѣйшій приемъ—спраженіе узнается по неопредѣленному наклоненію.

а) Глаголы производные съ постояннымъ суффиксомъ, т. е. не пропадающимъ въ 1 лицѣ настоящаго или будущаго (простого) времени—перваго спряженія.

б) Жениться, дѣлиться, ссориться, вздорить, смотрѣть, видѣть, закричать—глаголы второго спряженія. Въ первыхъ четырехъ глаголахъ суффиксъ „и“, который всегда указываетъ на 2-е спряженіе. Въ пятомъ и шестомъ суффиксъ „ѣ“—непостоянный (смотрѣть—смотрю, видѣть—вижу). Въ 7-мъ глаголѣ суффиксъ „а“ послѣ шипящаго звука непостоянный (закричать, закричу).

Итакъ—и, ѣ непостоянные, а послѣ шипящихъ непостоянное—суффиксы 2-го спряженія.

г) Глаголы съ непостояннымъ „я“ колеблются между первымъ и вторымъ спряженіемъ: стоять, бояться—2 спряженія; чують (вм. чувать, сравн. чувство)—1 спряженія.

XXXI. Пословицы и загадки.

I. Муравей не великъ, а горы копаеъ.—Не величка капля, а камень долбитъ.—Терпѣніе и трудъ все перетрутъ.

II. Грозовую тучу Богъ пронесетъ.—Дождь вымочить, а красное солнышко высушить.

III. Ъду, ѣду—слѣду нѣту; рѣжу, рѣжу—крови нѣту.—Точимъ скатерти браныя, ставимъ яства сахарныя людямъ на потребу, Богу на угоду.

I. Маленькій муравей копаеъ большія горы; маленькая слабая капля долбитъ брѣвнкій камень.

Вы, маленькіе, можете ли сдѣлать что—нибудь очень трудное? Указывается какойнибудь конкретный предметъ, находящійся передъ глазами, напр. горка, которую можно бы прорыть для какойнибудь цѣли, рѣка, теченіе которой можно поворотить въ сторону и т. д.

Слабые люди строить дома, взрываютъ горы, отводятъ рѣки, прокапываютъ новыя (каналы), отодвигаютъ плотинами море и проч.

Какъ же они это дѣлаютъ?—Терпѣніе и трудъ все перетрутъ, говорить пословица.

Обобщеніе. Всякій, какъ-бы онъ малъ и слабъ ни былъ, можетъ преодолѣть всѣ трудности; съ малыми силами можно дѣлать великія дѣла.

Примѣненіе. Тебѣ заданъ большой урокъ—можешь ли его выучить? №: плохой ученикъ—можетъ ли онъ перейти въ слѣдующій классъ?

Ты пишешь неправильно—можешь ли научиться? и проч. Что нужно для этого? Терпѣніемъ и трудомъ всего можно достигнуть, конечно, не вдругъ, а постепенно: „права ножка, лѣва ножка—подымайся понемножку“.

Выясненіе. Чѣмъ перетираютъ нитку, веревку?—Деревомъ, желѣзомъ, вообще—чѣмъ нибудь твердымъ. А можно ли, наоборотъ, дерево перетереть нитками, веревками?—Можно, только нужно много труда и терпѣнія, такъ много, что кажется, будто это дѣлается не нитками и веревками, а терпѣніемъ и трудомъ; мы и говоримъ: „терпѣніе и трудъ все перетрутъ“. Выходитъ перенесеніе:

Желѣзо и дерево перетираютъ.

Терпѣніе и трудъ

Какъ называется такое перенесеніе?

На предложенные, въ рубрику «Примѣненіе», вопросы ученики и преподаватель могутъ отвѣчать пословицами, изъ чего ученики увидятъ, что «русская пословица ко всему приходится», что пословицы учатъ, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Нужно показать, что «и на твою честь пословица есть», «и на нашу спесь пословица есть», а «на пословицу, что на дурака, суда нѣтъ», потому что неизвестно, кто ее сочинилъ. Худо поступаешь—найдется пословица, которая осмѣетъ тебя: «отъ пословицы не уйдешь». Такимъ образомъ—значительно выясняется смыслъ пословицъ, а особенно ихъ примѣненіе къ дѣлу; примѣненіе пословицъ придаетъ силу нашей рѣчи.

Анализъ. Каждую пословицу (I) разложить на два совершенно отдѣльных предложенія.

Дедукція. (Изъ понятія о слитныхъ предложеніяхъ,

ст. III. Перелетная птичка). Что составилось изъ соединенія этихъ предложеній попарно? При помощи чего слиты предложенія?

Синтезъ. Первыя двѣ пословицы обратить въ простые предложенія, обративъ сказуемыя прилагательныя въ опредѣленія.

Дедукція. Чѣмъ отличается сказуемое прилагательное отъ опредѣленія прилагательнаго по формѣ?

Анализъ. Капля есть не велика. Какъ сказать это же въ прошедшемъ времени?—Капля была не велика.—Въ будущемъ?—Капля будетъ не велика. Сказать въ повелительномъ наклоненіи. Какъ обозначается время и наклоненіе сказуемаго прилагательнаго?

Индукція. Если сказуемое не глаголь, то время обозначается глаголомъ „быть“, который называется вспомогательнымъ глаголомъ.

Дается образецъ спряженій глагола „быть“ при чемъ дѣлается замѣчаніе, что формы настоящаго времени въ 1-мъ и 2-мъ л. обоихъ чиселъ не употребляются.

II. Если грозитъ намъ бѣда, не нужно бояться: „грозную тучу Богъ пронесетъ“. Ничего, если и случится бѣда: „дождь вымочить—красное солнышко высушить“. Здѣсь аллегорія,—выяснить. Нѣтъ-ли аллегоріи въ прежнихъ пословицахъ?

Смыслъ пословицъ, заключающихъ аллегорію, можно объяснить и обобщеніемъ.

III. Чтобы ученики могли разгадать первую загадку, можно поставить слѣдующіе вопросы: На чемъ люди ѣздятъ? Верхомъ на лошади, въ телѣгѣ, на машинѣ, на лодкѣ, на пароходѣ, на парусномъ суднѣ.—Въ какомъ случаѣ не остается слѣду?—Отъ машины, отъ лодки, отъ парохода, отъ паруснаго судна. Принявъ во вниманіе вторую часть загадки: „рѣжу, рѣжу—слѣду нѣту“, легко разгадать.

При объясненіи второй загадки ставится сначала неопредѣленный вопросъ: кто это дѣлаетъ? Если дѣти не угадаютъ, область постепенно суживается: а) это дѣлаютъ живыя существа, б) не люди; в) маленькія животныя; г) не

млекопитающія; д) насѣкомыя. Если-бы и послѣ этого ученики не угадали, тогда можно найти другимъ путемъ: что сладкое вамъ извѣстно?

Пословицы и загадки по своей краткости очень удобны для диктовки.

XXXII. Гуси.

1. За 2278 лѣтъ до нашего времени (въ 389 г. до Р. Хр.) галлы овладѣли г. Римомъ, жители котораго заперлись въ крѣпости Капитоліи. Въ бурную темную ночь, когда римляне спали, галлы взобрались на стѣну крѣпости; гуси, ходившіе по крѣпости, своимъ крикомъ разбудили римлянъ, которые и прогнали галловъ: такимъ образомъ гуси Римъ спасли.

2. Извлеченіе существеннаго содержанія. а) Мужикъ хворостиной гонитъ гусей на продажу. б) Гуси обижаются, такъ какъ они знатнаго рода. в) Прохожій объясняетъ, что честь воздается не за происхожденіе, а за заслуги.

Обобщеніе. Многіе, сами ничего не сдѣлавши, гордятся своимъ знатнымъ происхожденіемъ.

3. Опредѣляется размѣръ, отыскиваются рѣшмы. Какое это произведеніе?

4. Просклонять въ предложеніяхъ: 2278 лѣтъ, 389-й годъ, 6515 гусей. Сказать о правописаніи.

А. Барсовъ.

ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ ЗВУКОВЫХЪ ИЗМѢНЕНІЙ РЪЧИ ИЗМѢНЕНІЕМЪ РАБОТЪ ОРГАНОВЪ.

(Продолженіе).—

Ослабленіе и исчезновеніе звуковъ.

Ослабленіе и исчезновеніе звуковъ въ словѣ происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе условій артикуляціи словъ вообще и даннаго слова—въ частности, т. е. вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, которыя вызываютъ появленіе новаго звука и измѣненіе его въ другіе.

Исчезновеніе гласныхъ звуковъ происходитъ часто вслѣдствіе того, что они превращаются въ простую переходную ступень отъ одного согласнаго къ другому; большею частью это происходитъ въ слогахъ неударенныхъ, которые, какъ увидимъ далѣе, артикулируются менѣе энергично, чѣмъ ударенные, хотя и въ этихъ послѣднихъ гласные могутъ ослабляться, переходить въ неударенные и исчезать.

Когда согласные близки другъ другу по мѣсту образованія, то нерѣдко гласный, который ихъ раздѣляетъ, исчезаетъ, и они сливаются; такъ, на примѣръ: мягокъ—мягкій—мякій; но акустически такое измѣненіе не всегда бываетъ замѣтно; такъ, на примѣръ: день—дня (д'ѣн'—д'н'а; физиологически д'н' = д + носовой отгѣнокъ во время рекурсии).

Если согласные отстоятъ другъ отъ друга далеко, и одному изъ нихъ есть возможность измѣниться въ другой, близкій по мѣсту образованія ко второму, то онъ иногда даже не измѣняется, а прямо сливается со вторымъ, хотя, можетъ быть, и усиливаетъ его, но всетаки исчезаетъ; такимъ образомъ исчезаютъ, на примѣръ, заднеязычные предъ переднеязычными, хотя задніе почти никогда не исчезаютъ, а больше сливаются съ передними (переднеязычными). Случается при этомъ, что отъ постепеннаго захожденія работы подбородочно-язычнаго мускула, потребной для слѣдующаго переднеязычнаго, задніе сперва ослабляются, а сливаются уже потомъ; такъ, на примѣръ: кѣто—кто—хто—то (говорятъ: то тамъ?) кѣде—гдѣ—д'е (хто д'э?) *), когда—вода, тогда—тода; иногда на ихъ мѣстѣ является новый

*) И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Отрывки изъ лекцій. Стр. 40, 42.

звукъ; такъ: кухня—куфня, когда—ковда, всегда—вседа (в вызвано атртикуляціями *ку, ко, се*, какъ *йо* изъ *йэ*). Сюда относятся и нѣкоторые другіе примѣры, какъ напримѣръ: когда—колды, объяснить которые на основаніи всего предъидущаго не представитъ трудностей.

Переднеязычные согласные звуки и въ особенности губные измѣняются мало, но за-то они гораздо скорѣе исчезаютъ. Причины ихъ исчезновенія могутъ быть таковы:

1) Если предположить, что слово развивается хотя приблизительно въ томъ порядкѣ, какъ говорилось выше, то задніе по мѣсту образованія звуки будутъ ближе къ началу слова, а передніе къ концу,—а звукъ, или, вѣрнѣе, работа для звука, стоящая въ началѣ слова, будетъ всегда выполняться точнѣе*),—она будетъ самостоятельнѣе, потому что производится послѣ простого раскрытія рта, а потому будетъ подвергаться дѣйствию физическихъ законовъ артикуляціи приблизительно одинаково, тогда какъ работы слѣдующихъ звуковъ будутъ согласоваться съ предъидущими (и послѣдующими), и потому звукъ не можетъ быть въ этомъ положеніи устойчивымъ, постояннымъ въ своемъ развитіи.

2) Передніе звуки произносятся, артикулируются приблизительно съ одинаковою силою какъ и задніе, а „надставной трубы“ или совсѣмъ не имѣютъ (губные глухіе), или имѣютъ очень небольшую (переднеязычные согласные), а потому они въ одинаковыхъ условіяхъ не могутъ быть слышимы одинаково ясно въ сравненіи съ задними,—эти послѣдніе при тѣхъ же условіяхъ будутъ громче, а потому „ослышки“ въ нихъ будутъ происходить гораздо рѣже, чѣмъ въ переднихъ и особенно губныхъ.

3) При артикуляціи переднихъ воздухъ набирается въ ротъ и глотку, а при артикуляціи заднихъ только частью

*) «Дитя употребляетъ лишь начальныя согласныя, окончанія же словъ произноситъ неотчетливо». Гербертъ Спенсеръ. «Основные начала». Стран. 233.

въ глотку; слѣдовательно, въ первомъ случаѣ онъ будетъ напирать на органы слабѣе, и взрывъ будетъ слабѣе (въ этомъ отношеніи длительные въ обыкновенномъ разговорѣ будутъ мало отличаться отъ взрывныхъ).

4) Мѣсто образованія переднихъ звуковъ находится дальше отъ голосовыхъ связокъ, чѣмъ мѣсто образованія заднихъ, а потому при артикуляціи переднихъ звонкихъ звонкость не всегда будетъ поспѣвать къ ихъ уложеніямъ одновременно и правильно, — условія артикуляціи цѣлаго слова могутъ легче разъединить артикуляцію переднихъ и сопутствующую имъ звонкость, которая, отдѣлившись отъ артикуляціи передняго, можетъ вслѣдствіе тѣхъ же условій совсѣмъ исчезнуть, и звукъ, такимъ образомъ, или ослабнетъ, или сдѣлается глухимъ; а такъ какъ звонкіе вообще артикулируются слабѣе, поэтому новый глухой будетъ слабѣе, чѣмъ другіе глухіе звуки слова, если только условія артикуляціи не заставятъ его усилиться. Вообще условія артикуляціи каждаго отдѣльнаго сочетанія звуковъ могутъ больше имѣть значенія при артикуляціи переднихъ звонкихъ, чѣмъ заднихъ, измѣненіе которыхъ будетъ зависѣть больше отъ условій ихъ собственныхъ артикуляцій, а потому оно будетъ болѣе правильнымъ, однообразнымъ, устойчивымъ.

5) Артикуляція переднихъ звуковъ не можетъ быть точною вслѣдствіе болѣе инертности, потерѣ энергіи при произношеніи этихъ звуковъ; кромѣ того, прежняя сравнительно простая работа съ измѣненіемъ звуковъ дѣлается болѣе сложною, какъ, на примѣръ, при измѣненіи заднеязычныхъ въ переднеязычные, но за-то часто и менѣе энергичною, а слѣдовательно она можетъ скорѣе ослабнуть и исчезнуть.

6) Вслѣдствіе устройства органовъ и ихъ инертности съ какою силою (не все равно, что со скоростью) опускается дно полости рта, съ такою же приблизительно поднимается и нижняя челюсть, хотя она пройдетъ меньшее разстояніе; значитъ, и язычные, и губные звуки артикулируются приблизительно съ одинаковою силою; но, не смотря на это, губные все-таки могутъ скорѣе исчезнуть, потому что

для ихъ артикуляціи надо двигать челюсть тѣми же мускулами, которыми мы жуемъ, слѣдовательно эти мускулы (третья группа) для такихъ работъ, какъ артикуляціи звуковъ, слишкомъ грубы, а потому при ослабленіи энергіи артикуляціи и при ускореніи ея жевательные мускулы могутъ скорѣе совсѣмъ перестать работать, тогда какъ ослабленіе работы второй группы не можетъ такъ скоро повести къ ея исчезновенію; кромѣ того, и работать жевательнымъ мускуламъ для произношенія губныхъ нужно слишкомъ мало, можетъ быть даже, что они при этомъ вовсе не усиливаютъ работу, а челюсть подымается единственно вслѣдствіе того, что работы другихъ мускуловъ не стали противодѣйствовать жевательнымъ мускуламъ. Третьей группѣ мускуловъ при произношеніи губныхъ приходится работать мало потому, что и при незначительномъ ихъ сокращеніи челюсть вслѣдствіе особеннаго устройства органовъ подымается высоко (третья группа мускуловъ находится около задней части нижней челюсти, недалеко отъ нижнечелюстного сочлененія, спереди его, такъ что, если разсматривать нижнюю челюсть, какъ рычагъ, то одно плечо его отъ нижнечелюстного сочлененія, какъ точки опоры, до передней части нижней челюсти будетъ много больше другого его плеча—отъ того же сочлененія до мѣста прикрѣпленія жевательныхъ мускуловъ); если, теперь, сравнить отношеніе работы второй группы къ поднятію дна полости рта, то окажется совсѣмъ иное: здѣсь мускуламъ надо работать много, чтобъ дно полости рта поднялось сколько нибудь вверхъ; а понятно, что чѣмъ работа слабѣе и мельче, тѣмъ она скорѣе можетъ исчезнуть. Чтобъ провѣрить то, что сейчасъ говорилось, стоить только быстро и много разъ произносить хоть слово „вой“,—прежде всего почувствуется усталость третьей группы мускуловъ, и она начнетъ все болѣе и болѣе отставать и артикулировать звукъ *в* вяло; вторая же группа и послѣ того, какъ *в* почти совсѣмъ не будетъ артикулироваться, будетъ продолжать работать съ едва замѣтнымъ ослабленіемъ. Кстати необходимо замѣтить здѣсь, что указанный сейчасъ примѣръ доказываетъ, хотя и довольно грубо, также и то, что губ-

ные звуки не губные только, но и нижнечелюстные *), и что при язычныхъ принимаетъ участіе въ работѣ и дно полости рта.

7) При ослабленіи язычныхъ работъ заднеязычные звуки могутъ еще измѣниться въ передніе, а не исчезнуть; хотя и нижнечелюстные могутъ тоже перейти въ губные (вполнѣ), какъ и заднеязычные въ переднеязычные, т. е. почти вполнѣ язычные, но губы и работы ихъ мускуловъ стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ работъ главныхъ органовъ артикуляціи и ихъ мускуловъ, а потому первыя работы, не поддерживаемыя работами главныхъ органовъ, могутъ легко ослабнуть и исчезнуть (сравнить, что говорилось о работахъ мускуловъ мягкаго нѣба при носовыхъ звукахъ).

8) При артикуляціи губныхъ дно полости рта бываетъ опущено, а при язычныхъ оно подымается; чтобъ поднять его, нужно заставить работать вторую группу мускуловъ, которая вмѣстѣ съ дномъ полости рта подымается и подъязычную кость, соединенную связками съ щитовиднымъ хрящемъ гортани; при работѣ всей второй группы или одной передней ея половины щитовидный хрящъ нѣсколько подымается и оттягивается впередъ, а такое движеніе щитовиднаго хряща натягиваетъ голосовыя связки; такимъ образомъ, при артикуляціи язычныхъ голосовыя связки могутъ быть напряжены отъ одного движенія органовъ рта, тогда какъ при артикуляціи губныхъ этого быть не можетъ, а при нѣкоторыхъ условіяхъ артикуляціи можетъ быть даже какъ-разъ наоборотъ; слѣдовательно, звонкость губныхъ можетъ исчезнуть скорѣе, потому что артикуляція губныхъ поддерживать ее не будетъ; кромѣ того, переднеязычные и особенно среднеязычный й будутъ поддерживать её лучше, чѣмъ заднеязычные, при которыхъ работаетъ задняя половина второй группы, оттягивающая подъязычную кость и назадъ, а не только вверхъ.

*) А. Александровъ. «Субституты отдѣльныхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній нормальной русской рѣчи въ произношеніи индивидуума, у котораго вслѣдствіе рака ампутированъ языкъ» Стран. 8, 3.

Изъ всего сказаннаго сейчасъ должно быть видно, что всѣхъ скорѣе должны исчезать и исчезаютъ губные звуки, тѣ именно, которые являются конечнымъ развитіемъ другихъ звуковъ и которые, какъ сейчасъ увидимъ, всего скорѣе вызываютъ появленіе новыхъ звуковъ, вслѣдствіе чего развитіе звуковъ языка и является круговоротнымъ.

Общій ходъ развитія слова (появленіе звуковъ въ началѣ слова и исчезновеніе ихъ съ конца).

Чтобъ всё сказанное выше было до нѣкоторой степени объединено и закончено, взглянемъ еще разъ на общій ходъ развитія слова, на то именно, какія причины вызываютъ ростъ слова съ начала и атрофированіе его съ конца. Выше объ этомъ отчасти уже говорилось; такъ, говорилось о появленіи звука э въ началѣ слова изъ предварительной артикуляціи раскрытія рта; упоминалось также о томъ, что такое появленіе всего скорѣе можетъ случиться предъ губными согласными, тѣми именно, которые являются конечнымъ развитіемъ другихъ звуковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезающими скорѣе, чѣмъ всѣ другіе звуки.

Причины появленія э, т. е. основного первоначальнаго звука, изъ котораго могутъ развиваться всѣ другіе звуки, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Такъ какъ раскрытіе рта въ рѣчи обыкновенно сопровождается дрожаніемъ голосовыхъ связокъ, потому что раскрытіе рта обыкновенно ведетъ за собою артикуляцію какого либо гласнаго, которые не бываютъ глухими, поэтому и первоначальное, вступительное раскрытіе рта также можетъ сдѣлаться звонкимъ, т. е. превратиться въ артикуляцію гласнаго звука.

2) Захожденіе работъ голосовыхъ связокъ въ данномъ случаѣ можетъ произойти скорѣе потому, что ихъ мускулы не связаны такъ тѣсно съ главными органами артикуляціи, какъ, напр., связано дно полости рта съ нижней челюстью; хотя движеніе дна полости рта и вообще раскрытіе рта, какъ увидимъ ниже, и вызываетъ развитіе голосовыхъ свя-

зокъ и ихъ мускуловъ, но самая работа голосовыхъ мускуловъ стоитъ почти совсѣмъ отдѣльно, а потому съ началомъ работы главныхъ органовъ артикуляціи (раскрытіе рта) и съ усиленіемъ выдыханія по ассоціаціи голосовыя связки могутъ начать работать скорѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бъ ихъ работа была болѣе зависима отъ работы раскрытія рта.

3) Для того, чтобы заставитьъ голосовыя связки дрожать, нужна работа ихъ мускуловъ, которая, конечно, должна начаться раньше самаго дрожанія связокъ, при чемъ между началомъ работы мускуловъ и напряженіемъ голосовыхъ связокъ пройдетъ нѣкоторое время; такъ какъ это время будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ длины и вообще величины мускуловъ и органовъ, къ которымъ они прикрѣпляются, принимая при этомъ, конечно, что сила и скорость напряженія мускуловъ будутъ одинаковы, поэтому захожденіе дрожанія голосовыхъ связокъ можетъ случиться скорѣе, такъ какъ мускулы ихъ очень незначительны по величинѣ. Если мы представимъ, что по какой либо причинѣ, хотя бы внѣшней, артикуляцію слова мы ускоримъ, то это ускореніе прежде всего окажется на голосовыхъ связкахъ, потому что подготовительная работа ихъ мускуловъ меньше, чѣмъ работа, напр., раскрытія рта, а между тѣмъ ускореніе должно падать какъ на тѣ, такъ и на другіе мускулы одинаково. При этомъ, чѣмъ больше разница между органами и ихъ движеніями, тѣмъ скорѣе можетъ оказаться захожденіе однихъ работъ и отсталость другихъ; такъ какъ для артикуляціи губныхъ, стоящихъ въ началѣ произношенія, требуется наиболѣе продолжительное предварительное раскрытіе рта (сперва работаетъ вторая группа—дно полости рта подымается, а нижняя челюсть опускается, потомъ работаютъ третья и первая группы—дно полости рта опускается, а челюсть подымается), поэтому предъ губными согласными захожденіе дрожанія голосовыхъ связокъ можетъ случиться скорѣе. Это захожденіе тѣмъ болѣе вѣроятно, что продолжительная и „безцѣльная“ предварительная артикуляція раскрытія рта предъ губными согласными вызоветъ

стремленіе произвести ее какъ можно скорѣе, и слѣдовательно, самая артикуляція губныхъ обусловливаетъ ускореніе работы предварительнаго раскрытія рта, а слѣдовательно, и всѣхъ органовъ, что, какъ мы сейчасъ видѣли, ведетъ къ скорѣйшему захожденію дрожанія голосовыхъ связокъ; такимъ образомъ и помимо всякихъ внѣшнихъ причинъ одно стремленіе уравновѣситъ артикуляціи звуковъ вызоветъ появленіе звонкаго раскрытія рта предъ губными согласными, и при томъ скорѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Съ другой стороны, вслѣдствіе той же продолжительности предварительнаго раскрытія рта предъ губными согласными разница между началомъ раскрытія рта и тѣмъ временемъ, когда голосовыя связки должны начать дрожать, будетъ больше, а потому мускуламъ голосовыхъ связокъ придется дольше сохранять покойное состояніе и слѣдовательно труднѣе тѣмъ болѣе, что въ рѣчи, какъ выше уже сказано, при такомъ движеніи органовъ рта голосовыя связки всегда дрожатъ, т. е. мускулы ихъ работаютъ. Кромѣ того, захожденіе работъ голосовыхъ связокъ въ данномъ случаѣ облегчается еще тѣмъ, что начало ихъ работъ не совпадаетъ съ какимъ нибудь опредѣленнымъ моментомъ артикуляціи главныхъ органовъ, напр., съ тѣмъ, когда нижняя челюсть для артикуляціи губного обопрется о верхнюю челюсть,—голосовыя связки необходимо должны начать работать нѣсколько раньше этого момента, именно во время движенія органовъ для артикуляціи губного звука, потому что, какъ мы видѣли выше, звонкій согласный можетъ быть звонкимъ только тогда, когда у него затворъ звонкій; а такъ какъ отъ мѣста образованія звонкости (голосовыхъ связокъ) до мѣста артикуляціи губного (губъ) разстояніе сравнительно очень большое, поэтому при образованіи звонкаго губного голосовыя связки должны начинать дрожать раньше, чѣмъ при образованіи всѣхъ другихъ звонкихъ, что опять-таки не мало способствуетъ захожденію работъ голосовыхъ связокъ при образованіи губныхъ болѣе, чѣмъ при образованіи всѣхъ другихъ звуковъ. Кромѣ того, такъ какъ губныхъ звуковъ много меньше, чѣмъ всѣхъ другихъ звуковъ, поэтому скорости захожденія работъ голосовыхъ связокъ предъ губными

послужить то обстоятельство, что въ большинствѣ случаевъ звонкость при раскрытіи рта является раньше.

4) Для того, чтобы образовать звонкій согласный губной звукъ, звонкости необходимо сперва пройти область задняго суженія рта, а потому очень можетъ быть, что при быстрой артикуляціи, какою она бываетъ при обыкновенномъ разговорѣ, и при самомъ незначительномъ захожденіи работъ голосовыхъ связокъ звонкость сперва успѣетъ попасть, когда органы сужены въ задней части рта, т. е. образовать звукъ *э*, а потомъ поспѣетъ и къ губному затвору, т. е. образовать звонкій губной согласный (сравнить, что говорилось выше о сочетаніяхъ „хвостъ“ и „ловко“).

5) Для первоначальнаго раскрытія рта требуется работа второй группы мускуловъ; эта работа, какъ мы знаемъ, подымаетъ дно полости рта и тѣмъ вызываетъ напряженіе голосовыхъ связокъ; а такъ какъ при образованіи губного дно полости рта бываетъ сильно опущено, и слѣдовательно голосовыя связки ослаблены, поэтому для образованія звонкаго губного требуется усиленная работа мускуловъ голосовыхъ связокъ, значительная часть которой, если-бъ дно полости рта все время было опущено, явилась просто подготовительной, не производящей достаточнаго напряженія голосовыхъ связокъ для того, чтобы получилась звонкость; но предъ образованіемъ губного дно полости рта было приподнято, и слѣдовательно голосовыя связки были близки къ напряженію, значить, при этомъ уже самое незначительное захожденіе работы голосовыхъ мускуловъ можетъ образовать звонкость, потому что при переходѣ отъ артикуляціи раскрытія рта къ артикуляціи губного голосовыя связки опущеніемъ дна полости рта ослабляются и напрягаются работою собственныхъ мускуловъ, поэтому онѣ все это время могутъ быть напряжены одинаково, т. е. звучать одинаково сильно какъ во время раскрытія рта, такъ и во время артикуляціи губного. Усиленная подготовительная работа мускуловъ голосовыхъ связокъ въ данномъ случаѣ не только можетъ образовать звонкость, но также увеличиваетъ вѣроятность самаго захожденія этой работы, особенно при ускореніи артикуляціи.

Захожденіе и появленіе звонкости предъ начальнымъ согласнымъ какого либо слова тѣмъ болѣе вѣроятно, что для приведенія голосовыхъ связокъ въ положеніе, при которомъ онѣ могутъ издавать звукъ, нужна весьма незначительная работа ихъ мускуловъ, особенно, когда положеніе органовъ рта тому благоприятствуетъ; очень можетъ быть, что при нѣкоторыхъ растворахъ рта, напр., тогда, когда дно полости рта приподнято, такое положеніе голосовыхъ связокъ является обыкновеннымъ (индифферентнымъ) положеніемъ; такъ что при этомъ бываетъ достаточно только усилить выдыханіе, чтобъ получился звукъ; примѣромъ такого появленія звука можетъ служить стонъ больныхъ. Это замѣчаніе особенно важно потому, что оно объясняетъ появленіе гласнаго предъ глухимъ согласнымъ, при которомъ захожденія работы голосовыхъ связокъ можетъ и не быть, но за-то она можетъ быть вызвана работой органовъ рта, а выдыханіе при глухихъ не можетъ быть меньше, чѣмъ при звонкихъ: обыкновенно оно бываетъ сильнѣе, чѣмъ при звонкихъ, потому что глухіе артикулируются сильнѣе; нельзя также отвергать и того, что между усиленіемъ напряженія голосовыхъ связокъ и усиленіемъ выдыханія можетъ существовать ассоціація; она видна изъ того, напр., что уложить голосовыя связки для болѣе высокаго тона очень трудно безъ того, чтобъ онъ не получился; въ этомъ можно убѣдиться, если наложить руку на щитовидный хрящъ (кадыкъ), онъ не поднимется, если мы не произнесемъ требуемаго звука.

Изъ того, что сказано выше, а также изъ того, что захожденіе работъ совершается постепенно, и что при э растворѣ рта чаще бываетъ индифферентнымъ, должно быть понятно, почему этотъ звукъ чаще другихъ появляется въ началѣ словъ и легко измѣняется въ и.

Теперь, что касается исчезновенія звуковъ съ конца слова, то объ этомъ также отчасти говорилось выше; такъ, говорилось объ измѣненіи звонкихъ согласныхъ на концѣ слова въ глухіе, а это ведетъ къ ослабленію звука, такъ какъ при одинаковыхъ условіяхъ артикуляціи глухой слышенъ слабѣе звонкаго, а слѣдовательно можетъ скорѣе исчезнуть. Но надобно еще объяснить, какимъ образомъ можетъ

явиться на концѣ слова согласный звукъ, когда обыкновенное сочетаніе въ языкѣ, обыкновенный слогъ представляетъ сочетаніе согласнаго съ гласнымъ, а не наоборотъ; т. е. надобно указать причины, вслѣдствіе которыхъ съ конца слова исчезаютъ гласные звуки; а такъ какъ гласные бываютъ только звонкіе, потому что ихъ артикуляція безъ дрожанія голосовыхъ связокъ почти совсѣмъ не слышится, поэтому причину ихъ исчезновенія надобно прежде всего искать въ томъ, что звонкость съ конца слова исчезаетъ.

Исчезновеніе звонкости съ конца слова происходитъ вслѣдствіе тѣхъ причинъ, которыя были указаны при объясненіи измѣненія звонкихъ согласныхъ въ концѣ слова въ глухіе, а главное вслѣдствіе тѣхъ, которыя вызываютъ захожденіе звонкости въ началѣ слова; дѣйствительно, если мы снова просмотримъ эти причины, то увидимъ, что въ концѣ слова онѣ будутъ производить совершенно обратные результаты. Вслѣдствіе такого сходства указывать ихъ мы не будемъ, а прибавимъ только нѣкоторыя другія причины, которыя также не мало способствуютъ исчезновенію гласныхъ звуковъ съ конца слова.

Изъ такихъ причинъ прежде всего нужно указать на то, что какой бы гласный ни стоялъ на концѣ слова, онъ обязательно артикулируется послѣ опущенія дна полости рта, т. е. съ такого движенія главныхъ органовъ артикуляціи, которое ослабляетъ голосовыя связки; дѣйствительно, изъ всѣхъ гласныхъ только *и* и *э* можно артикулировать такимъ движеніемъ органовъ, когда дно полости рта будетъ подыматься, потому что при всѣхъ другихъ оно бываетъ опущено; но *и* и *э* на концѣ слова встрѣчаются только послѣ мягкихъ согласныхъ, т. е. послѣ артикуляціи *й*, когда дно полости рта бываетъ поднято,—значить, и *и* и *э* артикулируются послѣ опущенія дна полости рта, какъ и всѣ другіе гласные. Звуки: *э* и особенно *и* будутъ только нѣсколько устойчивѣе, чѣмъ другіе гласные, и особенно *ы*, при которомъ дно полости рта сильно подвинуто назадъ и внизъ, и *у*, при которомъ оно бываетъ наиболѣе опущено; при уложеніяхъ же *э* и *и* дно полости рта всетаки бываетъ

поднято, а потому голосовыя связки не такъ легко ослабляются, и слѣдовательно гласные исчезнуть не скоро.

Примѣромъ исчезновенія гласныхъ съ конца слова можетъ служить исчезновеніе гласныхъ *э* и *о*.

Когда гласный съ конца слова исчезнетъ и останется согласный звонкій, то и онъ, какъ мы видѣли, скоро можетъ сдѣлаться глухимъ, потому что если конецъ его не будетъ звонкимъ, то и весь звукъ сдѣлается глухимъ. А такъ какъ глухіе, если только они артикулируются одинаково сильно съ звонкими, слышатся слабѣе этихъ послѣднихъ, поэтому они исчезнуть могутъ скорѣе, потому что при ускореніи и ослабленіи артикуляціи слова они будутъ слышаться слабо, или совсѣмъ не будутъ слышимы, и потому съ теченіемъ времени и артикулироваться также не будутъ. Усилиться же конечнымъ глухимъ согласнымъ, а также и другимъ конечнымъ, не только не отчего, а напротивъ, можно ожидать ослабленія ихъ артикуляціи, какъ вслѣдствіе вліянія на нихъ предъидущихъ звуковъ, такъ и вслѣдствіе того, что вообще конецъ слова произносится болѣе вяло, чѣмъ его начало.

Для полноты картины развитія слова рассмотримъ еще то сочетаніе, которое представляетъ конецъ перваго круговорота измѣненій и начало второго, т. е. сочетаніе *эво*; здѣсь *э* будетъ артикулироваться и слышаться сравнительно долго,—дольше, чѣмъ *о*, (конечно, здѣсь надо подразумѣвать обыкновенное произношеніе); поэтому, когда явится *э*, оно, какъ мы знаемъ, будетъ усиливаться, а *о* будетъ ослабляться уже потому одному, что *э* будетъ усиливаться, такъ какъ сила произношенія отдѣльныхъ словъ рѣчи мало выдѣляется изъ общей силы артикуляціи и произношенія; удареніе съ *о* перейдетъ на *э*; вмѣстѣ съ этимъ и артикуляція звука *о* будетъ также усиливаться, потому что съ усиленіемъ *э* размахъ органовъ и ихъ инертность будетъ больше. Усиленіе *о* также ведетъ къ ослабленію звука *о*; въ самомъ дѣлѣ, представимъ, что у насъ *о* стало артикулироваться сильнѣе, слѣдовательно воздухъ сталъ задерживаться во рту и сильнѣе, и на болѣе продолжительное время, а потому

онъ сталъ больше ослаблять дрожаніе голосовыхъ связокъ, а между тѣмъ онѣ и безъ того уже близки въ покою, и слѣдовательно еще скорѣе могутъ ослабнуть. Что артикуляція согласныхъ дѣйствительно задерживаетъ звонкость, видно, напр., изъ того, что въ словѣ „срамъ“ нужно бы вслѣдствіе захожденія звонкости звуку *с* измѣниться въ *з*, а между тѣмъ, когда предъ *р* явится *т*, то этотъ звукъ, хотя и представляетъ результатъ измѣненнаго начала артикуляціи *р*, не будетъ звонкимъ. Понятно, что еще съ большимъ напряженіемъ артикуляціи *в* звонкость будетъ еще больше ослабляться, и въ концѣ концовъ дойдетъ до того, что дрожаніе связокъ будетъ только во время сжатія органовъ, а при раскрытіи хотя воздухъ можетъ быть и будетъ выходить сильнѣе, но онъ не будетъ сопровождаться звонкостью, а слѣдовательно гласный на концѣ слова исчезнетъ. Все это, конечно, будетъ происходить постепенно, т. е. что гласный на концѣ все болѣе и болѣе будетъ становиться короче и глуше, пока совсѣмъ не исчезнетъ. Для того, чтобъ это случилось, не необходимо, чтобъ *в* усиливалось, такъ какъ и обыкновенная артикуляція *в* будетъ также ослаблять звонкость, а стремленіе кончить работу напряженія голосовыхъ связокъ вмѣстѣ съ окончаніемъ артикуляціи *в* будетъ укорачивать гласный *о*, такъ какъ мускулы голосовыхъ связокъ, какъ мы уже видѣли, могутъ скорѣе кончить работу, чѣмъ мускулы другихъ, главныхъ органовъ артикуляціи. Когда звукъ *о* ослабнетъ, и даже еще раньше, раскрытіе рта послѣ *в* будетъ переходить въ простое раскрытіе, а не для артикуляціи звука *о*, и потому по ассоціаціи и голосовыя связки будутъ вмѣстѣ съ этимъ тоже переходить въ такое же положеніе, значить *о* исчезнетъ, а вслѣдъ за нимъ можетъ исчезнуть и *в* по общей причинѣ исчезновенія губныхъ и вообще конечныхъ звуковъ слова.

Если вслѣдъ за словомъ, конечные звуки котораго исчезаютъ, находится другое слово, начинающееся съ гласнаго звука, то въ такомъ случаѣ гласный, исчезающій съ конца предшествующаго слова, будетъ усиливать начальный гласный слѣдующаго слова, такъ какъ звонкости того и дру-

гого будутъ совпадать, а промежутокъ между словами образуетъ тотъ глухой звукъ, почти неслышимый, который явится при выходѣ глухого воздуха послѣ артикуляціи конечнаго согласнаго предшествующаго слова; съ усиленіемъ этого согласнаго и начального гласнаго слѣдующаго слова промежутокъ между ними будетъ выдѣляться все рѣзче и рѣзче и можетъ превратиться въ промежутокъ между тѣмъ и другимъ словомъ. Точно также, если послѣдующее слово начинается съ согласнаго, то конечный гласный предшествующаго слова будетъ скорѣе слышаться какъ начальный гласный слѣдующаго слова, и потому послужитъ къ скорѣйшему появленію гласнаго предъ этимъ словомъ; сравнить, напр., произношеніе словъ: „Богъ его“ и „Богъ его знаетъ“ (слышится: бѣхэо—эо произносится слитно и почти совсѣмъ глухо, бѣхэознѣйт—эо произносится звонко и какъ начало слова знаетъ). Очень можетъ быть, что то, что сейчасъ говорилось, бываетъ иногда причиною морфологической абсорпціи *), другіе примѣры которой значительно уясняютъ и доказываютъ сказанное выше.

Вслѣдствіе указанныхъ здѣсь причинъ, если гласный будетъ стоять на концѣ слова, и мы захотѣмъ произнести его болѣе или менѣе ясно, то въ такомъ случаѣ онъ рѣзко выдѣлится изъ другихъ гласныхъ звуковъ слова, вслѣдствіе чего ясно произносимые гласные звуки на концѣ слова обыкновенно бываютъ ударенными.

Если, теперь, мы сравнимъ положеніе гласнаго между согласными съ положеніемъ его на концѣ слова, то увидимъ, что срединный гласный стоитъ далеко не въ такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ для существованія, какъ конечный. При произношеніи срединныхъ гласныхъ на нихъ, кромѣ смежныхъ звуковъ и ихъ артикуляцій, весьма важное вліяніе оказываетъ удареніе, къ объясненію котораго мы теперь и приступимъ.

*) Н. Крушевскій. Лингвистическія замѣтки (1880 г.).

У д а р е н і е.

Если мы представимъ себѣ рядъ звуковъ, рядъ цѣлыхъ словъ, которые артикулировались бы одинаково энергично, и сравнимъ ихъ относительно продолжительности артикуляцій и произношенія, то въ этомъ ряду одни звуки будутъ длиннѣе, другіе короче; обыкновенно тѣ звуки, которые имѣютъ болѣе продолжительную артикуляцію, и слышатся дольше; продолжительность же артикуляцій обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что въ одномъ случаѣ органамъ нужно пройти большее разстояніе, или приходится остановиться подольше на извѣстномъ уложеніи, въ другомъ случаѣ это можетъ быть наоборотъ, хотя, какъ сейчасъ было сказано, органы могутъ работать одинаково быстро, одинаково энергично. Въ общемъ отрицать это, конечно, невозможно, и мы можемъ поставить это явленіе въ основу объясненія ударенія.

Обыкновенно различаютъ два вида ударенія: *accentus* — болѣе раннее, основанное на продолжительности произношенія, и *ictus* — болѣе позднее, основанное на громкости произношенія, которая происходитъ вслѣдствіе усиленія выдыханія и напряженія голосовыхъ связокъ, т. е. силы звука и болѣе высокаго тона *).

Если, теперь, первоначальное слово имѣло или имѣетъ указанное выше строеніе, то съ теченіемъ времени органы, которымъ придется проходить въ извѣстномъ направленіи наибольшее разстояніе, пріобрѣтутъ и больше инертности, а слѣдовательно звукъ, который происходитъ при такой артикуляціи, будетъ также длиннѣе.

При стремленіи сказать что либо поскорѣе человекъ можетъ ускорять артикуляцію, а такое ускореніе будетъ падать приблизительно одинаково на всѣ артикуляціи; отсюда слѣдуетъ, что когда ускорится движеніе органовъ во время произношенія длительного звука, это движеніе еще больше будетъ пріобрѣтать инертности, и слѣдовательно, звукъ отно-

*) Объ удареніи см.: Я. Гротъ. Филологическія разысканія. Изд. 3. Т. I, стр. 388.

сительно еще больше будет удлиняться, тогда какъ другіе звуки если и могутъ сдѣлаться нѣсколько длиннѣе тѣхъ, какіе должны бы быть на мѣстѣ прежнихъ и во столько разъ ихъ короче, во сколько мы ускорили артикуляцію, то это ихъ удлиненіе будетъ очень невелико, потому что инертность двигающихся органовъ будетъ зависѣть не только отъ силы перваго толчка, но и разстоянія движенія. Даже если допустимъ, что вслѣдствіе ускоренія артикуляціи какъ длительныя, такъ и короткіе звуки сдѣлались короче относительно одинаково, положимъ, напр., вдвое противъ прежняго, все-таки на краткихъ это будетъ болѣе замѣтно, такъ какъ въ ряду другихъ звуковъ они сдѣлаются очень краткими.

Произшедшая вслѣдствіе указанныхъ причинъ разница въ долготѣ произношенія звуковъ можетъ быть еще не такъ замѣтна,—она можетъ еще болѣе увеличиться вслѣдствіе того, что звуки съ наименьшею инертностью артикулирующихъ ихъ органовъ могутъ не только удлиниться относительно очень немного, но могутъ еще остаться такими, какими должны быть вслѣдствіе одного только ускоренія, или даже сдѣлаться короче; это можетъ случиться вслѣдствіе того, что органы при наименьшей инертности движенія въ извѣстномъ направленіи могутъ скорѣе подчиниться мускульному толчку къ артикуляціи слѣдующаго звука, и прежнее движеніе можетъ со временемъ или совсѣмъ исчезнуть, или слиться съ другимъ, а слѣдовательно и звукъ можетъ даже совсѣмъ исчезнуть.

Изъ сказаннаго сейчасъ видно, что если мы допустимъ хотя малѣйшую разницу въ длительности произношенія рядомъ стоящихъ звуковъ, то эта разница съ теченіемъ времени необходимо будетъ увеличиваться и въ концѣ концовъ сдѣлается совершенно ясною. Это и будетъ первая ступень развитія слоговъ ударенныхъ и неударенныхъ (*accentus*).

Такъ какъ вмѣстѣ съ удлиненіемъ звука и его артикуляціи ротъ остается открытымъ болѣе продолжительное время, то поэтому воздухъ будетъ выходить свободнѣе и болѣе продолжительное время, вслѣдствіе чего работа выдыханія усилится; съ усиленіемъ же выдыханія размахъ

(амплитуда) колеблющихся голосовыхъ связокъ увеличится, а слѣдовательно звукъ станетъ сильнѣе, громче.

Далѣе, мы видѣли, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ инертности двигающихся органовъ увеличивается и быстрота движенія и переработка мускуловъ, вслѣдствіе чего слѣдуетъ скорѣйшее измѣненіе звука въ другой, для котораго, можетъ быть, требуется очень непродолжительная артибуляція; а потому, когда измѣнится звукъ и измѣнится его артибуляція, прежній толчокъ или сила артибуляціи, а особенно усиленное выдыханіе, для ослабленія котораго тотчасъ за измѣненіемъ звука причинъ нѣтъ, могутъ болѣе или менѣе продолжительное время оставаться прежнія; если же артибуляція новаго звука вслѣдъ за появленіемъ его на мѣстѣ стараго звука могла бы и ослабнуть, то сила выдыханія и громкость звука по ассоціаціи могутъ ее поддерживать, — значить, звукъ получится не только громкій, но и артикулироваться онъ можетъ нѣсколько энергичнѣе другихъ. Такимъ образомъ, ударенный слогъ будетъ имѣть болѣе громкій гласный и болѣе энергичный по артибуляціи согласный, такъ какъ энергія артибуляціи можетъ проявиться преимущественно на согласныхъ, имѣющихъ болѣе или менѣе опредѣленныя точки опоры для артикулирующихъ ихъ органовъ.

При общемъ усиленіи артибуляціи удареннаго слога весьма возможно, что и напряженіе голосовыхъ связокъ также нѣсколько увеличится, тѣмъ болѣе, что между органами рта и голосовыми связками существуетъ непосредственная связь, такъ что напряженіе однихъ работъ необходимо должно вызвать напряженіе другихъ. Такимъ образомъ и тонъ удареннаго слога можетъ тоже повыситься. Но такъ какъ прямыхъ и постоянныхъ причинъ для напряженія голосовыхъ связокъ въ данномъ случаѣ не имѣется, поэтому и тонъ не служитъ отличительною чертою русскаго ударенія *).

*) И. Боуэнъ-де-Куртенэ. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологій. Стран. 21.

Указанные сейчас признаки удареннаго слога служат отличительными признаками второй ступени развитія ударенія, т. е. ictus.

Посмотримъ теперь, что должно произойти съ словомъ, имѣющимъ удареніе второго рода. Такъ какъ большая громкость, сила, а иногда болѣе высокій тонъ поддерживаются въ данномъ случаѣ только по привычкѣ и, если можно здѣсь такъ сказать, искусственно, то понятно, что имъ весьма трудно держаться, и потому съ теченіемъ времени такой слогъ теряетъ удареніе и передаетъ его другому, самъ же становится вровень съ другими неударенными. На его мѣстѣ появляется по большей части одинъ изъ предшествующихъ ему неударенныхъ слоговъ, и преимущественно тотъ, который стоитъ съ нимъ рядомъ.

Причина такого перехода ударенія заключается въ слѣдующемъ: когда мы говоримъ, то первые слоги произносимаго слова, стоящіе до ударенія, произносятся обыкновеннымъ голосомъ и при обыкновенной работѣ органовъ; но когда мы дойдемъ до удареннаго слога, то прежде, чѣмъ произнести его, намъ потребуется привести органы въ такое положеніе, чтобъ затѣмъ можно было яснѣе и сильнѣе артикулировать ударенный слогъ. Этой подготовки при удареніи перваго рода можетъ и не быть, но при удареніи второго рода такая подготовка становится болѣе или менѣе необходимой въ виду того, что само такое удареніе поддерживается до нѣкоторой степени искусственно; органы при этомъ по большей части приближаются къ индифферентному раствору или же болѣе широкому раствору рта, такъ чтобъ потомъ съ болѣею силою и по болѣе опредѣленному пути двинуться къ артикуляціи удареннаго слога. Отсюда слѣдуетъ, что гласный предъ удареніемъ будетъ приближаться къ гласнымъ индифферентнаго или же болѣе широкаго раствора рта. То же самое можно замѣтить и на концѣ слова съ гласнымъ безъ ударенія, при чемъ органы также приходятъ въ простой или болѣе широкой растворъ рта; но въ послѣднемъ случаѣ работа совсѣмъ заканчивается, тогда какъ въ первомъ она усиливается, а потому все сводится къ тому,

что слогъ, имѣющій удареніе второго рода, будетъ ослабляться, но будетъ вызывать на слогъ предшествующемъ удареніе перваго рода, которое потомъ можетъ перейти въ удареніе второго рода.

Указанною здѣсь причиною можно объяснить также то явленіе въ русскомъ языкѣ, что гласные *э* и *о* предъ удареніемъ и въ конечныхъ открытыхъ слогахъ измѣняются по направленію къ *а* *). Въ конечныхъ открытыхъ слогахъ такое явленіе замѣчается чаще и яснѣе вслѣдствіе того, что здѣсь органамъ болѣе необходимо приходитъ въ простое раскрытіе рта, чѣмъ предъ удареніемъ, гдѣ органамъ не всегда нужно и не всегда можно приходитъ въ такое уложеніе. Кромѣ того, *э* не такъ чисто и замѣтно измѣняется по направленію къ *а*, какъ *о*, потому что, какъ мы знаемъ, *э* ближе къ первоначальному простому раствору рта, чѣмъ *о*, и измѣняется по направленію къ *а* при болѣе длительномъ произношеніи, когда переработка органовъ не особенно велика, а во-вторыхъ, потому, что *э* при удобномъ случаѣ измѣняется въ *о*.

Что же касается гласныхъ неударенныхъ (и не неударенныхъ только), то причина ихъ измѣненій, какъ уже извѣстно, въ большинствѣ случаевъ заключается въ смежныхъ согласныхъ **); органы переходятъ отъ артикуляціи одного согласнаго къ другому, и въ этотъ промежутокъ произносится гласный, поэтому понятно, что ротъ не успѣваетъ раскрыться на столько, чтобъ могли быть ясно слышимы *а*, *э*, *о*, т. е. гласные болѣе широкаго раствора рта, чѣмъ *ы*, *и*, *у*. Промежутокъ между согласными можетъ уменьшиться на столько, что гласный можетъ исчезнуть. Но такова причина измѣненій гласныхъ неударенныхъ бываетъ только въ боль-

*) В. Богородицкій. Гласные безъ ударенія.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи.

**) И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи. Стран. 82, 83.

шинствѣ случаевъ, а болѣе полное и точное объясненіе измѣненій того или другого гласнаго можетъ быть дано при разсмотрѣніи каждаго факта въ отдѣльности. Все же въ большинствѣ случаевъ въ слогахъ безъ ударенія развиваться, т. е. вообще измѣняться, а не только усиливаться, будутъ больше согласные, чѣмъ гласные.

Такъ какъ ударенный слогъ артикулируется болѣе сильно, то поэтому съ большею силою артикулируется и согласный, слѣдующій за удареннымъ гласнымъ, а вслѣдъ за первымъ согласнымъ и всѣ послѣдующіе, потому что съ какою силою мы двинули органы въ одномъ направленіи, приблизительно такую же силу нужно употребить на то, чтобы направить ихъ по другому направленію; отсюда видно, что согласные за удареніемъ будутъ артикулироваться усиленнѣе, а потому промежутки между ними, т. е. гласные, будутъ короче; но эти гласные будутъ еще и слабѣе (акустически), потому что при болѣе сильной, а слѣдовательно и болѣе продолжительной артикуляціи согласнаго, воздухъ скопляется во рту, и когда этотъ послѣдній раскроется, то воздухъ будетъ выходить больше изо рта, чѣмъ прямо изъ легкихъ, и при томъ его будетъ выходить немного, а потому дрожаніе голосовыхъ связокъ, вслѣдствіе небольшого выхода воздуха изъ легкихъ, будетъ слабѣе; изъ этого видно также, что и звонкіе согласные, слѣдующіе за удареніемъ, будутъ также приближаться къ глухимъ, а потому вся часть слова за удареніемъ будетъ слышаться слабѣе, и слѣдовательно ударенные звуки выдѣлятся яснѣе; а такъ-какъ ослабленіе гласныхъ ведетъ къ скорѣйшему ихъ исчезновенію, а также, какъ мы уже видѣли, къ скорѣйшему исчезновенію и согласныхъ, то поэтому удареніе бываетъ обыкновенно ближе къ концу слова.

Такимъ образомъ, изъ предъидущаго должно быть видно, что коль скоро одинъ слогъ сдѣлался удареннымъ, онъ станетъ еще болѣе выдѣляться изъ другихъ, т. е. удареніе его будетъ становиться яснѣе. Это и будетъ одною изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ принимается за ударенный одинъ слогъ въ словѣ; но надобно замѣтить, что это при-

нимается только потому, что такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ, на самомъ же дѣлѣ, какъ, этого и слѣдуетъ ожидать, вслѣдствіе постояннаго развитія ударенія и самыхъ звуковъ, удареніе вовсе не такая опредѣленная вещь, какъ обыкновенно думаютъ; уже помимо того, что бываютъ слова безъ ударенія, или же слова, въ которыхъ удареніе бываетъ то на одномъ, то на другомъ слогѣ, мы зачастую можемъ встрѣчать—въ одномъ словѣ удареніе болѣе сильное, въ другомъ болѣе слабое, или въ одномъ и томъ же словѣ удареніе въ извѣстныхъ условіяхъ бываетъ болѣе сильное, въ другихъ болѣе слабое, и, наконецъ, что всего важнѣе, почти всякое болѣе или менѣе многосложное слово имѣетъ нѣсколько удареній, т. е. нѣсколько усиленныхъ слоговъ, изъ которыхъ, можетъ быть, одно выдается болѣе другихъ и потому принимается за настоящее удареніе; а бываютъ даже случаи, что и того не бываетъ: случается, что слушатель не можетъ различить, какой слогъ въ словѣ произнесень удареннымъ, и потому, если станетъ самъ говорить, то часто „ставить удареніе“ не тамъ, гдѣ слѣдовало бы; или если не произноситъ этотъ слогъ ясно удареннымъ, то думаетъ, кажется ему, что такой-то слогъ онъ произноситъ удареннымъ, хотя такимъ слогомъ, можетъ быть, лучше было бы назвать другой, произносимый съ большею силою; очевидно при этомъ, что тотъ, кто говоритъ, основывается не на фонетическихъ свойствахъ слова, а на логическихъ его признакахъ, т. е. произноситъ, или думаетъ, что произноситъ, извѣстное слово съ тѣмъ, а не другимъ удареніемъ сообразно тому, какъ онъ понимаетъ это слово. Такими же причинами иногда руководствуются при опредѣленіи того, гдѣ „должно поставить“ удареніе. Въ такихъ случаяхъ ясно, что удареніе изъ фонетическаго стало логическимъ, т. е. до нѣкоторой степени искусственнымъ, какъ и всѣ слова языка, явившіяся сперва по причинамъ анатомо-физиологическимъ, произвольно, а потомъ, сдѣлавшись живыми словами, не всегда стали подчиняться только физическимъ законамъ, законамъ артикуляціи, а на ихъ развитіе стало все болѣе и болѣе вліять сознаніе говорящаго. Этимъ и можно объяснить тѣ, во-первыхъ, что удареніе стоитъ не всегда

на томъ слогѣ, на которомъ слѣдуетъ по причинамъ фонетическимъ, а, во-вторыхъ, то, что удареніе слишкомъ долго держится на одномъ слогѣ и не переходитъ на другой. Логическая же роль ударенія состоитъ въ томъ, что оно объединяетъ слоги въ словѣ, связываетъ ихъ въ одно слово и отдѣляетъ одно слово отъ другого; кромѣ того, оно можетъ означать принадлежность слова къ известной морфологической или логической категоріи, отличать одно слово отъ другого, сходнаго съ нимъ по звуковому составу, и означаетъ еще нѣкоторые другіе признаки живого слова *).

Если, теперь, мы припомнимъ все, что сейчасъ говорилось объ удареніи, то нетрудно будетъ понять, почему у насъ до сихъ поръ не найдено болѣе общихъ и опредѣленныхъ правилъ для постановки ударенія, — такихъ правилъ пока и быть не можетъ, потому что удареніе только еще начинаетъ принимать на себя ту роль, какую играетъ человеческое слово вообще. Изъ явленія фонетическаго оно только еще переходитъ въ логическое, т. е. такое, на которое законы логики повліяли бы ничуть не меньше, чѣмъ законы физическіе, а между тѣмъ большинство нашихъ грамматическихъ правилъ представляютъ обобщенія звуковыхъ явленій, зависящихъ отъ психической дѣятельности чловѣка, а не анатомо-физиологической, которая въ отношеніи къ языку изслѣдована весьма мало.

А. Камскій.

(Окончаніе будетъ).

*) Я. Гротъ. Филологическія Разысканія. Т. I. Изд. 3. Стран. 388, 392, 455.

ЗАМѢТКИ ОВЪ ЯЗЫКЪ НОВГОРОДСКОЙ СЛУЖЕБ- НОЙ МИНЕИ 1095 г.

Служебныя минеи (Μηναιον, τὸ Μηναιῶνα) — книги, заключающія въ себѣ пѣснопѣнія на дни праздничныя и въ славу Святыхъ по днямъ каждаго мѣсяца, — были переведены въ концѣ X или началѣ XI столѣтія у южныхъ славянъ, должно быть, въ Болгаріи или, можетъ быть, на Аѳонѣ. Оттуда этотъ переводъ очень рано занесенъ въ Россію, гдѣ и нашелъ большее распространеніе. Изъ русскихъ списковъ этихъ миней большая часть новгородскаго происхожденія; по такимъ спискамъ Синодально-типографской библіотеки академикъ И. В. Ягичъ ¹⁾ въ 1886 г. издалъ славянскій текстъ Миней за мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь; сентябрьская часть, по мнѣнію ученаго издателя ²⁾, относится къ 1095, а двѣ остальные сдѣланы въ 1096—1097 годахъ.

Сентябрьскую часть, какъ болѣе древнюю, мы и разсматриваемъ въ предлагаемыхъ „замѣткахъ“ съ цѣлью — опредѣлять въ ней діалектическій элементъ, т. е. выдѣлить тѣ черты, которыя должны быть объясняемы въ ц.-сл. текстѣ разбираемаго памятника, какъ слѣдствіе вліянія русскаго языка.

¹⁾ Памятники древне-русскаго языка, т. I. Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь въ ц.-сл. переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Спб. 1886 г.

²⁾ Стр. IX.

ЗАМѢЧАНІЯ О ГЛАСНЫХЪ.

I.

ГЛУХІЕ.

1. Опущеніе глухихъ.

а) Ъ. Опущеніе ѣ довольно обычно въ предлогахъ—изъ, безъ,
къ—предъ именами управляемыми:

ис тебе — 081, 0210 (и очень часто.)

из двичьскыхъ 0141.

без мужа 0161.

к томоу 0229.

ис корене 063, 064.

из неплоднаго 054.

ис пламене 0161.

бес правды 0214.

Всего этого опущенія ѣ мы насчитали 94 случая; въ
большей части изъ нихъ ѣ опущенъ предъ словами, начинаю-
щими одной согласной. Опущеніе ѣ въ этихъ предлогахъ
аналогичнымъ является и въ новгородскихъ грамотахъ.

б) Ъ. Этотъ глухой опускается главнымъ образомъ въ мѣ-
стоименіи всь:

вь 0253.

всего 0167.

все 0185.

вси 0190.

всемъ 0218.

всю 0169. 0194.

вси 0170. 089. 0187. 0194.

всѣхъ 0233.

всѣмъ 0220.

всечьстѣное 0203.

всемоудре 0170 (bis)

Всего 78 случаевъ.

Присно 0172. 0187.

Приснопамятныи 0169. 0171.

Присноблаженныи 0187.

Всего 35 случаевъ.

Вѣрно 014. 036.

Правовѣрно 013.

донде 083.

тъзноюмоу 0118.

страстотърѣнца 0147.

2. Замѣна глухихъ—чистыми гласными и обратно.

а) Ъ вм. О:

грѣзѣ 064. 068.

ѣкъ 0225.

крѣпѣсть 027.

сѣнѣдѣе 0121.

На страницѣ 0113 въ писано (ѣкоже —) о передѣлано изъ ѣ.

б) О вм. Ъ:

Красѣно 019.

Прѣстола 0226 (Nom. Sing.)

ѣбенѣхъ чѣрътого 0210.

Чѣрътого ѣко дѣхѣно 0199.

Кромѣ того, изъ первоначально написаннаго о сдѣлано ѣ:

слоуѣ изъ—слоуѣ 092 (gen. pl.)

цвѣтъ—цвѣто 0117.

нѣбакъ—нѣкако 0124.

изволенъ—изволено 036 (N. M. Sing.)

вѣрънъ—вѣрно 041, 044 (N. M. Sing.)

Слоужитель ѣвъ—ѣво 042.

имамъ—имамо 0139.

дивьнъ—дивьно (0133 (Acc. Sing.)

цѣлъ—цѣло 0166 (N. M. Sing.)

бѣтъствѣмъ—бѣтъствоу 0193.

змиинѣмъ—змииномъ 052.

подвигомъ--подвигомо 069.

Разъ (052) вмѣсто ѣ было написано а: ѣмъмъ дръвле поставлена.

в) Ъ=оу: Пастѣхъ—022.

г) Ы в.м. ѐ:

вѣнѣчнѣсьчѣ 032.

вѣнѣчнѣсьци 0157.

въ ложьснѣхъ 026.

д) є в.м. ѣ:

изволенъ 035.

ковѣчегъ 0180.

мече вѣзможе 0210.

необращено 033 (adv.)

Похвалена словеса 0131.

страже твѣрьдѣи бѣсть 0227.

словесена 052.

Триднѣвнѣ 0123.

(затвореноу 057. затвореноуоумоу 069.)

е) ѣ в.м. и:

крѣтъмнѣское. 042.

отишѣ. 0150.

распѣтъ 0120.

свѣтъльници 0157.

скръжали 042.

ж) и в.м. ѣ:

въ трихъ 0132.

различинѣхъ 0212.

Такимъ образомъ, 15 случаевъ замѣны гласнаго чистаго глухимъ и 30 случаевъ обратной.

Нѣкоторымъ примѣрамъ замѣны глухихъ чистыми гласными мы можемъ привести соотвѣтствующіе случаи изъ гра-

мѡтъ, гдѣ уже, кромѣ конца словъ, ѣ напр., употребляется весьма рѣдко тамъ, гдѣ ему въ живомъ языкѣ не соответствуетъ о.

Такъ въ Смоленской договорной грамотѣ (Буслаевъ. Ист. Хр. 349 и слѣд. стр.) встрѣчаемъ: Приказано боудѣте (боудеть), вѣдомъ (вѣдомо), въ Новгородской грамотѣ 1294—1304 г. (ibid. стр. 424):—кѣрольвѣтѣмо мѡужѣмо (т. е. королевѣмъ мѡужѣмъ) посоло (ср. у насъ чѣръѣтого). Для языка же одного времени, но языка Юга, аналогическія данныя, я въ довольно значительномъ количествѣ, предлагаю Сборникъ 1076 года. Приведемъ сплошную фразу, гдѣ дважды о ви. ѣ: Медъ въ веселіе дано быѣсть бѣѣмъ, а не на пимѣство сѣтворено быѣсть ³⁾.

3) Окончаніе творительнаго падежа единственнаго числа ѣмъ—ѣмъ.

а) ѣмъ:

- α) при именахъ мужескаго рода съ основою ѣ (ѣ):
 идѣмъ 0106.
 изѣмъ 078. 0183. 0202 (bis) 0204. 0207.
 бѣмъ 059. варѣмъ 0137.
 врагѣмъ 0171. гнѣмъ 0137.
 грѣмъ 090. 0115. 0150.
 дѣмъ 024. 064. 065. 066. 079. 082. 0106. 0110
 (bis) 0111. 0149. 0171.
 дарѣмъ 057. 0149. 0157.
 жѣмъ 056. 021.
 женихѣмъ 0140. 0209.
 крѣмъ 078. 0123. (всего 20 разъ.)

Кромѣ этихъ, мы имѣемъ еще 27 примѣровъ ⁴⁾; прилагательныхъ съ этимъ падежнымъ окончаніемъ можемъ указать:

³⁾ Памятники др.-рус. яз. стр. 536. Изъ замѣтокъ по изученію языка Сборника 1086 г. по подлинной рукописи проф. А. А. Кочубинскаго, предоставленныхъ въ наше распоряженіе.

⁴⁾ Изъ которыхъ нѣкоторые встрѣчаются въ большемъ количествѣ разъ; напр. сѣмѣмъ 10 разъ, разоѣмъ 8 разъ и пр.

кротѣньмъ 0159.

истинньмъ 0116.

законньмъ 045.

хвѣмъ 0125.

β) При именахъ съ основою на ѣ (==и):

домъмъ 0164. 0165. 0166. 0212.

γ) При именахъ ср. р. съ темою на о (==а):

божьствъмъ 074. 0198. 0217.

дрѣвъмъ 0112. 0123. (3 раза) 0129. 0132.

зрьчѣльмъ 0118.

ѣстьствъмъ 093. 0167. 0200.

невѣжьствъмъ 0235.

масльмъ 0137.

муръмъ 026. 057. 089. 0110.

множьствъмъ 0105.

моужьствъмъ 0135. 0139.

млѣкъмъ 016. 017. 078.

пивъмъ 069.

рожьствъмъ 065. 075. 079. 087. 090. 0116. 0180. 0211.

соушьствъмъ 079. 0203.

ходатайствъмъ 045. 051. 0177. 0181.

числьмъ 0146.

δ) При именахъ ср. р. темы с:

словъмъ 057. 0117. 0176. 0201. (всего 12 р.)

тѣльмъ 0101.

б) ѣ м ѣ

α) При именахъ мужескаго рода съ основою ѣ (==а):

кедръмъ 0132.

поугъмъ 0132.

мечъмъ 059. 093. 0108. 0158. 0211.

еленьмъ 065.

съсьцьмъ 0131.

вѣньцьмъ 0142. 0162. 0225.

вѣляцьмъ 0160.

- β) При именахъ муж. р. съ основою на ъ (==й):
огньмь 059. 0108. 0158. 0211. 0212. 0220.
- γ) При имен. средн. р. съ темою на о (==й):
мурьмь 0149.
личьмь 049.
соудищьмь 046. 095.
- ε) При имен. ср. р. съ темою и:
Пламеньмь 0234.

Въ церковно-славянскихъ памятникахъ южнаго происхожденія въ громадномъ большинствѣ случаевъ творительный падежъ единствен. числа именъ мужескаго и средняго рода оканчивается на омь—емь, но въ нихъ же, хотя и въ видѣ рѣдкихъ исключеній³⁾, есть и окончаніе ѣмь—ьмь, которое чаще встрѣчается во всѣхъ русскихъ памятникахъ и потому считается однимъ изъ признаковъ русскаго вліянія на древній церковно-славянскій языкъ.

Ак. Миклошичъ⁶⁾ въ виду того, что ѣ и ѣ уже въ древности могли переходить въ о и е, считаетъ, что ѣмь—ьмь древнѣе омь—емь; въ виду формъ польскаго языка: *aniołem*, *koniem* и т. п. необходимо согласиться съ этимъ мнѣніемъ г. Миклошича, ибо е польскаго языка указываетъ на существованіе глухихъ гласныхъ въ церковно-славянскомъ языкѣ; объ этомъ же свидѣлствуютъ и чешскія формы *dubem*, *mužem*, *mešem*.

Такимъ образомъ, русскіе памятники XI вѣка, въ которыхъ сравнительно не многіе, какъ напримѣръ въ нашей Миней, примѣры съ омь—емь нужно считать принадлежа-

³⁾ Примѣры приводятся Миклошичемъ. Vergl. Gram. III p. 13. 23.

⁶⁾ Ibid. p. 13: Der auslaut des stammes kann vor consonanten selbst in den ältesten denkmälern in o übergehen; in den späteren ist o in sg. instr., im dual. dat. und im pl. dat. für das organische ѣ ausnahmslose regel... Шолфинъ (R. Scholvin), Archiv für sl. Philologie, т. II, стр. 488 и слѣд. (Beiträge z. Decl. in d. pan-sl. Denkmäler)—ѣмь—ьмь также считаетъ болѣе древнимъ окончаніемъ, но только при именахъ съ основами—на оу, и.

щими оригиналу, сохранили болѣе древнее окончаніе, чѣмъ южныя — и потому эта особенность древне-русскаго языка должна быть признана для него весьма характерной.

4.—ТЬ—окончаніе 3 лица единствен. и множествен. чиселъ настоящ. времени.

а) Глаголы архаическіе.

α) Единственное число:

дасть 016, 038, 045, 072, 073, 074, 076, 0104, 0110, 0143, 0163, 0213.

въздасть 016, 0123.

есть 035, 036, 046, 053, 055 (и passim).

исповѣсть 0219.

подасть 055, 069, 0104, 0112, 0135.

прѣдасть 062. 0137 025.

β) Примѣровъ множествен. числа мы не замѣтили.

б) Глаголы съ соединительными гласными.

α) I классъ: Глаголы, основа которыхъ = корню.

Единствен. число:

възведеть 066.

воспоеть 038.

влѣчьеть 0107.

възидеть 0172.

възможеть 075. 0134. 0170.

възнесеть 0133.

изд(р)ечеть 033.

изидеть 0133. 0187.

изнеможеть 0189.

поеть 081, 084. 086. 091. 0204.

приведеть 0133.

придеть 033.

приниметь 063, 0164.

прочькьеть 064.

прочьтеть 063

Множ. число:

имѡуть 0134. могууть 076.

приведоуть 079. 081. (bis)

поидоуть 043.

приимѡуть 080, 0142.

поють 0132. 0205.

β) II классъ: основы на нж.

Единствен. число:

воздвигнеть 063.

Множествен. число:

преминоуть 0124.

растьрагноуть 074.

γ) III кл.: основы на ѣ.

Ед. число: имѣеть 0172. 0180.

прѣсѣеть 0124.

разоумѣеть 0133.

оускоудѣеть 083.

тылѣеть 082. (bis)

тырьпить 051, 095.

тырьплеть 043.

хоцеть (passim)

Мн. число: видать 060. 0125.

δ) IV кл.: основы на и:

Ед. число: възъпнеть 082.

въводить 073. 0123.

възвеселить 0111.

величить 079. 0184.

въпнеть 035.

въпнеть 0128.

веселить 067, 078. 079. (bis) 0134. 0135. 0150.

0165. 0195. 0216.

гласить 0199,

доить 070.

живеть 073.

исходить 0162. 0200.

молить 0172. 0204. 0234.

мучить 0100.

носить 0130. 0151.

обновить 080, 082, 086.

огонять 013, 0104, 0117, 0130.

плодить 064.

править 047.

приносить 0134.

прогонять 051.

происходить 062 (bis) 079, 082, 084.

просвѣтить 066.

прославить 075, 0133.

проходить 072, 073.

раздрѣшить 0181.

родить 0182, 0183.

рѣшить 0184.

славить 037, 081, 0134.

славословить 078.

сѣтворить 056.

творить 085.

томить 0217.

точить 0133, 0107.

оуготовить 085.

оуставить 064.

хвалить 0197.

хранить 082.

щадить 082.

М н. ч и с л о: блажать 078.

бословить 084.

веселать 080, 0186, 0201.

веселить 024.

възвеселать 072.

възвеселать 085.
 бгонять 0189.
 просить 024.
 шнословить 0103.
 родить 072.
 слоужать 0151.
 точать 0199.
 ходять 0123.
 чтоуть 028.

е) V классъ: основы на л. Примѣровъ этого класса мы встрѣтили 159⁷⁾; считая лишнимъ приводить всѣ, мы выбираемъ изъ нихъ только нѣкоторые:

Е д. ч и с л о: — въсхытаеть 020.
 въсплещеть 072, 0107.
 даеть 0197.
 зоветь 0104.
 изливаетъ 055.
 наощаеть 0221.
 озаряеть 0129.
 осиметь 0130, 0131.
 рождаетъ 082, (bis) 087, 0226.

М н. ч и с л о: играютъ 081.
 истачають 0194.
 испльняють 054.
 бвьрзають 072.
 побивають 021.
 принимаютъ 0204.
 сьрищоуть 0130.
 оублажаютъ 0229, 0157.
 оужасають 084.

г) Классъ VI: основы на окл.

Е д. ч и с л о: бещадствоуетъ 044.

7) 128 един. ч. и 31 мн. ч.

въроуєть 0201.

дароуєть 088.

коуєть 0186.

ликоуєть 066, 078, 079 (bis) 080, 081, 082.

ликѣть 0213. ликѣствоуєть 070.

наслѣдоуєть 098.

праздноуєть 072, 079, 0119.

послоушьствоуєть 0141.

пѣрчетвоуієть 0173.

радоуєть 070, 072, 073, 074, 079, 080, 0145, 0197, 0201, 0209.

сѣрадоуєть 081, 085, 0157.

свѣтлоуєть 072.

тѣрѣжствоуєть 086.

ѣрствоуєть 070, 0103, 0153, 0189.

М н . ч и с л о : радоують 0120, 0146, 0172, 0181.

възрадоують 0125.

Во всѣхъ такъ называемыхъ панновскихъ памятникахъ 3 л. ед. и мн. чиселъ настоящаго времени въ громаднѣмъ большинствѣ случаевъ оканчивается на тѣ, случаевъ же окончанія на тѣ обыкновенно очень не много. тѣ только въ русскихъ памятникахъ является господствующимъ, тѣ же въ нихъ встрѣчается въ незначительныхъ по числу примѣрахъ: въ Остр. Ев. ихъ 4, а въ разбираемой Миней мы замѣтили ихъ 29,—число мало значащее въ сравненіи съ числомъ примѣровъ съ окончаніемъ тѣ, которое нечуждо и современной русской рѣчи ⁸⁾).

Встрѣчаясь съ этими двумя окончаніями очень важно опредѣлить, которое изъ нихъ древнѣе для первоначальнаго славянскаго языка.

⁸⁾ "Третье лицо оканчивается въ сѣв.-великор. и въ малорусскомъ—галицкомъ варѣчіяхъ на тѣ; въ остальныхъ частяхъ малорусскаго, въ бѣлорусскомъ и южно-великорусскомъ, за исключеніемъ московскаго, на тѣ". Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальн. особенностей народн. русск. яз., стр. 244—245.

Держась почвы паннонскихъ памятниковъ, нужно признать лишь то, что тѣ господствуютъ въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянской письменности. Все это вполне ясно доказано въ трудахъ гг. Миклошича и Ягича; но они окончательно не рѣшили вопроса о первичности для яз. св. Кирилла одного изъ этихъ двухъ окончаній. Г. Миклошичъ, напримѣръ, сначала считалъ такой формой окончаніе ть (см. его *Formenlehre der Altsl. Sprache* 1854 г. (Wien)), а позже [(см. его *Vergleich. gram.* III т. изд. 1876 г. (Wien))] склонился къ признанію первичности за тѣ, изъ котораго уже не могло образоваться русское тѣ.

Для рѣшенія этого вопроса мало матеріала въ ц.-сл. памятникахъ; онъ долженъ быть перенесенъ на судъ сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, гдѣ однимъ изъ первыхъ свидѣтелей въ данномъ пунктѣ, непременно, долженъ явиться литовскій яз., организмъ котораго особенно родствененъ организму славянскихъ языковъ.

Такъ поступилъ Шлейхеръ; онъ сравнилъ формы ц.-сл. яз. съ формами литовскаго, zendскаго и др. и пришелъ къ выводу, что ѣ въ данномъ окончаніи слѣдуетъ считать вторичнымъ измѣненіемъ ь, которое вполне соответствуетъ окончанію 3 л. ед. и мн. чиселъ наст. вр. въ другихъ родственныхъ языкахъ (Санскр. *vaṇa-ti*, знд. *vazai-ti*, *ἐχε(τ)*! — сл. везе-ть; лит. *es-ti* — сл. ьсть⁹⁾). Слѣдовательно, русская форма — тѣ — древняя славянская форма, затемненная въ ц.-сл. памятникахъ діалектическими вліяніями и лишь въ нашихъ памятникахъ сохранившаяся въ полной селѣ.

Вслѣдствіе этого указанная особенность, обнаружившаяся и въ нашей Миней въ большемъ числѣ примѣровъ и характерна для древне-русскаго языка, ибо она является однимъ изъ свидѣтелей о старѣйшинствѣ его среди другихъ славянскихъ языковъ.

⁹⁾ Шлейхеръ, *Die Formenlehre*. Стр. 337—338.

II.

ПЛАВНЫЯ СОЧЕТАНІЯ.

Разсматривая въ памятникахъ сочетанія рх — рь, лх — ль, замѣчаемъ, что они дѣлятся на два вида, или на два класса; къ первому принадлежатъ тѣ, въ которыхъ искони былъ гласный послѣ р и л, напр. *крѣвь*, *крѣсть*, *плѣть*, *слѣза*, гдѣ въ рускомъ неизбѣжно чистый вокаль; ко второму относятся тѣ, — въ которыхъ, какъ это доказываетъ проф. А. А. Кочубинскій, въ перво-славянскомъ согласно съ русскимъ произношеніемъ — предъ плавными должны быть гласные: — *гордѣ*, *верба*, *волкъ*, *желтъ* и старославянское правописаніе которыхъ: *грьдѣ*, *врѣба*, *влѣкъ*, *жлѣтъ* — должно быть признаво только, какъ известная графическая формула писца¹⁰⁾.

Въ павнонскихъ памятникахъ глухой постоянно помѣщается послѣ плавныхъ¹¹⁾; этой однообразной формѣ правописанія плавныхъ старославян. памятниковъ другія славянск. нарѣчія противопоставляютъ крайне разнообразныя формы; одинъ только русскій яз. строго выдерживаетъ порядокъ помѣщенія звуковъ *ѣ* и *ь* предъ плавными.

А. Первый классъ.

Сочетанія типа словъ: а) *кровь*, б) *крестъ*, с) *плоть*, d) *слеза*.

а) *крѣвь* 013, 016, 024; тоже написаніе въ косвен. падежахъ (*крѣве*, 057, *крѣвью* 058) и въ прилагательныхъ (*крѣвьятымъ* 058). Всего 56 случаевъ. Стрѣгание 0154, 0157, стрѣгани 0155. Трѣсть 0106.

¹⁰⁾ А. А. Кочубинскій, Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій, т. I, стр. 155, 156.

¹¹⁾ „Нельзя не замѣтить, говорить по этому поводу акад. Срезневскій, что глухіе *ѣ* и *ь* при *р* и *л* ставятся обыкновенно послѣ *р* и *л*. Въ очень не многихъ рукописяхъ, между прочимъ и въ древнѣйшихъ, какъ въ Македонскомъ листѣ правило это иногда не исполнено“. Пам. юс. письма, стр. 160.

b) крьсть 035, 045, 058, 0118, 0119, 0129 и passim; въскрьсєіє 0121, 0172, оустрьми 068. (Примѣровъ подобнаго написанія словъ этого корня—еще 9).

с) плѣть, плѣтью, бесплѣтна, въплѣтисѣ 027, 032, 056; всего 60 случаевъ словъ этого корня.)

d) можемъ указать всего одинъ примѣръ: слѣзь 032.

В. Второй классъ.

Сочетанія типа словъ: а) гордѣ, b) верба, с) волкъ, d) желтъѣ.

Слова ц.-сл. типа: грѣдѣ, врьба, влѣкъ, жлъть передаются: 1) ѣ, ѣ помѣщаются предъ гласными и 2) ѣ, ѣ помѣщаются предъ гласными и сохраняются послѣ нихъ.

а) 1) ѣ р. Примѣровъ нѣтъ (въ Остр. Евг. одинъ: тѣржѣникомъ 9 а).

грѣд—грѣдѣню, 022, 0102, 0140, 0141, 0144.

грѣдааго 063.

грѣдаго 0149.

грѣдо 0193.

грѣдостѣю 020.

г р ѣ л—грѣлицоу 0149.

г р ѣ н—грѣнило 0107.

2) ѣ р ѣ;— крѣм ¹²⁾—крѣмити 016, 017.

крѣмленіє 0220.

крѣмѣци 0102.

въскрѣми 038, 0101.

скрѣб—скрѣбѣ 064, 096, 0101, 0151, 0235 тоже слово въ различн. падежахъ и производн. отъ того же корня—12 разъ.

трѣж—трѣжѣство 045, 061, 0105, 0117, 0165, 0168, 0197; того же корня—5 примѣровъ.

¹²⁾ Вездѣ здѣсь примѣры группируются по типу: конс. + р, л + ѣ, ѣ + конс.

натъръженіи 0136.

отъръже 068.

б) ъ р. *оръз* — развързл 081.

бвързль 094, 0109. бвързъ 099.

орът — вѣртыты 0222.

оръш — съвършеннаго 0153.

оръх — върховнаго 0114 (bis).

дръж — държиши 0138.

въседър(жа)внѣ 0205.

миродь(р)житѣли 0218.

жрът — жертва (въ различныхъ падежахъ) — 0129, 0135, 0179, 0212, 0231 (bis).

мрът смърть (въ склоненіи) — 050, 0118, 0119, 0141 (bis), 0143, 0232.

оумъртви 039, 0121.

мъртвыиы 0121, 0150.

мъртвынъ 0115.

пръст — прѣстѣмъ 064.

смърд — смърдаща 0230.

скърън — бескъръныиы 0104.

бескърнаго 080.

нескърна 0199.

скърныиы 0210.

Търъд — твърдый 067.

твърдость 0133.

оу-твъ(р)ди 0149, 0169.

Трън — трп'кнѣ 023.

претръп'к 095.

претъ(р)п'кнаго 0231.

чрът — начъртавъ 0121.

чъртогъ (въ склоненіи) 020, 0139, 0158, 0159.

3) ъ р ъ — *оръз* бвърззють (въ спряженіи по временамъ и лицамъ) — 069, 072, 075, 081 (bis), 083, 084, 085, 0103, 0154. 0175 (bis), 0183, 0200 (bis).

орѣж—въврѣженѣ 068, (тотъ же глаголъ въ различн. формахъ съ приставками: по—, низ—, съ—061, 069, 075, 0164, 0212).

орѣи—разврѣгы 0175, 0228.

ѡврѣгыши 0232, 0234.

приврѣгоша 0102.

поврѣгла 0210.

врѣст—врѣсто 032, 089, 090 (bis), 091.

сѣврѣстница 0164.

сѣврѣстницюу 0165, 0187.

врѣш—сѣврѣшение 035, 0108 (въ различн. падежахъ: 098, 0159, 0169).

сѣврѣшиши 033 (bis). (Этотъ глаголъ въ различн. формахъ въ такомъ написаніи встрѣчается 28 разъ).

врѣх—врѣховѣннѣи 0115.

врѣховнаго 0110.

трѣврѣховнаѣ 095.

дрѣз—дрѣзость 0198.

дрѣзостью 025.

дрѣзновениѣи 042 (и въ друг. падежахъ—всего 9 разъ).

дрѣзати 033 (и въ спряженіи—всего 5 разъ.)

дрѣж—всѣдрѣжительность 086.

всѣдрѣжитель 098, 0201 (въ друг. падежахъ—9 разъ).

вздѣрѣжаніѣ 0186 (въ другихъ падежахъ: 029, 0195, 0196, 0213, 0216, 0228).

вздѣрѣжаніѣи 0193, кромѣ этого, глаголъ *дрѣжати* (въ спряженіи) съ приставками и *дрѣжава*—въ косвен. падежахъ встрѣчаются въ такомъ написаніи 37 разъ.

зрѣи—зрѣчало 0139.

зрѣчальѣи 0108.

жрѣт—жрѣтѣвникѣ 083.

жрѣтѣвника 080.

жрѣти ¹³⁾ 068 (bis).

¹³⁾ жрѣти—жрѣти; жрѣти встрѣчается въ Сунг. ркн.

- жрьи* — *жрьчѣ* 044. *жрьчскый* 076.
мрьт — *смьрьть* (въ склоненіи) всего 33 раза.
смьрьтнаи 0109, 0198 (и въ др. падежахъ: — 036, 0130, 060, 092, 0217).
бесъмьрьтне 049 (въ др. падеж.: — 092, 0130, 0144, 0155, 095 (bis), 0207, 0228).
бесъмьрьтию 0195.
мьрьтвыхъ 0208.
мьрьтвнымъ 0195.
оумьрьтви 027, 031, 054, 099, 0192, 0195, 0198, (въ другихъ формахъ этотъ глаголѣ въ такомъ написаніи встрѣчается еще 10 разъ).
прьст — *пьярьсть* 085.
пьярьстмы 054, 0224.
пьярьстныи 0131.
прьв — *пьярьвыи* 029 (въ косвен. падежахъ и въ сносн. словахъ — напр. *пьярьвѣнча* 039 — всего 18 разъ).
скьрьи — *бескъвьрьно* 0139.
некъвьрьно 035 и подобн.: 097, 028, 0211, 0216, 0170, 0176. 0175.
срьд — *сьярьдчмы* 045.
сьярьдчныи 0190.
срьи — *сьярьиыи* 0104.
твьрьд — *твьрьдыи* 0227, 0157 (въ различн. падежахъ — 11 разъ).
твьрьдью 0211.
твьрьдость 067, 0224.
твьрьдостыи 0171.
твьрьдостно 0144.
твьрьди 0106, 0156.
оутвьрьжение 024, 0151, 0121, 0122, 0191, 0195.
оутвьрьжаше 036.
оутвьрьдивъ 034, 035.
оутвьрьди — 022, 078, 086, 0102, 0105, 0149, 0204, 0205, 0210 (этотъ глаголѣ въ различн. формахъ — 12 р.).

трѣз—тѣрѣзаниѣ 0211 (bis).

трѣи—тѣрѣпѣть 095 (этотъ же глаголь въ сложеніи съ *прѣ*,—дѣлѣго—съ—въ различныхъ формахъ встрѣчается—32 раза въ такомъ написаніи напр.:—044, 099, 0194, 0233.)

страстотѣрѣпѣще 067, 0211 (bis) 0137, 0147.

тѣрѣпѣніе 023, 0107 (въ разл. падеж.—12 разъ).

тѣрѣпѣливо 067, 066.

тѣрѣпѣивно 0101, 0164, 0146, 0158, 0192.

тѣрѣпѣивно 0233.

чрѣи—почѣрѣпають ¹⁴⁾ 0194 (этотъ глаголь въ различ. форм.—всего 8 разъ).

чрѣт—чѣрѣтогъ 020, 062, 0176.

почѣрѣтаниѣ 063.

почѣрѣтаемъ 0113.

чрѣе—очѣрѣвлена 0221.

очѣрѣвивъ 0228.

очѣрѣвити 0133.

очѣрѣвивъши 0155.

почѣрѣвленаѣ 064.

чѣрѣвению 023

чрѣи—чѣрѣивно 034 (bis), 0191.

чѣрѣивноу 066, 0133, 0177.

чѣрѣивноу 0165.

чрѣи—чѣрѣиоризыци 0197.

очѣрѣнити 0191.

жрѣ—ж р ѣ т—жѣрѣтва 0165, 0200.

жѣрѣтвоу—021, 023 (bis) 035 (bis) 057, 0160, 0221.

мрѣт—мѣрѣтвѣихъ 0234.

срѣд—мѣлосѣрѣдаго 0184.

чрѣи—почѣрѣп(ѣ)мъ 038.

¹⁴⁾ Для южнаго языка того времени: нѣдоизбытъка череплють Сборникъ 1076, стр. 33. Изъ тѣхъ же замѣтокъ проф. А. А. Кочубинскаго.

чрът — чрътаниа 028.

чрътогъ 0190 (bis), 0209, 0211.

чрътого 0199.

чрътогоа 0193, 0234.

с) 1) ѡ л. вльн — вльнащее 0116.

безвьльноио 0156.

длѣи дльгъи 0235.

мльи — немльчьно 012.

мльн — мльнии 0171.

стмльн — стльпы 0157.

тмльст — тльстоты 0209.

2) ѡ л ѡ — вльк — вльцѣхъ 092.

вьлька 0230.

извьлькъ 0205.

обвьлькше 047, 0157.

свьлькѣ 0218.

свьлькши 0210.

вльн — вльнениа 034.

вьльнение 059, 0164.

вьльнащее 036, 0196.

трвьльнение 0156, 0165.

дльз — дльго 044.

дльгъи 0228.

дльготъи 0219.

дльгоуі 0212.

дльготърьпѣливъ 0128.

дльготърьпѣльное 0166.

мльн мльниа 050.

мльнии 054.

мльч — мльчание 0183.

оумльчание 044.

немльчьно 0139, 0190, 0221.

немльчьныи 0166.

мльз — пльзающеуі 057.

мльн — испльнкують 054 (въ различ. формахъ этотъ

глаголь всего—25 разъ. Напр. 017 (bis), 039, 042, 048 (bis).

исплѣнение 042, 047.

слѣн—слѣньчѣныхъ 0193.

стлѣн—стлѣнь 034, 067, 073, 0203.

стлѣньмъ 012, 0127.

тлѣн—тлѣнь 0102.

тлѣст—тлѣшоу 019.

тлѣщею 077.

d) — Въ нашемъ памятникѣ нѣтъ примѣровъ слоогобразующаго лѣ, которое-бы отвѣчало русскому ел, (конс+л+л+конс., — жлѣтъ — желтѣть), нѣтъ и примѣровъ съ кль.

Г. Козловскій ¹⁵⁾, отмѣчая отсутствіе подобныхъ примѣровъ и въ яз. Остр. Ев., говоритъ, что „въ русскомъ нарѣчій подобнаго сочетанія звуковъ въ корняхъ при сонантѣ л тоже не оказывается.“ Авторъ передалъ здѣсь общепринятое воззрѣніе, по которому слова семьи жлѣтъ не отличаются отъ словъ семей: волкъ, плоть, слеза, такъ какъ у нихъ одно общее со словами этихъ послѣднихъ семей начертаніе лѣ, т. е. съ точки зрѣнія сочетанія лѣ—русск. ел, ол, ло, ле, произношеніе словъ — жлѣтъ, блѣха, влѣкъ, слѣза—было одно. Но русскій языкъ параллельно сочетанію ол знаетъ и ел тамъ, гдѣ въ ц.-сл. памятникахъ одно безразличное начертаніе лѣ или лѣ, хотя словъ съ сочетаніемъ ел (лѣ) немного: желвь (желвакъ) ¹⁶⁾, желна, желтъ (желкнуть) желчь ¹⁷⁾, челнѣ ¹⁸⁾.

Разсмотрѣвъ вышеприведенные примѣры плавныхъ сочетаній, мы видимъ, что въ первомъ классѣ ихъ, согласно русскому произношенію, глухой всегда сохраненъ послѣ плав-

¹⁵⁾ Исслѣдованіе яз. Остр. Ев. стр. 110.

¹⁶⁾ См. Miklosich, lexicon pal-sl.-gr.-lat. s. v. жлѣвий, cf.

желѣвь.

¹⁷⁾ Супр. 329, 369: злѣчь.

¹⁸⁾ Miklosich, l. c. s. v. См. объ этомъ подробно у проф. А. А. Кочубинскаго, l. c. гл. III.

наго; въ написаніи же словъ второго класса—видимъ,— 1) что глухой, слѣдовавшій въ ц.-сл. памятникахъ послѣ плавныхъ помѣщается писцомъ Минеемъ предъ ними и 2) что глухой помѣщенъ предъ плавнымъ и сохраненъ послѣ него; глухой предъ плавными помѣщался писцомъ въ силу его произношенія и это не можетъ вызывать никакихъ вопросовъ; менѣе понятно, но за то гораздо интереснѣе *сохраненіе глухихъ послѣ плавныхъ*.

Въ этомъ явленіи, называемомъ „вторымъ полногласіемъ“¹⁹⁾, второе ъ, ь, какъ это видно изъ сравненія съ остальн. славянск. нарѣчіями и другими языками—новаго паразитнаго происхожденія—изъ перваго кореннаго вокала²⁰⁾.

Этотъ паразитный вокаль вызывается звуками л, р въ силу ихъ физической природы создавать возлѣ себя—призвукъ; причина появленія его—желаніе устранить стеченіе двухъ согласныхъ, т. е.—призвукъ этотъ есть законная эвфоническая вставка и вызывается онъ эвфоническими условіями языка. Изъ сочетаній старославянскихъ рукописей рѣ—рѣ, лѣ—лѣ—равныхъ русск. ор, ол, ел, ер *рано* развилось сочетаніе оро, оло; въ этомъ стремленіи русскаго писца къ округленію плавнаго, которое сказалось въ сохраненіи втораго глухаго, чтобы отдѣлить плавный отъ послѣдующаго согласнаго²¹⁾, насъ убѣждаетъ масса вышеприведенныхъ примѣровъ; сѣмьрьтънѣки, стѣльпѣ, мѣльница, кѣрѣмити—ясно указываютъ на то, что писецъ помѣщалъ глухіе послѣ плавнаго потому, что сочетаніе плавнаго съ послѣдующимъ согласнымъ было для него неудобопроизносимымъ и этотъ глухой былъ для него средствомъ облегчить это затрудненіе.

Такъ какъ и теперь еще стремленіе это пользоваться гласнымъ для облегченія выговора плавн.+слѣд. консон. составляетъ характерную черту сѣвернаго великорусскаго

¹⁹⁾ А. Потебня, Къ исторіи звуковъ русск. яз. (Воронежъ, 1876) стр. 85—109.

²⁰⁾ Подробн. разборъ этого съ массой примѣровъ и сравненій см. въ указанной уже книгѣ проф. А. Кочубинскаго (Іт.) стр. 77—88.

²¹⁾ А. Потебня, Два изслѣдованія стр. 34.

(главн. обр. новгородскаго) нарѣчія, то въ виду фактовъ др.-русск. памятниковъ черта эта должна быть признана идущей изъ глубокой старины, а факты современнаго произношенія словъ плавнаго сочетанія должны быть сочтены прекраснымъ матеріаломъ для иллюстраціи и объясненія образованія „второго полногласія“ въ говорѣ писца Остр. Ев., Миней и проч.—Только что приведеннымъ примѣрамъ мы находимъ соотвѣтствія и въ современномъ новгородскомъ нарѣчіи, гдѣ встрѣчаются: смеретушка, столобъ, молонья; для крѣпить параллель можно видѣть въ сѣв.-великорусской формѣ — кормить²²⁾ (въ южно-русскомъ коромъ).

Такимъ образомъ, съ одной стороны крѣпить нашей Миней, — съ другой — современное — кормить (коромъ), связью между которыми является „Торожку“²³⁾ первой Новгородской лѣтописи — ясно указываютъ на отразившееся въ замѣчаемомъ здѣсь „второмъ полногласіи“ вліяніе живого русскаго говора, который въ виду приведенныхъ выше примѣровъ долженъ быть признанъ для XI вѣка такимъ, какимъ мы его слышимъ теперь.

III.

П О Л Н О Г Л А С І Е .

Явленіе полногласія интересовало многихъ ученыхъ, надъ его объясненіемъ трудилось много филологовъ, но только въ статьѣ покойнаго П. А. Лавровскаго: „О русскомъ полногласіи“²⁴⁾ вопросъ этотъ былъ поставленъ на болѣе научную почву, а затѣмъ болѣе обстоятельно разработанъ проф.

²²⁾ Изъ сказки: „Нестеръ и св. Егорій:“ „Былъ жилъ Нестеръ; у ево было дитей шестеро; а самъ есть *горлыва*, а работать ленивъ: не з(п)аетъ, чѣмъ своя голова *кормить*.“ — Колосовъ, Замѣтки о яз. и народн. поэзії стр. 203. Оттуда же взяты и другіе примѣры стр. 295 (ср. стр. 104).

²³⁾ А. Потебня, „Къ исторіи“... стр. 98. Въ Ипатьевской лѣтописи полокъ Ср. А. Кочубинскій, I. с. I т. стр. 78, II т. стр. 4.

²⁴⁾ Изв. II отд. Ак. Наукъ т. VII, 1858 г.

А. Потебнею ²⁵⁾, который и приводит различныя мнѣнія по этому вопросу. Но явленіе это все еще не вполне объяснено во всѣхъ его случаяхъ, не рѣшено еще окончательно, дѣйствительно-ли полногласіе исключительно принадлежитъ русскому языку, неопредѣлена эпоха его появленія и неизвѣстно еще, не нужно-ли его въ виду такихъ формъ ц.-сл. памятниковъ, какъ пелена (Glagolita Glozianus) и нѣкоторыхъ другихъ соображеній ²⁶⁾ признать *основнымъ* и согласиться съ мнѣніемъ, что изъ него развились краткогласныя формы другихъ славянскихъ нарѣчій.

А между тѣмъ изъ сравненія формъ русскаго полногласія съ соотвѣстственными формами другихъ слав. языковъ и родственныхъ видно, что и нѣкоторые другіе слав. нарѣчія внѣ области русскаго не представляютъ гармоніи съ ц.-сл. языкомъ. Это обстоятельство въ связи съ характеромъ гласнаго ближайшаго къ языку русско-польскому; затѣмъ соображенія изъ указаній Сравн. грамматики индо-европ. языковъ дозволяютъ предполагать объ общеславянскомъ характерѣ столь спеціальнаго повидимому явленія русск. языка.

Въ Минееѣ нашей мы имѣемъ слѣдующіе немногочисленные примѣры этого явленія:

норовъ 049 (0194: нъравы), по середѣ 020, 043, 051, 096, 097, 098, 0118, 0120, 0121, 0133 (bis), 0137, 0140, 0179, 0181, 0194 (bis) 0196, (въ сердѣ 041, здѣсь несомнѣнно описка).

Эти примѣры заставляютъ думать, что Русскій XI в., писавшій такъ, не могъ иначе и говорить; въ этомъ послѣднемъ мы должны тѣмъ больше убѣдиться, что полногласныя формы извѣстны и такому памятнику, какъ Остр.

²⁵⁾ „Два Исслѣдованія“ и „Къ исторіи звуковъ Рус. яз.“, гл. VII.

²⁶⁾ Мы не рѣшаемся вдаваться здѣсь въ подробный разборъ этого вопроса, замѣтимъ лишь, что и въ другихъ сл. яз. встрѣчаются слѣды полногласныхъ формъ: чешск. *pelest* (пестрый), словацкое — *peles* (берлога) и проч. Ср. Лекціи проф. А. А. Кочубинскаго (Литографированный курсъ 1884 г.) стр. 186 и слѣд.

Евг., — вспомнимъ классическіе примѣры: Новѣгородъ, Володимира (оба въ послѣсловіи) и перегнѣжвѣ (265). Слѣдовательно формы современнаго русскаго языка — черево, норовистый²⁷⁾ и др. нисходятъ до первыхъ національныхъ письменныхъ памятниковъ Славянск. слова.

IV.

Ѣ.

Къ числу самыхъ характерныхъ свойствъ новгородскаго нарѣчія принадлежитъ замѣна ѣ чрезъ е — и.

Въ Миней мы имѣемъ слѣдующіе примѣры этой замѣны:

е вм. ѣ —

Въ корняхъ: вреда 080, древѣмъ 0123, древа 0197, жребии 0117, плевелы 0115, пленение 0164. Прежде 028, 042, 0122, 0144, 0170, 0216. Предъ 0196, 0210, 0215 (и — passim)²⁸⁾ въпрекы 0122, средѣ 0110. сектырою 0184, 0185. телесными 0152, телесными 0222 (всего 10) чреплеть 0200, въ чревѣ 076, чрево 069, 071, 070. чреслъ.

Въ суффиксахъ и флексіяхъ: виденіе 053, дѣтели 063, въздвижете (Imp съ at.) 0125. обреть 050. обители 0155. тебе 0106, 071 (60 разъ), себе 0203, 0212 и часто.

Главное же число случаевъ замѣны ѣ чрезъ е приходится на слова съ приставкою прѣ (непреложно, 0210, прехвальне 090) — такихъ примѣровъ мы имѣемъ 181.

Есть примѣры и замѣны е чрезъ ѣ, но довольно рѣдкіе; отмѣтимъ здѣсь дрѣвле, которое въ такомъ написаніи встрѣчается 21 разъ (напр. 052, 053, 055, 081, 090).

Примѣры замѣны ѣ чрезъ и встрѣчаются въ значи-

²⁷⁾ Буслаевъ, Ист. Гр. § 29. (Изд. 1875 г.)

²⁸⁾ Такъ пишется обыкновенно этотъ предлогъ и въ словахъ сложныхъ.

тельно меньшемъ числѣ: стиноу 0132, обѣтилище 0148, ѿ звири 0163. очищение 0200. 019. 084.

Приставка прѣ—въ 51 случаѣ измѣнена на при.

Примѣровъ обратной замѣны (и—ѣ) можемъ указать только три:

мѣроу (τῇ ῥόβρω) 0104,

обѣтилище 0148. сѣлѣ (силѣ) 0224.

Прибавимъ немногіе примѣры нерѣшающаго характера замѣны ѣ чрезъ ѣ, которые встрѣтились намъ:

Прѣпѣтѣмъ 0205. цѣсарство 0164.

цѣсарствию 0121. Несомнѣнно 019.

V.

— Ю С Ы.

Въ нашей Миней юсы не выдержаны въ правописаніи: вмѣсто ж находимъ оу, ю (послѣ шипящихъ главн. образомъ, кромѣ того отмѣтимъ—всюдоу 0104), вмѣсто ж—ю (особенно въ суффиксахъ причастій), оу (этой замѣны мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ: оуже (Ass. s. f.) 084, плотиоу 024, землоу 041, въноуѣ оудоу 0185, 0186, змиоу 0209), вмѣсто л—а, ѣ, а вмѣсто ѣ—ѣ²⁹).

Мы не станемъ приводить примѣровъ этой замѣны: ихъ очень много и они едва-ли прибавятъ что-либо къ тому, что выведено изъ этихъ явленій въ другихъ памятникахъ древнерусскаго языка; мы приведемъ здѣсь только числовыя данныя.

Ж—на мѣстѣ встрѣчается только одинъ разъ (Лѣона-носаци звѣздѣ 0186);—случаевъ замѣны ж чрезъ оу 1818.

²⁹) Очень часта и обратная мѣна: вм. ѣ, ѣ—ѣ; довольно часто, напр., Трѣпѣѣ передается Трѣпѣза. Два раза мы замѣтили ѣ вм. ѣ: власѣѣ 0101 и прямо 031. На стр. 035, 067, 0105 0215 и др. шетани, шетаниѣ, шетаниѣ вм. ц.-сл. шѣтаниѣ, обычно передаваемого въ другихъ мѣстахъ Миней чрезъ шѣтаниѣ.

Замѣна а другими гласными встрѣчается постоянно, такъ что примѣровъ слишкомъ много, правильно же а употребленъ 343 раза ³⁰⁾).

Все это указываетъ лишь на то, что для писца Миней ж, а и чередующіяся съ ними буквы были одно и не даетъ ни малѣйшаго права ни на минуту видѣть въ ней какой-то носовой характеръ этого памятника.

Въ Остр. Ев. имѣется всего 518 случаевъ смѣшенія юсовъ съ другими буквами; это число должно быть признано очень незначительнымъ и бѣольшая правильность правописанія юсовъ въ Остр. Ев. должна быть объясняема другими, чисто вѣнскими причинами, напр. характеромъ самаго текста.

ЗАМѢЧАНІЯ О СОГЛАСНЫХЪ.

I.

МЯГКОСТЬ ШИПЯЩИХЪ в џ.

Написаніе ютованныхъ гласныхъ послѣ ж, ч, ш, щ и ц въ Миней имѣется въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Въ корняхъ: чювьство 040, 041, чювьства 0207. чювьство 0223. чюже 085, 086. очютивъши 0103.

Главное же число примѣровъ приходится на слова корня чоуд: чюдо 044, 073, 077, 087, 053, 051, 0203, 034, 070, 0207. Пречюдьноу 0214, 0219 (bis), досточюдьне 057 (bis), 0154, 0177, досточюднамъ 0197 (bis), 0193. чюдотворимши 0102. Случаевъ такого написанія этого корня мы имѣемъ 71.

Въ суффиксахъ и флексіяхъ: бѣю 036, 019, 031 (Ср. бѣюу 086, 0109, 0112), богралицю 0167, доушю

³⁰⁾ Мы не считали случаевъ написанія сА, мА, тА, которое встрѣчается рѣже, чѣмъ сМ, тМ, мМ.

038 (дшѡу 091), агницю 078. застоупницю 018, 036. кожую 0234. надежу 029, начьнѣшю 0184. межую 0130, одежую 016, 019, 023, 0106, 0177, 0213, отьчю 045, ойю 014, 038. прочьтовавшю 075, приносящю 0213, Плачуща 0104, Предѣтечю 043, 046, 047, 048, росодавичю 036, стражущю 092, тьмьничю 017, творьчю 0111, оуврачюу 026, ходатаицю 091.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что шипящіе и *ц* для писца Миней были мягкими звуками; они, будучи въ древности мягкими для всего русскаго языка, оставались такими въ Новгородскомъ нарѣчій ³¹⁾ и послѣ потери этой мягкости въ другихъ русскихъ говорахъ. Эти звуки остаются мягкими и до сихъ поръ: въ новгородской губ. и теперь говорятъ: отьцю, чюдный, ситчю ³²⁾.

II.

СОЧЕТАНІЕ *d+j*, *t+j*.

Въ др.-славянскомъ языкѣ *dj* обыкновенно смягчалось въ *жд*, а *tj*—въ *шт*,—эти фонемы мы и встрѣчаемъ въ южно-славянскихъ памятникахъ.

Въ русскихъ памятникахъ *жд* замѣнялось—*ж*, а *шт*—*ч*. Въ Миней мы имѣемъ слѣдующіе примѣры этой „замѣны“:

Жд—ж: Вижуу 0110, вижь 0101 (bis) 0185. восхождение 033, въжелѣста 031. гражанинъ 0222. соугражанинъ 0220. дажь 080, 0236 (нодажь 036, 047, 0118, 0221, 0223, 0140 (bis) 0142, 0157, 0235. заблоужшимъ 0121. зижитель 070, 078, 084, 0112, 0170 (и въ

³¹⁾ Особенно ясно это видно изъ Новгородскихъ грамотъ, гдѣ написаніе *чю*, *цю* и прч.—исключительно. См. А. Шахматовъ, Изслѣдованіе о яз. Новг. гр. § 21.

³²⁾ П. Лавровскій, О языкѣ с.—р. лѣт. стр. 134. А. Потебня, Два изслѣдованія... стр. 86.

косвенныхъ падежахъ—13 разъ) межу 0130. надежа 0130, 060, 071, 085, 0108 (въ другихъ пад. 6 разъ) наслажаеши 031, 0104, 0158, 0207 (въ другихъ формахъ этотъ гл.—14 разъ), насаженъ 085, ноужаеши 094, ноужаахоу 0160, невѣжа 0236, нахожениа 0116. невѣженъ 013, 0172, 0175, 0197. одежа 050, одежоу 057, одежу 019, 0106, 0177, 0213. огражениѣ 050, 0124, 0207. осоужаеъ 0235, осоужениѣ 082, 0161. 080. осоуженъ 0124. ѿхожениа 0151. побѣжаеъ 035, 037 (въ др. форм. въ такомъ написаніи этотъ гл. 10 разъ). Преже 028, 042 (8 разъ), прежьній 0143 (bis). Преже 042, 045, 069 (всего 28 разъ), рожаство 035, 042, 061 (всего 62 раза (въ склоненіи)). рожаеъ 062, 063, 073, 082, 083, 085, 0226 (этотъ же глаголѣ въ такомъ написаніи въ различныхъ формахъ 40 разъ) стражоуъ 0157 (въ разл. форм. 9 разъ), троужаеъ 0195, троужаемаго 0116, троужающій 0121. оутвържаеъ 0120, оутвържающа 021 (всего этотъ глаголѣ въ различн. формахъ 13 разъ).

шт—ч—мы замѣтили только: чюже 085, 086, очютивъши 0103 (сербск. Ожутити, Ожутјети).

Въ Остром. Ев. примѣровъ нѣтъ; вообще памятники этого вѣка представляютъ мало примѣровъ подобной „замѣнѣ“ ³³⁾.

III.

У В М. Ц и О Б Р А Т Н О.

У В М. Ц.

Сущестительн.: агньчъ 045, богоносьча 031, 032, боговидчъ 038, 042, 046, борьча 091. вьньчъ 015, 021, 025, 033, 058, 0105, (въ другихъ падежахъ это слово

³³⁾ Ср. Колосова, Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка... стр. 64.

и въ сложныхъ (вѣнчаносѣхъ 032, 036) пишется такъ еще въ 10 случаяхъ) видѣхъ 043, 050, самовидѣхъ 042, владѣхъ 020 двѣхъ 049, десничю 017. жрьхъ 044. жизнедавѣхъ 048 застоупничю 036. зрьхалѣхъ 0108. конѣхъ 022, 031, 038 (въ др. пад. 7 разъ), личе 040 (въ др. пад. 7 разъ) лѣствичю 077 ложнича 083. мчичи 065 (въ др. пад. 5 разъ), мрчѣхъ 040, 0148. младенѣхъ 044, мышѣхъ 078. овѣхъ 059, 070. оѣхъ (отѣхъ) 037, 069, 072, 082. оѣхъ 0151, отѣхъ 045. отроковича 063, 053, отроковичи 045. облачѣхъ 084. паличю 017. побѣдоносѣхъ 032, 036. празнолюбѣхъ 034. прѣхъхъ 038, въ пророчѣхъ 050, 0187. прѣхѣхъ 039. пѣхъхъ 040. пѣхъхъ 050 (bis) пѣхъхъ 052. проповѣдничи 053, питательничъ 070. проричаниѣхъ 062. прочтѣхъ 073. родительничю 034, родительнича 020, родосовичю 036. роучѣхъ 049, 052, 068, 0118, 0124. срдѣхъ 012, 045. срдѣхъ 038, срдѣхъ 023, 033. срдѣхѣхъ 049. страдѣхъ 028. 036 (bis) стрѣхъ 0199 стрѣхъ 024. слѣхъ 058, слѣхъ 044. старѣхъ 0182. тронѣхъ 034, 052, тронѣхъ 012, тронѣхъ 014, 034. тмѣхъхъ 017. въ тмѣхъхъ 027. тмѣхъхъ 017. творѣхъ 048, 0185 (еще 5 случаевъ въ различн. пад.) члѣхъхъ 081, члѣхъхъ 064, 081, 084. члѣхъхъ 081, члѣхъхъхъ 074, члѣхъхъ 050, чрѣхъхъ 043 члѣхъхъ 038 (bis), члѣхъхъ 038, 053. члѣхъхъ 024, 028, 068, 080, 083.

Прилагат. и причастія: вѣсѣхъхъ 026, прочтѣхъхъ 046, прочтѣхъхъхъ 075, прочтѣхъхъ 068, чѣхъхъхъ 080, чѣхъхъхъхъ 091. прочтѣхъхъхъ 0235.

Глаголы: прочтѣхъхъ 028, прочтѣхъхъ 072, 070, 0110, 0121. прочтѣхъхъхъ 064, прѣхъхъхъ 0205.

Въ значительно меньшемъ количествѣ встрѣтились случаи замѣны *у* чрезъ *ц*:

Существительн.: бѣхъхъхъ 0224, мѣхъхъхъхъ 0183. пѣхъхъхъ 0218. цлѣхъхъхъ 0227. црѣхъхъхъ 013. црѣхъхъхъхъ 093. роучѣхъхъ 0180.

Прилагат., причаст. и проч.: вѣнчане 0227, вѣсцѣ-
скам 033 (bis) вѣнчавъшаго 0127. вѣнчама 0105.
вѣдци 094. вѣдцини 0106. вѣдцина 0220. възвеличивъ
0127. двѣекы 0191. коньцанини 0159, коньцаемъи
0162, несъконьцаемаго 0180. четвероконьцъи 0123.
пороцъною 091. роуцъною 0139. срѣцънымъ 0201 срѣцъ-
ныхъ 0149, снѣцъно 080. снѣцъи 063, троицъи 0190.
троицъною 0216.

Глаголы: велицаемъ 0218, реце 0183.

Смѣшеніе сродныхъ согласныхъ у и ц, выразившееся
въ Миней въ довольно большемъ числѣ примѣровъ, принад-
лежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ свойствъ новго-
родскаго нарѣчія; смѣшеніе это, особенно ясно обнаруживаю-
щееся въ лѣтописяхъ и грамотахъ новгородскихъ³⁴⁾ и въ
наши дни, составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ звуковыхъ
явленій въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи³⁵⁾.

Въ заключеніе отдѣла о согласныхъ отмѣтимъ еще нѣ-
которыя особенности:

1—Гортанный—г не переходитъ въ шипящій—предъ
гласн. мягкимъ: архистратиге 049, 050, 052. (Ср. Вспом-
нимъ въ Остр. Ев.: Пасхѣ (2 рааа)³⁶⁾).

2—д—выпускается предъ н: празноующе 087, празно-
любьемъ 035, оупразнилъ 057.

3—Гортанный встрѣчается вмѣсто смягченной зубной:
дъжъгъ 084, одъжги 0115, вѣжгелѣвъши 0194, побѣж-
генъ 0217. пригвоженъ 0128, 0130, пригвожена 0124.

³⁴⁾ Примѣры см. у Лавровскаго, I. с. стр. 132, Шахматова, I. с. § 21.

³⁵⁾ Ср. Колосовъ, Замѣтки... стр. 18: онъ приводитъ напр. изъ современныхъ говоровъ: руцка, съ руцкой.

³⁶⁾ Въ современ. яз. юга: боури-ли морьскки бѣдоу прие-
маеши (стр. 27 Сборника 1876 г.); въ добротѣ боженъскки (стр.
349). Изъ тѣхъ же замѣтокъ проф. А. А. Кочубинскаго.

пригвожги 0124. прѣжге 0116. ражгизаемы 0218. роженіе 1281. роженомоу 0179. ражгъженоу 0181 (въ баню—).

Аналогичные примѣры приводитъ Лавровскій изъ новгородскихъ и псковскихъ грамотъ: дѣжгъ, дѣжгево ³⁷⁾. Въ современныхъ с.-в. говорахъ встрѣчается—гя вм. дѣя.

4—ж вмѣсто з: подвижавъша 0144.

4—з вм. ж:—зилище 0191.

И теперь въ новгородской губ. встрѣчаются: дружъя, ближешенько, з(ж)арко и проч. ³⁸⁾.

Ф О Р М Ы.

За немногими исключеніями формы въ разбираемой Мишеѣ выдерживаются правильно, т. е. въ большей части случаевъ сохраняется формальный типъ старославянск. языка.

Отмѣтимъ здѣсь слѣдующія особенности:

А. Склоненія:

1—Имена существительныя:

а) Основы на ѣ (ѣ).

Родительн. п. множ. ч. Вмѣстѣ съ обычными формами на ѣ встрѣчаются формы на овъ: грѣховъ 054, 058, 0112 (13 разъ) троудовъ 0158, 0174, 0228, родовъ 035, даровъ 0107, 0112. оумовъ 0119.

б) темы на ѣ:

Дат. п. ед. ч.—вмѣсто овина-оу: мироу 036, 060, 087, 0106 (всего 10 разъ).

в) Согласн. темы:

Въ род. п. ед. числа вмѣсто е встрѣчается и: крѣви 0141, 0161, 0187, 0228. любви 0167.

Объ окончаніи творит. пад. ед. ч. именъ мужеск. и средн. рода на ѣмь—ѣмь мы говорили выше въ отдѣлѣ о гласныхъ. (См. I, 3).

³⁷⁾ Ibid. стр. 136.

³⁸⁾ Колосовъ, *ibid.* стр. 18, 110.

2 — *Прилагательныя*: Именительный падежъ ед. числа иногда встрѣчается на **ѣ** — **ѡ**. **ѡ**: великѣ 054, славны 050, истинны 047.

Вообще въ склоненіи прономинальныхъ прилагательныхъ окончанія являются *господствующими*; приведемъ нѣскольکو примѣровъ:

видимаго 0233. лютаго 0230, вышняго 0176 (bis) дивнагоу 0177. любимагоу 0176.

3 — *Причастія*. И въ г — **ѣ** склоненіи господствуютъ формы окончаній: держащаго 0152. съвършеннаго 0156. избъравшагоу 0205, соущагоу 0212.

В. *Спряженія*.

Формы спряженія выдерживаются правильно. Имѣемъ 74 случая преходящаго времени, въ которыхъ **аахъ** и **ѡахъ** стянуты въ **ахъ** и **ѡхъ**: поахоу 0124, питае 0152, носаше 0135, вопиаше 0197.

3 л. ед. и мн. ч. наст. вр. въ большей части случаевъ оканчивается на **ѣ**; объ этомъ см. выше въ отдѣлѣ о гласныхъ (I, 4).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Предлагаемый разборъ правописанія Миней 1005 года позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующіе выводы относительно русск. языка XI в., т. е. діалектическаго элемента въ данномъ церковно-славянскомъ памятникѣ:

1) Систематически выдержанное употребленіе **ѣ** и **ѡ**, при абсолютной мѣстами замѣнѣ ихъ знаками **о** и **е**, свидѣтельствуетъ, что **ѣ** буквы были эквивалентами **о** и **е**.

2) Современная вокализанія плавныхъ сочетаній и явленіе полногласія могутъ вести свою документальную исторію и съ XI в.

3) Носовые отсутствуютъ, какъ отсутствуютъ и въ Остр. Ев.

4) Современныя формы представленія сочетаній *tj*, *dj* существовали и XI в.

5) Выдающіяся черты новгородскаго нарѣчія: *k=и* и взаимная мѣна свистящаго *ц* и шипящаго *ч*, отличали это нарѣчіе и въ первое столѣтіе нашей письменности.

6) Мѣстнымъ языкомъ еще вполне сознавалась мягкость шипящихъ согласныхъ и отчасти свистящихъ.

7) Съ XI столѣтія документально можно вести начало сохраненія гортанныхъ передъ мягкими (*е*, *k*) и опущеніе зубныхъ передъ небными.

8) Въ области формъ можно отмѣтить дѣйствіе аналогіи въ именномъ склоненіи и стяженіе во флексіяхъ именъ прилагательныхъ (причастій) и въ переходящемъ времени.

Одесса.
11 января
1889 г.

М. Попруженко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ «поученій Серапіона Владимирскаго» по древнѣйшимъ спискамъ. Евгенія Пѣтухова. Спб. 1888 г.

Изслѣдованіе состоитъ изъ X-ти главъ, 3-хъ приложений и прибавленій. Во вступительныхъ замѣчаніяхъ объясняется точка зрѣнія, отъ которой исходилъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи. Изъ двухъ задачъ, которыя историкъ литературы можетъ имѣть въ виду по отношенію къ предмету своего изслѣдованія,—литературной по преимуществу и литературнокультурной, г. Пѣтуховъ избираетъ, главнымъ образомъ, вторую. Литературная дѣятельность Серапіона, еп. Владимирскаго, съ этой точки зрѣнія имѣетъ существенный интересъ, потому что въ своихъ проповѣдяхъ онъ затронулъ одинъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ вопросовъ—вопросъ о колдовствѣ и суевѣріяхъ. Въ заключеніе авторъ указываетъ весьма скудную литературу предмета (замѣтки о Серапіонѣ арх. Филарета, г.г. Аристова и Буслаева *).

Въ I-й гл. сообщаются біографическія свѣдѣнія о Серапіонѣ. Свѣдѣнія эти очень скудны. Извѣстно толь-

*) Въ дополненіе приведемъ слѣд. замѣтку о Серапіонѣ О. Огоновскаго (Исторія литературы рускои. Часть I. Львовъ, 1887 года стр. 88): «Серапіонъ, архимандритъ Лавры петерской, ополсяжъ (1274 р.) епископъ Володимирскій, писавъ слова (поученія для народу), въ которыхъ живыми барвами малое сумный образъ неволѣ татарскои. Хоча же Серапіонъ звався свѣточемъ свого часу, то однако не бувъ онъ вольный одъ забобоновъ. Вычисляючи бо ти бѣды, яки зъ лихолѣтемъ татарскимъ повалились на Русь, згадуе онъ про трясене землѣ и заявляє, що земля тресе-

ко, что въ 1274 г. онъ вступилъ на епископскую кафедру во Владимирѣ, а въ слѣдующемъ умеръ и погребенъ во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ (1—7 стр.) Въ гл. II-й разбирается вопросъ о подлинности приписываемыхъ Серапіону поученій. До сихъ поръ приписывалось ему 7 поученій. Изъ нихъ 5 (4 нап. въ 1843 году въ прибавл. къ Твор. Св. От., а одно въ кн. Шевырева «Поѣздка въ Кир.-Вѣлозер. монастырь» 1850 г.) несомѣнно принадлежатъ Серапіону, такъ какъ надписаны его именемъ. Что же касается двухъ остальныхъ поученій (напеч. въ Правосл. Собесѣд. 1858 г.) «О кончинѣ міра» и «О мятежи житія сего», то они приписываются Серапіону, по мнѣнію автора, безъ достаточныхъ основаній. Кромѣ того, мимоходомъ упоминается совершенно бездоказательная попытка (Правосл. Соб. 1861 г. I) приписать Серапіону еще одно поученіе—«Слово Іоанна Златоуста о казняхъ божіихъ на ны (7—16 стр.).—Въ началѣ III-й гл. опредѣляется время составленія и произнесенія поученій Серапіона. На основаніи сравненія нѣкоторыхъ выраженій изъ словъ Серапіона, могущихъ, по мнѣнію г. Пѣтухова, служить основаніемъ для приуроченія поученій къ опредѣленному времени, съ указаніями лѣтописными, онъ приходитъ къ слѣд. заключенію: 1-е слово сказано было около 1230 г., когда Серапіонъ былъ, вѣроятно, Киевопечерскимъ архимандритомъ, хотя утвержденіе это имѣетъ, по признанію самого автора, препятствія. 2-е Слово говорено въ послѣдніе годы жизни проповѣдника, около 1275 г., въ то же время, вѣроятно, было произнесено и 3-е слово. О времени произнесенія 4-го слова даже предположительно нельзя ничего сказать, хотя авторъ склоненъ думать, что и оно должно быть отнесено къ концу жизни проповѣд-

ся по причинѣ нашихъ грѣховъ. Въ одномъ словѣ згадуе про обычай одкуповати зъ гробовъ тыхъ, що втопились або повѣсились. Народъ не позволявъ ихъ погребати, приписуючи имъ пошестъ, пожары ти инни нещастя. До насъ дійшло пять словъ Серапіона. Онъ умеръ 1275 р.»

ника. Пятое слово не могло быть написано раньше 1273 года, потому что въ немъ упоминается о гибели Драчь-города, что было въ 1273 г. Тутъ много гадательнаго, какъ видитъ читатель. Далѣе указывается сходство изображенія татарскаго нашествія у Серапіона съ изображеніями русскихъ лѣтописей, армянскихъ и другихъ нѣкоторыхъ памятниковъ поучительной русской литературы (16—38 стр.). Слѣдующая глава составляетъ продолженіе предъидущей, такъ какъ въ ней разсматривается отношеніе Серапіона къ татарскому нашествію со стороны чувствъ. Онъ видитъ въ татарскомъ нашествіи наказаніе за грѣхи русскихъ людей и призываетъ къ покаянію. Такая точка зрѣнія не была новостью: въ русской литературѣ до татарскаго нашествія всѣ общественныя бѣдствія объяснялись гнѣвомъ Божиимъ за грѣхи. Въ эпоху монгольскаго нашествія этотъ взглядъ сталъ преобладающимъ, и Серапіонъ является только яркимъ выразителемъ общественнаго настроенія. Перечисливъ пороки, за которые, по мнѣнію Серапіона, Богъ наказалъ русскую землю, г. Пѣтуховъ замѣчаетъ, что ошибочно было бы считать это перечисленіе результатомъ личной наблюдательности проповѣдника. Чтобъ обосновать свою мысль, онъ указываетъ цѣлую схему пороковъ, которые обыкновенно изобличались съ церковной кафедры. Схема эта, предполагаетъ авторъ, заимствована изъ Византіи. Впрочемъ, Серапіонъ не вполне подчинился схемѣ, и у него встрѣчаются интересныя бытовые черты (38—55 стр.).—Съ гл. V-й начинается разсмотрѣніе главнаго историко-культурнаго вопроса, поставленнаго г. Пѣтуховымъ въ своемъ изслѣдованіи. Серапіонъ возсталъ противъ двухъ фактовъ изъ народной жизни своего времени: 1) испытанія вѣдьмъ посредствомъ холодной воды и истребленія ихъ огнемъ и 2) выгребанія изъ земли похороненныхъ утопленниковъ, которые, по народному повѣрью, могли вредить урожаю и благопріятной погодѣ. Въ упомянутой главѣ подробно разсматривается первый фактъ. Прослѣдивъ по лѣтописямъ даннымъ отношеніе русскаго общества къ

волхвамъ и чародѣямъ до Серапіона, авторъ указываетъ что послѣдній въ 4-мъ словѣ возсталъ противъ способа испытанія вѣдѣмъ водою: подозрѣваемыхъ бросали въ воду; которая тонула, та признавалась невинной, а которая оставалась на поверхности воды, та была виновата и достойна наказанія. Серапіонъ возстаетъ противъ этого. Онъ допускаетъ, что волхвы могутъ вредить человѣку по попущенію Божію, и что ихъ можно подвергать наказанію; но онъ требуетъ для этого справедливаго и осмотрительнаго суда надъ ними. Народъ же ставитъ судьей воду, «бездушное естество». Затѣмъ авторъ обращается къ западу и слѣдитъ исторію вѣдовскихъ процессовъ. Онъ подробно говоритъ о протестахъ западнаго духовенства противъ преслѣдованія вѣдѣмъ и колдуновъ, разсматриваетъ протесты—Адама Таннера, Фридриха Спее, Николая Малебранша и Балтазара Беккера (56—142).—Упомянувъ, что на западѣ понятіе чародѣйства часто связывалось съ понятіемъ ереси, авторъ въ VI-й гл. указываетъ, что такая же связь между этими двумя понятіями существовала и въ древней Руси, и слѣдитъ отношеніе послѣдней къ еретикамъ. Онъ указываетъ двѣ партіи, образовавшіяся въ древней Руси по вопросу о еретикахъ,—партію Іосифа Волоколамскаго и партію Нила Сорскаго, или Заволжскую. (143—167).—Вопросу объ обычаѣ выгребать утопленниковъ и удавленниковъ для избѣжанія несчастій посвящена VII глава. Серапіонъ вооружается и противъ этого суевѣрнаго обычая. Въ народѣ съ давнихъ поръ жила мысль, что погибающіе внезапною смертію—нечестивы и потому недостойны погребенія; но учителя церкви (Аѳанасій Александрійскій, Анастасій Синаитъ и др.) старались разсѣивать это ложное убѣжденіе. Впрочемъ, въ церковной практикѣ издавна утвердился обычай не погребать самоубійцъ и умирающихъ отъ несчастныхъ случаевъ (167—178).

Въ гл. VIII-й указываются источники передаваемыхъ Серапіономъ фактовъ (разказы и живые слухи, Св. писаніе, греч. хроники), подводится въ одиннадцати

пунктахъ итогъ характеристики Серапіона, какъ писателя, на основаніи изученныхъ 5 словъ его; а въ заключеніи главы говорится о слогѣ Серапіона (178—188). — Въ IX-й гл. разсматриваются два сборника—Златая цѣпь и Паисіевскій сборникъ,—гдѣ имѣются древнѣйшіе списки поученій Серапіона. Здѣсь авторъ касается вообще вопроса о сборникахъ, вопроса интереснаго и почти не разработаннаго въ исторіи древней литературы. По мнѣнію г. Пѣтухова, всѣ древне-русскіе сборники можно раздѣлить на два главныхъ разряда: одни, нося особое заглавіе, имѣли и болѣе или менѣе опредѣленный составъ (Златоструй, Златоустъ, Измарагдъ и др.); другіе представляли случайную смѣсь въ отрывкахъ всякаго рода произведеній; они не имѣли особаго заглавія. Между этими двумя родами сборниковъ есть множество переходныхъ ступеней, изъ которыхъ одну представляетъ Златая цѣпь, ея исторія и излагается дальше. Меньше говорится о Паисіевомъ сборникѣ (189—205). — Въ заключительной (X-й) главѣ своего труда г. Пѣтуховъ рѣшаетъ вопросъ объ историческомъ значеніи Серапіона, какъ писателя—проповѣдника. Указавъ на недостатокъ жизненныхъ чертъ въ проповѣди до Серапіона, авторъ замѣчаетъ, что послѣдній въ этомъ отношеніи выгодно выдѣляется: онъ увеличиваетъ сумму народно-бытовыхъ чертъ, является изобразителемъ и выразителемъ эпохи татарскаго владычества, не «обыченъ» по оригинальности и силѣ склада поученій.

Въ приложеніяхъ напечатаны: 1) «Поченіе І. Златоуста о казняхъ Божіихъ на ны» изъ сборника XV в. Импер. публ. библ. F. I № 209, при чемъ по лѣвую сторону текста приводятся мѣста изъ сходнаго съ нимъ «Слова о ведрѣ и казняхъ Божіихъ», находящагося въ Златоструѣ, а по правую—мѣста трехъ словъ Серапіона, сходныхъ съ нѣкоторыми частями Измарагдавскаго поученія; 2) «Мысли одного извѣстнаго богослова на вопросъ: какъ долженъ относиться проповѣдникъ къ тѣмъ лицамъ, которыя обвиняются въ колдовствѣ и за то осуждаются на смерть?—сообщенныя Hauber'омъ въ его

Bibliotheca magica II, 357—368 р.; наконецъ 3) Перечень статей, входящихъ въ составъ Златой цѣпи (по сбор. Погодина № 1025, XVI в.).—Въ прибавленіяхъ напечатаны 5 поученій Серапіона съ соблюденіемъ тѣхъ требованій, какія предъявляются къ изданіямъ древнихъ памятниковъ современной филологической наукой, причемъ указаны для каждаго поученія рукописи, которыми пользовался авторъ при изданіи.

Безъ сомнѣнія, изслѣдованіе г. Пѣтухова, представляетъ нѣкоторый вкладъ въ нашу древнюю литературу; особенно цѣннымъ является изданіе поученій Серапіона. Но какъ видно изъ представленнаго выше содержанія изслѣдованія, его трудъ имѣетъ крупныя недостатки. Самый главный изъ нихъ, рѣзко бросающійся въ глаза, заключается въ совершенномъ излишествѣ нѣкоторыхъ главъ. Такими мы считаемъ большую половину 5-й, 6 и 9-ю. Большая половина 5-й гл. занята изслѣдованіемъ колдовства на Западѣ. Изслѣдованіе сдѣлано тщательно, но для чего? Что общаго между воззрѣніями, раздѣленными промежуткомъ нѣсколькихъ столѣтій? Уже одно то, что г. Пѣтуховъ и во вступительныхъ замѣчаніяхъ и въ 5-й главѣ многословно объясняетъ причину своей экскурсіи въ область западной литературы, свидѣтельствуетъ, что онъ самъ чувствовалъ излишество ея. Онъ оговаривается, что разсматриваетъ фактъ расправы русскаго народа съ вѣдьмами въ связи съ соотвѣтствующими явленіями западными для уясненія собственнаго. Но что же онъ уясняетъ сравненіемъ разнородныхъ величинъ, не подлежащихъ никакому сравненію? Гораздо плодотворнѣе и существеннѣе было бы произвести сравненіе своего не съ западнымъ, а съ византійскимъ, что напрасно авторъ оставилъ въ сторонѣ (стр. IX). Онъ убоился пуститься въ «безбрежное море» неразработанной византійской исторіи литературы и культуры; но никто и не требовалъ отъ него такого подвига. По нашему, гораздо плодотворнѣе было бы побродить хоть по берегу этого безбрежнаго моря, потому что тогда мы узнали

бы, какія мысли у Серапіона оригинальны и какія взяты изъ византійской литературы. Во всякомъ случаѣ параллели г. Пѣтухова тогда были бы болѣе плодотворными и не казались бы излишней вставкой. Напрасно авторъ связалъ Серапіона и съ Заволжскими старцами, потому что проповѣдникъ ничего не говоритъ прямо о еретикахъ *). Наконецъ, разъ г. Пѣтуховъ въ VII гл. коснулся воззрѣній народа на смерть отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ, то ему не лишнимъ было бы сослаться на прекрасный сборникъ «Причитаній сѣвернаго края» (I ч.) г. Барсова.

А. Н. Пыпина: «Для любителей книжной старины». Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка. Москва. 1888 г.

Въ «Предисловіи» А. Н. Пыпинъ называетъ свой трудъ опытомъ библіографическаго разысканія въ той области нашей литературы, которая до сихъ поръ мало обращала на себя вниманія,—въ области русской повѣсти первой половины прошлаго вѣка. Между тѣмъ повѣсть эта представляетъ большой интересъ по своему переходному характеру: она съ одной стороны примыкаетъ къ рукописному XVII вѣку, съ другой—къ печатной литературѣ второй половины прошлаго столѣтія и къ литературѣ народной книги.

Настоящій трудъ имѣетъ связь съ прежде написанной книгой того же автора «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ».

На рукописи прошлаго столѣтія, гдѣ, главнымъ образомъ, сохранялись произведенія повѣствовательной

*) Намъ пріятно было встрѣтить сходное мнѣніе о книгѣ г. Пѣтухова въ Кіевской Старинѣ (1888 г., XI кн. ст. П. Голубовскаго), гдѣ указаны и другіе недостатки изслѣдованія.

литературы первой половины XVIII в., до недавняго времени мало обращали вниманія собиратели рукописей. Однако, если соединить тотъ матеріалъ, который представляетъ новыя коллекціи Публич. библиотекъ, Общества любителей древ. писъм. въ Петербургѣ и др., то получается довольно разнообразная масса переводнаго романа, повѣсти и т. п.

Историческій интересъ этихъ произведеній заключается въ томъ, что они еще разъ убѣждаютъ въ справедливости мнѣнія, что Петровская реформа не была перерывомъ. Литература, вызванная Петромъ, складывалась медленно. Къ старому (до-петровскому) роману присоединялись новыя повѣсти, но онѣ были написаны въ томъ же вкусѣ и тѣмъ же языкомъ, и только постепенно къ старинѣ примыкають новыя произведенія съ новыми рыцарями и кавалерами, съ новымъ языкомъ.

Такимъ образомъ, эта литература даетъ произведенія разнаго рода. Прежде всего продолжается старинный рыцарскій романъ въ духѣ Бовы Королевича, (Королевичъ Брунцвикъ, Евдонъ и Бероа, Францель Венціанъ и мн. др.). Затѣмъ идетъ рядъ переводныхъ романовъ съ чудесными и романтическими приключеніями, новѣйшаго, не народнаго происхожденія (Азіатская Баниза, Алкеменесъ, Аріана и др.). Далѣе слѣдуютъ романы сентиментально-нравоучительные. (Добродѣтельная Сициліанка, Карлъ Орлеанскій, Гисторія Жанетты и т. п.) Наконецъ, встрѣчаемся и съ серьезными литературными вкусами: переводятся Телемакъ Фенелопа, Погубленный рай Мильтона, Похвала глупости Эразма Роттердамскаго и др. Переводчики этихъ произведеній въ большинствѣ случаевъ неизвѣстны. Трудно указать и кругъ читателей этой рукописной литературы. Судя по записямъ о принадлежности рукописей, онъ былъ очень разнообразенъ.

По составу эта рукописная литература тѣсно связана съ слѣдовавшей за нею печатной. Она любопытна, кромѣ того, для исторіи нравовъ и образованія; ею чи-

тающая публика готовилась къ болѣе серьезной литературѣ, которая возникла съ распространеніемъ правильной школы и образованія. Любопытна она и въ отношеніи къ исторіи языка: тутъ мы видимъ много иностранныхъ словъ въ первоначальной грубой формѣ.— Источники переводной литературы были весьма разнообразны, хотя въ рукописяхъ на подлинникъ рѣдко указывается.

Наконецъ, переводная литература вызвала и русскія подражанія. Правда, такихъ попытокъ извѣстно немного: Савва Грудцынъ, Фролъ Скобѣевъ, Исторія о російскомъ дворянинѣ Александрѣ, Исторія о російскомъ матросѣ Василии). Авторъ признается, что составленный имъ списокъ произведеній не полонъ; быть можетъ, найдется не мало новыхъ. Всѣ перечисляемые произведенія расположены въ алфавитномъ порядкѣ по именамъ героевъ исторій—такой порядокъ А. Н. Пыпинъ считаетъ наиболѣе удобнымъ для справокъ.

Весь трудъ состоитъ изъ 2-хъ частей: въ первой перечислены «произведенія переводныя», во второй—русскіе опыты и подражанія. Въ послѣдней особенно любопытны отрывки изъ романа въ стихахъ по рукописи г. Тихонравова. Тема романа: отецъ разлучаетъ дочь съ любезнымъ и выдаетъ замужъ за немилаго.

Для любителей книжной старины трудъ А. Н. Пыпина, безъ сомнѣнія, будетъ неожиданной и пріятной новинкой *).

*) Желательно, чтобы трудъ г. Пыпина вызвалъ лишь имѣющихъ у себя сборникъ съ повѣстями, представляющими русскія подражанія переводнымъ, обнародовать еще неизвѣстныя повѣсти и увеличить, такимъ образомъ, число извѣстныхъ русскихъ оригинальныхъ повѣстей. Что такихъ повѣстей было много и онѣ заключаются въ разныхъ сборникахъ, это мы знаемъ навѣрное. Можемъ указать, напр., на читанную нами повѣсть въ сборникѣ, хранящемся у одного изъ профессоровъ Иѣжинскаго Историко-Филологическаго Института. Надѣмся, что многоуважаемый профессоръ не лишитъ удовольствія ученый міръ познакомиться съ его приобрѣтеніемъ.

Е. Шмурло: Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Спб. 1888 г.

Предметъ названнаго сочиненія, какъ авторъ заявляетъ во введеніи, — обзоръ молодыхъ годовъ жизни митрополита Евгенія до назначенія его на Новгородскую кафедру. Этотъ періодъ представляетъ нѣчто законченное и цѣльное; въ этотъ періодъ слагался образъ того Евгенія, какимъ знаетъ его исторія. Далѣе предлагается обзоръ литературы о Евгеніи. Литература объ ученомъ іерархѣ количественно не бѣдна, но качественно не удовлетворительна. Подробное разсмотрѣніе печатной литературы о Евгеніи на протяженіи почти 50-ти лѣтъ (1837—1887) приводитъ автора къ мысли о случайномъ накопленіи и неполнотѣ ея; поэтому для изученія научной дѣятельности іерарха главнымъ матеріаломъ остаются рукописные документы, разбросанные чуть не по всѣмъ концамъ Россіи. Авторъ пользовался, главнымъ образомъ, бумагами митрополита, хранящимися въ Киево-Соборной соборной библіотекѣ, и письмами его.

Первая глава — «Дѣтскіе годы» (1767—1785) — сообщаетъ, что родился Евгеній (свѣтское имя Евѣимій) въ 1767 г. въ Воронежѣ отъ священника Владиміро-Іерусалимской церкви. Въ 1777 г. онъ изъ хора архіерейскихъ пѣвчихъ, куда его 10-ти лѣтъ записала послѣ смерти отца мать, поступилъ въ Воронежскую семинарію. Въ послѣдней, хотя она и подвергалась тѣмъ реформамъ, которыя ввела Екатерина II инструкціей 1762 г., дѣло преподаванія не было вполнѣ удовлетворительно. Особенно вредила дѣлу преподаванія частая смѣна учителей. Въ семинаріи Евгеній пробылъ до 1785 г., когда онъ уѣхалъ въ Москву, для поступленія въ славяно-греко-латинскую Академію.

Во 2-й гл. — «Годы серьезнаго ученія» (1785—1788) — разсматривается жизнь Евгенія въ Москвѣ до возвращенія въ Воронежъ. Поступленіе іерарха въ Московскую Академію совпало съ порой, когда въ русскомъ обществѣ кипѣла не только литературная, но и

умственная работа. То были годы «учрежденія комиссиі народных училищъ, вызова Янковича-ди-Миріево, выработки нормальнаго устава народныхъ училищъ, годы заведенія вольныхъ типографій, учрежденія Россійской Академіи и т. д.» Евгеній проходилъ не только курсъ Академіи, но и нѣкоторые курсы университета (курсъ всеобщій нравственной философіи и политики у Шадена, опытной физики у Роста, французскаго краснорѣчія у Бодуэна и нѣмецкаго яз. у Гейма). Благодаря лекціямъ этихъ профессоровъ, влиянію господствовавшаго тогда литературнаго движенія, дѣятельности Новиковскаго кружка, товарищескому кружку, члены котораго интересовались вопросами литературными, молодой Болховитиновъ началъ еще на школьной скамьѣ заниматься литературой. Началъ онъ переводами. Имъ были переведены: 1) Краткое описаніе жизней древнихъ философовъ, сочиненіе Фенелона (оригиналомъ служило сочин.: «*Abrégé de la vie des plus illustres philosophes de l'antiquité, avec leurs dogmes, leurs systèmes, leur morale et un recueil de leurs plus belles maximes...*»); 2) Похвальное слово чему-нибудь (оригин. соч. Кокелэ: *L'éloge de quelque chose, dédié à quelqu'un avec une preface chantante*); 3) Прекрасная Полонянка (оригиналъ сомнительно указываетъ въ *Histoire des états barbaresques, qui exercent la piraterie, contiennent l'origine, les revolutions, et l'état présent de royaumes d'Alger, de Tunis, de Tripoli et de Moroc, avec leurs forces, leurs revenus, leur politique et leur commerce*); 4) Парнасская исторія (оригин. авторит. не удалось опредѣлить); 5) Удовольствія отъ способности воображенія (оригин.: «*Les plaisirs de l'imagination poëme en III chants...*») и др. Авторъ подробно разбираетъ эти переводы Евгенія: передаетъ содержаніе ихъ, сравниваетъ съ подлинниками и т. п. Выводы, къ которымъ приходитъ онъ, таковы: «На Евѳиміи Болховитиновѣ очень сильно отразилось влияніе того поступательнаго движенія, которое такъ ярко сказывается въ духовной культурѣ Екатерининскаго времени. Уваженіе къ чело-

вѣку, просторъ для чувства и интересъ къ званію были несомнѣнными пріобрѣтеніями молодого человѣка въ этотъ періодъ. Въ студенческіе годы Евгений занимался еще писаньемъ стиховъ, въ которыхъ находили выраженіе неясныя порывы и чувствительное настроеніе молодыхъ лѣтъ. Заканчивается вторая глава указаніемъ вліянія, какое имѣлъ Бятышъ-Каменскій на Евгенія, въ смыслѣ закрѣпленія въ послѣднемъ интереса къ серьезной научной работѣ.

Гл. 3-я — «Служба въ Воронежской семинаріи» (1789—1800) — знакомитъ насъ съ служебной дѣятельностью Евгенія въ качествѣ преподавателя реторики, греческихъ древностей, философіи, богословія, церковной исторіи, герменевтики и греч. и франц. языковъ. Кромѣ того, Евгенийъ въ это время является предъ нами и какъ администраторъ въ качествѣ префекта семинаріи. Указавъ на заботы его по приведенію въ порядокъ и обогащенію семинарской бібліотеки, авторъ останавливается подробно на характеристикѣ его, какъ преподавателя. Для этого подробно разсматриваетъ его лекціи по всеобщей церковной исторіи, священной герменевтикѣ, догматическому богословію и греческой грамматикѣ. Параллельно съ служебной дѣятельностью въ Воронежѣ шла и литературная, разсмотрѣнію которой за тотъ же періодъ времени посвящена слѣдующая IV гл. подъ заглавіемъ: «Евгеній—переводчикъ и проповѣдникъ». Разъ выступивъ въ Москвѣ на литературное поприще въ качествѣ переводчика, Евгенийъ и въ Воронежѣ не оставилъ переводовъ. Большая часть его воронежскихъ переводовъ обнаруживаетъ въ немъ отзывчивость къ вопросамъ дня и предметамъ, интересовавшимъ общество. Такъ онъ перевелъ съ франц. языка брошюру доктора Вихельгаузена о болѣзни князя Гагарина (op. Sur la maladie de feu le prince Paul de Gagarin... par E. Vichelhausen, docteur en medicine...); брошюру Мирабо о Калиостро и Лафатерѣ (op. Lettre du comte de Mirabeau à... sur M. M. de Cagliostro et Lavater). Въ промежутокъ между этими переводами онъ со сту-

дентами семинарії приготував перекладъ соч. Мопертюи «Філософіческія размышленія о происхожденіи языковъ и знаменіи словъ» (ор. *Réflexions philosophiques sur l'origine des langues et la signification des mots*). Удовлетворяя наступившей противъ моднаго вольтерьянства реакціи, Евгеній перевелъ кн. Новинота «*Les Erreurs de Voltaire*». Къ переводу приложена біографія Вольтера и отзывы о немъ современниковъ. Наконецъ, онъ перевелъ еще трактатъ аббата Трюблэ о краснорѣчій. Въ своихъ проповѣдяхъ Евгеній однако не слѣдовалъ указаніямъ Трюблэ: онъ не могъ тронуть слушателей, потому что является въ своихъ проповѣдяхъ холоднымъ ораторомъ, разсудочнымъ мыслителемъ. Перечень воронежскихъ переводовъ Евгенія заканчивается указаніемъ на доселѣ неизвѣстный: «Всеобщая хронологія знаменитыхъ мужей, прославившихся искусствами, науками, изобрѣтеніями и сочиненіями во всемъ свѣтѣ отъ начала міра до нашихъ временъ. Съ показаніемъ: 1) Времени основанія и заведенія всѣхъ академій, университетовъ и знатнѣйшихъ коллегій. 2) Книгъ, коими наипаче прославились въ ученomъ свѣтѣ сочинители оныхъ и какія самыя лучшія были изданія сихъ книгъ. 3) Какія изъ сихъ книгъ переведены на російскій языкъ и когда напечатаны». Длинное заглавіе лучше всего говоритъ о содержаніи сочиненія.

Въ слѣд. гл. (V)—«Диссертация. Исторія епархіальная»—говорится о первыхъ опытахъ Евгенія въ области чисто научной. Авторъ въ хронологическомъ порядкѣ разсматриваетъ тѣ небольшія по объему сочиненія іерарха, которыя были писаны имъ для чтенія на торжественныхъ актахъ въ семинарії. Сочиненія эти: 1) О свойствахъ и дѣйствіи воздуха; 2) О трудности естественнаго богопознанія; 3) Разсужденіе о причинахъ несогласія въ христіанской вѣрѣ; 4) Разсужденіе о необходимости греч. языка для богословія и объ особенной пользѣ его для російскаго языка и мн. др. Въ этихъ работахъ уже ясно обозначаются характеръ и направленіе трудовъ будущаго ученаго. «Недостатокъ

критики, добросовѣстный, хотя подѣ часѣ и мелочной, подборѣ фактовѣ, сводѣ данныхѣ, систематизація ихѣ по виѣшнимѣ признакамѣ—навсегда останутся существенными чертами Евгенія, какѣ писателя»—говоритѣ г. Шмурло. Помимо сочиненій для актовѣ Евгеній писалѣ и другія. Такѣ, вѣроятно, по порученію епархіального начальства онѣ написалѣ «Полное описаніе жизни преосвящ. Тихона», вѣ которомѣ удачно начерталѣ образѣ пастыря, полный благодати, смиренія и любви. Кромѣ того, по мнѣнію автора, онѣ принималѣ участіе и вѣ составленіи «Исторіи Воронеж. семинаріи».

Какѣ ни ревностно Евгеній исполнялѣ свои обязанности по семинаріи, все же послѣднія не поглощали всего его времени. Онѣ проявлялѣ свою дѣятельность и за порогомѣ Семинаріи. Разсмотрѣнію этого рода дѣятельности посвящена гл. VI-я «Литературный кружокѣ».

Поддерживая связи съ Московскими знакомыми (Бантышемѣ - Каменскимѣ, Розановымѣ и Селивановскимѣ), Евгеній вѣ Воронежѣ завязалѣ много новыхѣ знакомствѣ (Македонецѣ и др.). Нѣтъ указаній только на сближеніе его съ семинарскимѣ міромѣ. Скоро Болховитиновѣ сталѣ во главѣ литературнаго кружка, вѣ которомѣ окончательно окрѣпѣ и сформировался умѣ его. Далѣе авторѣ подробно останавливается на одномѣ литературномѣ трудѣ Болховитинова—переводѣ «Опыта о человекѣ» англійскаго писателя Попа; говоритѣ о составленіи «Россійской исторіи» и «Описанія Воронежской губерніи». Разсмотрѣнію послѣдняго труда Евгенія авторѣ удѣлили особую (VII) главу.

Передавъ содержаніе «Описанія», онѣ указываетѣ источники, которыми пользовался Евгеній, приемы вѣ пользованіи источниками; говоритѣ обѣ отсутствіи критики, ошибкахѣ, устарѣлыхѣ фактахѣ, о неизвѣстности для автора сочиненій иностранцевѣ, у которыхѣ есть свѣдѣнія о Воронежѣ. Сравнивѣ затѣмѣ трудѣ Евгенія съ трудами, бывшими до него, и съ трудами нашего вѣка, авторѣ приходитѣ къ тому заключенію, что «Описание», уступая во многомѣ сочиненіямѣ о Воронежѣ на-

шего вѣка, въ значительной степени удовлетворяло требованіямъ своего времени. Оно давало обильный матеріаль, заимствованный изъ первыхъ рукъ, добросовѣстную его разсортировку, отчетливую хронологическую преемственность событій и т. п. Неудивительно, что по выходѣ въ свѣтъ книга обратила на себя вниманіе и служила источникомъ для позднѣйшихъ трудовъ.

Съ 1800 по 1804 г. жизнь Евгенія прошла въ Воронежѣ. Гл. VIII—«Служба и литературная дѣятельность» изображаетъ этотъ періодъ. Послѣ потери дѣтей и жены Евгеній рѣшился постричься въ монахи. Въ этомъ рѣшеніи поддерживали его П. И. Литке и Д. И. Бутурлинъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ префектомъ и преподавателемъ философіи и высшаго краснорѣчія въ духовной Академіи. Въ то же время онъ былъ возведенъ и въ званіе архимандрита Зеленецкаго монастыря. Воспользовавшись своимъ положеніемъ, Евгеній собралъ матеріаль и составилъ «Историческое извѣстіе о Троицкомъ Зеленецкомъ монастырѣ». Слѣдующею служебной ступенію было назначеніе его архимандритомъ второклассной Сергіевой пустыни. Въ званіи префекта Евгенію приходилось исполнять и др. возлагаемыя на него порученія.

Такъ онъ, по порученію митр. Амвросія, составилъ «Каноническое изслѣдованіе о папской власти»; примѣчанія на кн. Рихтера «Учебная книга въ формѣ катихизиса о главнѣйшихъ должностяхъ общественной жизни, собранная для низшихъ гражданскихъ и народныхъ школъ и др. сочиненія. Кромѣ того, какъ преподаватель, онъ долженъ былъ составлять рѣчи для торжественныхъ актовъ. Помимо лекцій отъ этого времени отъ него осталось нѣсколько диссертаций, напр.: «О предразсудкахъ, de ideis innatis, о совершенствѣ и добротѣ міра, de existentia spirituum и др. Кромѣ рѣчей для актовъ онъ редактировалъ сочиненія студентовъ, которыя считались кандидатами богословія при окончаніи ими учебнаго курса (изъ такихъ соч. особенно интересно разсужденіе о кн. П. Могилы «Православное испо-

вѣданіе вѣры». Въ часы досуга написано имъ «Историческое изображеніе Грузіи», которою сильно интересовались тогда, какъ новопріобрѣтенной страной. Подробнымъ разсмотрѣніемъ участія Евгенія въ Словарь Щекатова и указаніемъ, что мысль о «Словарѣ русскихъ писателей» окончательно сложилась въ Петербургѣ, оканчивается сочиненіе г. Шмурло. 1-го января 1804 года неожиданно для Евгенія былъ подписанъ указъ о назначеніи его на епископскую Новгород. кафедру. Съ этого времени начинается позднѣйшій періодъ жизни Евгенія, который авторъ не включилъ въ свое изслѣдованіе.

II. Послѣдняя глава (IX) «Личность Евгенія» — есть какъ бы резюме тѣхъ индивидуальных чертъ, которыя разбросаны въ перепискѣ и сочиненіяхъ Евгенія за изучаемый авторомъ періодъ. Черезъ всю жизнь Евгенія проходитъ, по мнѣнію г. Шмурло, не прикрытое ложью отношеніе къ окружающимъ явленіямъ. Рано познакомившись съ оборотной стороной жизни, онъ рано научился понимать людскія отношенія. Его нравственные воззрѣнія заключались въ слѣд.: правда, честь и доброта составляютъ достоинство и долгъ порядочнаго чловека, а ложь, низость и сухой эгоизмъ — безнравственность и позоръ. Сообразно съ этими воззрѣніями онъ и поступалъ въ своей жизни. Трудъ онъ считалъ для себя и отдыхомъ, и успокоеніемъ, и счастьемъ. При своей скромности онъ глубоко понималъ и цѣнилъ себя. «Вообще былъ онъ — говоритъ г. Шмурло, характера веселаго и насмѣшливаго, съ ниспѣшной и отрывистой рѣчью; нрава горячаго, мало выдержаннаго, увлекающагося, такъ что первая серьезная неудача его останавливала, и вмѣстѣ съ тѣмъ открытаго и широкаго, нетерпящаго стѣсненій ума, всѣмъ интересующагося, въ высшей степени наблюдательнаго, яснаго и трезваго, солиднаго, живого и блестящаго — такимъ представляется намъ Евгений Болховитиновъ въ цвѣтущую пору развитія своихъ духовныхъ силъ».

По литературнымъ вкусамъ онъ принадлежалъ всецѣло XVIII вѣку, но вообще относился строго къ раз-

бираемымъ литературнымъ явленіямъ и былъ очень остороженъ въ выраженіи своихъ взглядовъ. Онъ сѣтовалъ, что мы пренебрегаемъ заслугами современниковъ, указывалъ на заслуги Тредьяковскаго и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ставилъ его выше Кантемира. Въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ изъ западныхъ писателей онъ опирается на Горация и Боало. Къ современной литературѣ онъ относился отрицательно, не будучи въ состояніи понять ее; но и онъ отъ литературы требовалъ идей и считалъ нужнымъ оцѣнивать всякое произведеніе со стороны его содержанія.

Указавъ затѣмъ три послѣдовательныя ступени въ развитіи нашей исторіографіи—наивное бытописаніе, ненасытную погоню за фактами и работу синтетическую на почвѣ пріобрѣтенныхъ теорій и сложившихся взглядовъ, авторъ замѣчаетъ о Евгеніи: «какъ истинный представитель эпохи переходной, онъ подаетъ руку уходящему и нарождающемуся: духъ XVIII в. слышится въ немъ по той нетребовательности, съ какою... не рѣдко подбираетъ онъ факты въ свою гостепріимную сокровищницу, съ другой стороны и это уже преобладающая, руководящая идея—ни одно слово не принимается на вѣру, но только послѣ предварительнаго анализа, критики, какъ бы ни устойчива, какъ бы субъективна ни была послѣдняя.

Въ приложеніяхъ помѣщены: 1) Привѣтственная рѣчь Евфимія Болховитинова, обращенная къ Астраханскому архіеп. Тихону въ іюнь 1792 г. (на франц. яз.); 2) Опись греч., лат. и др. языковъ книгъ, оставшихся по кончинѣ преосвященнаго Иннокентія, еп. Воронежскаго; 3) списокъ иностранныхъ писателей и ихъ произведеній, переведенныхъ на русскій яз. въ XVIII столѣтіи; 4) сочиненія, на которыя ссылается Евгеній въ своихъ воронежскихъ и петербургскихъ диссертацияхъ; 5) примѣчанія на Россійскую исторію; 6) историческое разсужденіе о переводѣ Славенской бібліи; 7) перечень литературныхъ работъ митр. Евгенія.

Помимо приложеній есть «дополненія и поправки»

и указатель личныхъ именъ, географич. названій и предметовъ. Таково содержаніе труда г. Шмурло. Къ достоинствамъ его нужно отнести: 1) новостъ свѣдѣній о Евгеніи, почерпнутыхъ непосредственно изъ черновыхъ бумагъ митрополита, хранящихся въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго собора; 2) терпѣливое, соединенное съ сильной любовью къ избранному предмету изученіе деталей; 3) широкую постановку изслѣдованія. Но нельзя вѣнчать въ особенное достоинство труда г. Шмурло, что онъ часто выходитъ изъ рамокъ біографіи. Положимъ, онъ это дѣлаетъ потому, что широко понимаетъ задачу біографа; но въ большинствѣ отдѣльныхъ этюдовъ онъ ничего не говоритъ новаго (напр. о школахъ Екатерининскаго времени, о Московской слав.-греко-лат. академіи и т. д.); обо всемъ заключающемся въ нихъ слѣдовало сказать столько, сколько того требовала главная тема. Наконецъ, въ отношеніи къ Евгенію авторъ допустилъ идеализацію, которая проглядываетъ во многихъ мѣстахъ его труда (напр. невѣрно онъ объясняетъ побужденія поступить въ харьковскій университетъ). Но эти весьма неизбѣжные и незначительные недостатки нисколько не умаляютъ многихъ достоинствъ прекраснаго труда г. Шмурло, и авторъ вполне заслуженно удостоенъ историко-филологическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета степени магистра русской исторіи.—Въ заключеніе можно только пожелать, чтобы авторъ съ такимъ же усердіемъ и любовью продолжалъ трудиться надъ собираніемъ свѣдѣній о дальнѣйшихъ годахъ жизни и дѣятельности Евгенія. Намъ думается, что остановиться на 1804 году въ изображеніи жизни и дѣятельности такого іерарха, какъ Евгеній, г. Шмурло неудобно: 1) любовь и уваженіе къ Евгенію, обнаруженные имъ въ разсмотрѣнной книгѣ нравственно обязываютъ автора посвятить свои силы на всестороннее и полное изученіе жизни и дѣятельности іерарха; 2) безъ окончанія настоящей трудъ г. Шмурло все-таки представляетъ нѣчто не законченное.

Сергія Ольгина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отдѣльныя изданія Редакціи, вышедшія въ последнее время.

Баллады Шиллера. Опытъ объясненія первой группы балладъ, 1882. Ц. 1 р. 20 к. Д. В. Цвѣтаева.

О словахъ съ противоположными значеніями. Проф. В. И. Шерцля. 1884. Ц. 60 к.

О благозвучіи рус. языка. І. Шарловскаго. Ц. 30 к.

Названія цвѣтовъ и символическое значеніе ихъ. Проф. В. И. Шерцля. 1884. Ц. 70 к.

Очерки изъ области фонетики. 1885. Проф. В. И. Шерцля. Ц. 1 р. 20 к.

Языкъ Пушкина въ его произведеніяхъ. 1886. Г. Миловидова. Ц. 25 к.

Къ вопросу о надстрочныхъ знакахъ въ древнеславян. и русскихъ рукописяхъ. 1887. Е. Будде. Ц. 30 к.

Основные принципы научной теоріи литературы. 1888 г. Ц. 60 к., а на веленовой бум. съ перес. 80 к. В. Плотникова.

Образованіе словъ въ языкѣ и задачи словопроизводства съ образцами корнесловія. 1888. Ц. 50 к. Г. Е. Линника.

Значенія множ. числа въ рус. языкѣ. 1888 г. Цѣна 40 к. А. Аѳ. Потебни.

И. М. Бѣлоруссовъ. Зачатки русской литературной критики. Вып. II. А. Ѳ. Мерзляковъ, какъ теоретикъ и критикъ. 1888. Ц. 50 к.

Русское слогаудареніе. (Обстоятельныя разысканія и выводы о законахъ ударенія). 1889. (Трудъ многихъ лѣтъ по изслѣдованію даннаго вопроса). І. Шарловскаго. Вып. 3-й. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., 1-му и 2-му в.в. вмѣстѣ съ перес. тоже 1 р. 50 к., уступка 20⁰/. Складъ этого изданія находится въ книжныхъ магазинахъ: въ КІЕВѢ и МОСКВѢ у Оглоблина, въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ у Мартынова.

Задача и направленія романа въ историческомъ его развитіи. Д. Рисова. 1889. Ц. 20 к.

Двадцатипятилѣтній юбилей изданія «Филологическихъ Записокъ», Юбилейный Сборникъ. Ц. 50 к. съ перес.

Указатель татей за весь 25-лѣтній періодъ этого изданія. Ц. 40 к.

Чествованіе пятидесятилѣтней ученой дѣятельности академика и профессора Ѳ. И. Буслаева (въ Москвѣ)

съ дополненіемъ (съ статьей проф. А. Кирпичникова-интересной, какъ воспоминаніе о **Θ. И.** и его замѣча-
тельное отношеніе къ студентамъ со стороны научной).
1889 г. Ц. 40 к.

**Дополненіе къ Чествованію 50-лѣтней ученой дѣ-
тельности **Θ. И. Буслаева.** (въ С.-Петербургѣ.)**

Основные элементы языка и начала его развитія.
Проф. В. И. Шерцля. (12-ти лѣтній трудъ почтеннаго
ученаго). 1889. Ц. 2 р. 50 к. съ перес. уступки 20⁰/%.

Въ самомъ непродолжительномъ време-
ни выйдутъ еще отдѣльные оттиски изъ «Фил. Зап.»:

**Зачатки прикладнаго языкознанія, какъ науки о
націонализмѣ.** Проектъ. Введеніе. Ц. 65 к.

Методика русскаго языка. А. Барсова. Ц. 50 к.

Постороннія изданія, вышедшія въ настоя-
щемъ году:

**Библиографія по исторіи Римской литературы въ
Россіи съ 1709 по 1889 г.** Съ введеніемъ и указате-
лями. Изданіе проф. Казан. Университета Д. И. Нагу-
евского. 1889. Казань.

Основы библиографіи по исторіи римской лите-
ратуры. Пособіе для студентовъ-филологовъ. Д. И. Нагу-
евского, Проф. Казан. Университета. 1889.

Справочный указатель по русскому и церк.-слав.
языку для воспитанниковъ Учител. Семинарій и учите-
лей народн. школъ. Сост. Романовичъ. 1888. Новгородъ.

**Наставленіе практикантамъ Учительскихъ Семи-
нарій.** Сост. Наставникъ Александровской Новгородской
школы. Новгородъ. 1889.

Практическія занятія по рус. языку. Отчетъ руко-
водителя занятіями. П. П. Романовича. Новгородъ. 1889.

О началѣ міра. Апологическое изслѣдованіе. Рек-
тора Кіевской Духовной Семинаріи Архимандрита
Бориса. Ц. 1 р.

Космологія или метафизическое ученіе о мірѣ (по
В. Bowne'ю). Выпускъ I. О пространствѣ и времени.
1888. Ц. 60 к. съ перес. Его-же.

Поступило въ продажу 2-е исправленіе и допол-
ненное изданіе книги: «**Изъ записокъ по русской грам-
матикѣ.**» Проф. А. Потебни. ц. 4 р. 50 к. съ перес. 5 р.

За этимъ изданіемъ обращаться въ Харьковѣ,
въ книжный магазинъ Д. Н. Полуехта.

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзії, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на различія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, мѣткостей, силы выраженія и красота языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкахъ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной міеологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками—
по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп. съ пересылкой.
За границу **7** руб.

Подписка преимущественно принимается:

въ **ВОРОНЕЖѢ** въ Редакціи Филологическихъ
Записокъ; также въ извѣстныхъ столичныхъ книжныхъ
магазинахъ и въ другихъ городахъ.

Въ Редакціи можно получить:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» и
за прежніе годы, а равно и нѣкоторыя отдѣльныя изданія,
а именно:

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр.
А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ
Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866.
Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ
послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер.
съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна.
Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова.
Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній,
въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго состав-
ляютъ Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи.
изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.